

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Удмуртской Республики
Министерство образования и науки Удмуртской Республики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

**СТОЛЕТИЕ
УДМУРТИИ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
«100-ЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
УДМУРТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

Сборник статей

«Ресурсный потенциал региона
на службе Отечеству»

Ижевск

2020

УДК 94(470.51)''19''(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)6я431
Р 443

Редколлегия:

Г. В. Мерзлякова, А. М. Макаров, В. В. Пузанов, Д. В. Репников.

Ответственный редактор: Г. В. Мерзлякова.

Составители: В. В. Пузанов, Д. В. Репников.

Рецензенты:

А. Е. Загребин — д-р ист. наук, проф. (Ижевск),
Г. П. Мягков — д-р ист. наук, проф. (Казань).

**Р 443   Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству:
к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне:** сборник статей по матери-
риалам секции Международного научно-практического фору-
ма «100-летие государственности Удмуртии: исторические
вехи и перспективы развития» (Ижевск, 7 октября 2020 г.) /
сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников; отв. ред. Г. В. Мерзляко-
ва. — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет»,
2020. — 348 с.

ISBN 978-5-4312-0856-0

В сборнике представлены материалы секции «Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству», посвящённой 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Заседание секции проходило 7 октября 2020 г. в рамках работы Международного научно-практического форума «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития».

Издание подготовлено кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии УдГУ и предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-4312-0856-0

УДК 94(470.51)''19''(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)6я431

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>Р. Д. Голдина (Ижевск, Россия)</i> К вопросу о времени и истоках появления пашенного земледелия в Прикамье	10
<i>Ю. С. Кучин (Москва, Россия)</i> К вопросу об актуальности проблемы существования древнерусской народности	19
<i>В. В. Пузанов (Ижевск, Россия)</i> Вечевая практика X — первой половины XI в. и «походные вече»	29
<i>Д. М. Котышев (Троицк, Россия)</i> Переяславль Русский в системе междукняжеских и межволостных отношений в XII в.	43
<i>М. А. Несин (С.-Петербург, Россия)</i> Набеги большеордынских татар на Русь в 1467–1468 гг. в контексте русско-казанской войны	55
<i>А. Н. Саламатова (Зарипова) (Ижевск, Россия)</i> Половецкий хан Котян в военных кампаниях русских князей	64
<i>А. В. Петров (С.-Петербург, Россия)</i> Исторические области России: эволюция вечевого государства Великого Новгорода до его объединения с Москвой	73
<i>А. Ю. Дворниченко (С.-Петербург, Россия)</i> Так чья же это история? Великое княжество Литовское в историографическом дискурсе.....	83
<i>Р. А. Кудрявцева (С.-Петербург, Россия)</i> Функционирование институтов местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве в XVI в.: опыт компаративного анализа	99

Т. И. Пелипенко (С.-Петербург, Россия)	
Гендерная идентификация как элемент коллективной памяти на примере шляхты Великого княжества Литовского в XVI в.	108
Д. Л. Выслоужилова (Брно, Чехия), И. А. Калугин (Ижевск, Россия)	
Формы проявления политической зависимости финских народов Поволжья от России в трудах европейских путешественников XVI–XVIII вв.	116
А. Л. Мусихин (Н. Новгород, Россия)	
Расходные памяти земским целовальникам — источник по истории Вятской земли периода Смуты	125
И. Ф. Сергеенкова (Ижевск, Россия)	
История страны — история завода: Воткинский завод (1759–1950-е гг.)	137
Е. М. Буряк (Магнитогорск, Россия)	
Трудовые ресурсы Урала в годы «военного коммунизма»	161
О. Г. Клёцкина (Ижевск, Россия)	
Финансовый потенциал Удмуртии в первую половину 1920-х гг. и основное содержание управленческих решений по вопросам формирования и исполнения местных бюджетов	171
В. В. Филатов (Магнитогорск, Россия)	
Удмуртские единоличные хозяйства во второй половине 1920-х — 1930-х гг.	186
С. К. Саркисов (Ижевск, Россия)	
Формирование добровольческого лыжного батальона на территории Удмуртской АССР в период советско-финляндской войны	196
М. Н. Потёмкина, В. А. Мельникова (Магнитогорск, Россия)	
Директор предприятия и трудовой коллектив: проблема взаимоотношений в годы Великой Отечественной войны	207
Д. В. Ренников (Ижевск, Россия)	
Реорганизация государственного аппарата и структуры СНК Удмуртской АССР как форма мобилизации ресурсного потенциала региона в годы Великой Отечественной войны	216
Н. В. Митюков (Ижевск, Россия)	
Воткинские речники в годы Великой Отечественной войны в приказах по личному составу Воткинского мехлесопункта	232

А. А. Кузнецов (Н. Новгород, Россия)

Звание «Город трудовой доблести»: историческая политика и реалии истории тыла в Великую Отечественную войну (на примере Нижнего Новгорода/Горького) 240

А. А. Рукавишников (Магнитогорск, Россия)

Мероприятия по преодолению последствий Великой Отечественной войны в финансовой сфере (на материалах Челябинской области) 246

О. В. Ветошкина (Ижевск, Россия)

К вопросу о состоянии трудовых ресурсов региона после Великой Отечественной войны (на примере оборонных заводов УАССР) 256

Т. Ю. Луцина (Ижевск, Россия)

На службе Отечеству: некоторые вопросы биографии М. Т. Калашникова 267

Е. Н. Дербин (Ижевск, Россия)

Автомат Калашникова и его конструкторская доработка (1948–1953) 274

Р. Р. Вагапов (Уфа, Россия)

Кадровая ротация партийного аппарата БАССР в годы «хрущёвской оттепели» 287

Р. А. Хазиев (Уфа, Россия)

Подпольное обогащение в эпоху Н. С. Хрущёва 290

С. Н. Уваров (Ижевск, Россия)

Изменения в образовательном уровне удмуртов Удмуртской АССР в 1959–1970 гг. 295

В. В. Долгов (Ижевск, Россия)

Изучение истории России в УГПИ–УдГУ: специфика исследовательских стратегий региональной гуманитарной науки 302

Н. В. Халявин (Ижевск, Россия)

История Удмуртии в интернет-пространстве 311

С. В. Козловский (Ижевск, Россия)

«Малая Родина» в представлении студентов Ижевской ГСХА: история, люди, перспективы 320

Е. В. Тронина (Москва, Россия)

Историческая реконструкция как одна из форм
гражданско-патриотического воспитания молодёжи:
опыт, проблемы и перспективы развития 324

А. А. Шамиурин (Ижевск, Россия)

Конструирование социальной группы «молодое поколение»
в процессе гражданско-патриотического воспитания 338

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 346

ПРЕДИСЛОВИЕ

2020 год для Удмуртской Республики ознаменовался двумя важными юбилейными датами: 100-летием со дня образования государственности Удмуртии и 75-летием Победы в Великой Отечественной войне, в достижение которой наша Республика внесла свой неоценимый вклад.

В честь первого юбилейного события в период с 6 по 30 октября 2020 г. прошёл международный научно-практический форум «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития», в организации которого приняли участие Правительство и Государственный Совет УР, вузы, научные и общественные организации республики. В рамках форума состоялось в общей сложности около трёх десятков посвящённых юбилею мероприятий: научно-практических конференций и симпозиумов, круглых столов, дискуссионных площадок и выставок. В них приняли участие руководители органов государственной власти и местного самоуправления Удмуртской Республики, представители научно-педагогического сообщества Удмуртии, других регионов России, сотрудники предприятий и организаций, гости из зарубежных стран.

Одним из таких научных мероприятий в рамках международного форума стало проведение 7 октября 2020 г. секции «Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне». Инициатива создания секции исходила от ректора УдГУ, д-ра ист. наук, проф. Г. В. Мерзляковой. Работа проходила на базе УдГУ — в Учебно-научной библиотеке имени В. А. Журавлёва, с использованием дистанционных технологий.

Вследствие сложной эпидемиологической ситуации подготовка осуществлялась в сжатые сроки усилиями ректората УдГУ, кафедры истории России (д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой

В. В. Пузанов) и кафедры философии и гуманитарных дисциплин (канд. ист. наук, доцент Д. В. Репников) Института истории и социологии УдГУ, Учебно-научной библиотеки имени В. А. Журавлёва (директор — А. В. Данилов).

На рассмотрение участников секции были предложены следующие проблемы: источниковедческие и историографические аспекты изучения ресурсного потенциала региона; Удмуртия — арсенал Отечества: история формирования и актуальные тенденции развития; история регионов России в ракурсе проблем общественно-политического и социально-экономического развития; этнокультурный потенциал региона в исторической ретроспективе; региональная история как ресурс гражданско-патриотического воспитания молодого поколения; вместе с Республикой: наука и образование Удмуртии на службе Отечеству.

Таким образом, целью работы секции стало не только развитие региональных научных исследований в области истории Великой Отечественной войны, но и, шире, привлечение внимания к сохранению и актуализации исторической памяти о вкладе регионов в созидание и укрепление Российского многонационального государства в разные периоды его исторического развития. Это позволило расширить состав участников секции, в работе которой, в итоге, в очном, заочном и онлайн формате приняли участие более 40 исследователей, представляющих университетские, академические, архивные центры Удмуртии, Москвы, Санкт-Петербурга, Башкортостана, Нижегородской и Челябинской областей РФ, Чешской Республики.

На перспективу оргкомитетом принято решение проводить каждое пятилетие конференцию с таким названием, приурочивая её к очередной годовщине Победы в Великой Отечественной войне, однако предполагая рассмотрение более широкого круга вопросов истории Удмуртии и других регионов России и дореволюционного, и советского и постсоветского периодов в контексте их вклада в развитие страны. Таким образом, Всероссийская с международным участием научная конференция «Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» запланирована на 2025 г.

Настоящий сборник материалов подготовлен кафедрой истории России и кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии Удмуртского государственного университета при поддержке ректората УдГУ и Правительства УР.

Р. Д. Голдина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ИСТОКАХ ПОЯВЛЕНИЯ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПРИКАМЬЕ

Проблемой происхождения пашенного земледелия у пермяков занимались М. В. Талицкий, В. А. Оборин, А. П. Смирнов, М. Г. Иванова, А. Н. Сарапулов и др. исследователи. Было выдвинуто несколько версий об истоках появления пашенного земледелия в Прикамье: заимствование от болгар (М. В. Талицкий), болгарского и северорусского населения (В. А. Оборин), южных иранских племен (М. Г. Иванова), самобытное формирование пермского земледелия (А. П. Смирнов). Однако, материалы раскопок археологических памятников Прикамья позволили выдвинуть новую версию о появлении пашенного земледелия в прикамском регионе. В IV в. в Нижнем Прикамье появляется славянское именьковское население. Именно в результате контактов именьковцев с пермскими финнами, у последних в конце V–VII вв. н.э. мотыжное земледелие сменяется пашенным.

Ключевые слова: Прикамье, пермские финны, именьковская культура (славяне), пашенное земледелие, V–VII вв. н.э., жернова, ральники.

Одной из сложнейших проблем истории развития экономики населения Прикамья в эпоху средневековья является вопрос о времени и истоках появления пашенного земледелия. Как известно, все ведущие отрасли производящего хозяйства: земледелие, животноводство, обработка металлов и др. были привнесены в лесную зону Восточной Европы, в том числе и в Прикамье, из более южных областей, где для их сложения имелись более благоприятные природно-климатические условия.

Пермские финны — древнейшие обитатели Прикамья во второй половине I тыс. — первой половине II тыс. н.э. археологически представлены ломоватовско-родановскими древностями (Верхнее Прикамье — конец IV–XV вв.), неволинскими (бассейн р. Сылвы, конец IV — начало IX вв.) и поломско-чепецкими (конец IV–XIII вв.), а также верхнеутчанско-чумойтлинскими (Южная Удмуртия, V–XV вв.) и еманаевско-кочергинскими (Средняя и Нижняя Вятка, VI–XIII вв.).

Первая работа о многочисленных орудиях земледельческого труда пермяков эпохи средневековья, принадлежащая перу Ф. А. Теплоухова [22, с. 57–98], убеждала в их многочисленности и своеобразии. М. В. Талицкий на основании находок монет на Родановом городище обосновал время появления пашенного земледелия в Верхнем Прикамье — X в. и высказал идею о заимствовании его от болгар [21, с. 42–45, 88]. В. А. Оборин указал на присутствие ральников местного типа на пермских памятниках XI–XIV вв. и связывал появление пашенного земледелия с влиянием как болгарского, так и северорусского земледелия [12, с. 66–75; 13, с. 49]. А. П. Смирновым время появления пашенного земледелия на Чепце отнесено к X в. и высказана, правда, без обоснования, оригинальная точка зрения о самостоятельном очаге формирования пермского земледелия и отсутствии влияния болгар на этот процесс [20, с. 190, 235].

М. Г. Иванова, не отрицая воздействия болгар на развитие пашенного земледелия, считала, что оно пришло в Нижнее Прикамье и к населению р. Чепцы от южных степных племен иранского происхождения [6, с. 54]. А. М. Белавин убежден, что пашенное земледелие у пермян возникло под влиянием болгар одновременно в Верхнем Прикамье и на р. Чепце и датирует это явление X–XI вв. [1, с. 130–131].

В монографическом исследовании А. Н. Сарапулова, посвященном комплексному изучению форм и систем земледелия в Пермском Предуралье (VII–XV вв.) автором собраны, проанализированы доступные ему по этой теме источники и реконструирована история развития земледельческого хозяйства края. Основной вывод — пашенное земледелие в Прикамье возникло в

XII в. при посредничестве волжских болгар и причепецких пермян и имело южнорусские истоки [19].

Таким образом, в результате исследований предшественников обозначилось некое разнообразие мнений, из которых можно выделить основные: пашенное земледелие в Прикамье появилось в X в. (М. В. Талицкий, В. А. Оборин, А. П. Смирнов, А. М. Белавин), в IX–X вв. [8, с. 96], или в XII в. (А. Н. Сарапулов). Отсутствие ральников в захоронениях ранее XII в. [19, с. 54] вряд ли является основанием для лишения пермских финнов пашенного земледелия на несколько сотен лет.

Пашенное земледелие в Прикамье возникло под воздействием болгар (М. В. Талицкий, В. А. Оборин, А. М. Белавин, А. Н. Сарапулов), населения Северной Руси (А. Ф. Теплоухов, В. А. Оборин), или представляло собой самостоятельный очаг без ясного генеза (А. П. Смирнов). Важными являются понимание общности времени и истоков этого явления для населения Верхнего Прикамья и бассейна р. Чепцы (В. А. Оборин, А. М. Белавин, А. Н. Сарапулов), а также отмеченные А. Н. Сарапуловым его южнорусские истоки.

Проведенные в последние 50 лет различными экспедициями большие исследования на средневековых памятниках Прикамья позволяют на новой источниковой базе вновь обратиться к проблеме истоков и времени появления пашенного земледелия в Прикамье.

Яркими материальными свидетельствами изменения характера земледелия — перехода от мотыжного к пашенному являются жернова от ручных мельниц и ральники — железные наконечники на деревянные приспособления — рала для рыхления почвы. Жернова появляются, когда возникает потребность в обработке значительного объема зерна. Они представляют собой плиты округлой формы, диаметром 30–45 см, толщиной 3,5–10 см, с отверстием в центре диаметром 4–8 см, вырезанные из разных пород камня, чаще всего — крупнозернистого песчаника. Жернова — рабочие части ручных мельниц, которые с помощью ремней привязывались к потолку помещения, а нижней плоскостью укладывались на другой диск. При поступательном вращении верхнего диска и производился размол зерна в крупу или

муку. Ральники – железные наконечники однополосного подошвенного рала, используемого на освобожденных от леса участках. Это железные подтреугольные пластины длиной 13,3–21,5 см при ширине 11,5–19,2 см, крепящиеся к деревянной части рала с помощью несомкнутой втулки.

Как известно в конце IV в. в Нижнем Прикамье появилось пришлое население юго-западного происхождения — азелинское (гото-славяне, 3-я четверть IV в.) и именьковское (славяне, конец IV в.) [4, с. 295–356]. В могиле 1 Азелинского могильника на р. Вятке наряду с другим необычным для нашей территории инвентарем был обнаружен железный наконечник сохи, размером 18x24 см (ральник) [3, табл. XXIV-5]. Впечатляющие свидетельства новых видов хозяйствования оставило население именьковской культуры (конец IV–VII вв.), располагающейся в устье Камы и прилегающем Поволжье, оставленной славянами. Г. И. Матвеева сообщает о более чем 500 памятниках этой культуры [9, с. 22].

На многих поселениях именьковской культуры встречаются жернова, ножи, серпы, косы-горбуши, лесорубные топоры, мотыжки, сошники и 16 ральников. Возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Ближайшие аналогии орудиям земледельческого труда именьковцев Л. А. Вязов находит в черняховской и киевской праславянских культурах [2].

Славянские заимствования в языке южных удмуртов первым отметил Р. Ш. Насибуллин и связал их с именьковской культурой [11, с. 76–79]. В. В. Напольских значительно расширил их круг, обратив внимание на связь их с пашенным земледелием и использованием ржи в качестве озимой культуры [10, с. 197–206].

У именьковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производства, а также животноводство. Они разводили новые, более мощные породы крупного рогатого скота южного происхождения, часть их коней была более рослыми, чем лесные и по породным показателям близки азелинским и бахмутинским. У именьковцев было популярно овцеводство, они умели разводить верблюдов и, что особенно важно — домашних кошек — хранителей запасов зерна. Обращает на себя

внимание близкое соотношение в стаде видов сельскохозяйственных животных в именьковской и черняховской культурах: лошадей в первом случае — 16,42%, во втором — 11,4%, крупного рогатого скота — 20,41 и 40,2%, мелкого рогатого скота соответственно — 26,65 и 26,6%, свиней — 28,56 и 21,8%. Уменьшение доли в стаде лошадей и увеличение крупного рогатого скота характерно и для населения неволинской, ломоватовской и родановской культур Верхнего Прикамья. В охоте у именьковцев доминировали «мясные» виды — лось, кабан, медведь, бобр, роль пушной охоты — невелика [17, с. 82–88, табл. 37].

Начиная с 70-х гг. XX в. на правобережье Камы восточнее устья Вятки выявлено более 40 памятников с именьковской керамикой [16, рис. 1]. Глиняная посуда этого типа является дополнением к местной, верхнеутчанской или кушнареновской. По-видимому, именьковцы на некоторых поселениях Ижско-Тойменского междуречья жили совместно с местными верхнеутчанцами.

Особенности именьковской керамики хорошо известны. Большинство сосудов имело горшковидную форму: от огромных корчаг до маленьких горшочков, встречались миски, сковороды – диски и стопки. В качестве примесей в тесте использовался шамот и навоз. Поверхность в большинстве своем грубая и бугристая. Орнамент редок, располагается на венчиках в виде насечек [9, рис. 15–19]. Именно такая посуда встречается на верхнеутчанских поселениях. Самая большая коллекция именьковской керамики (839 сосудов) происходит с Кузубаевского I городища IV–VII вв. [15, с. 42–45]. На этом памятнике обнаружены 3 целых диаметром 33–45 см и толщиной 3–7 см и 742 обломка от 89 жерновов [15, с. 23]. На Староигринском городище IV–V вв. найдены 23 фрагмента от 5 жерновов и серп [14, с. 87], а также зерна полбы-двузернянки, овса, ржи, ячменя обыкновенного и бутылковидного [24, табл. 6]. Жернова известны и на Варалинском и Благодатском I городищах. В связи с этим вызывает особый интерес заключение А. Н. Сарапулова о близости пермянского и южнорусского земледелия. Оно вполне объяснимо происхождением пашенного земледелия от именьковского, а не от

болгарского или древнерусского. Таким образом, новые материалы позволяют со всей определенностью говорить, что пашенное земледелие появилось в Среднем Прикамье, а именно в Южной Удмуртии в середине I тыс. н.э. под воздействием славян-именьковцев.

Южную и Северную Удмуртию соединяют р. Иж и левые притоки р. Чепцы. По прямой между ними 150 км, а между верховьями этих рек 6–10 км. Контакты жителей этих зон, их сотрудничество вполне вероятны. М. Г. Иванова сообщает, что жернова появляются на р. Чепце в полемское время, а 3 ральника известны в слое IX–X вв. городища Гурья-кар. На городище IX–XIII вв. Иднакар на р. Чепце найдено уже около 100 жерновов, 29 наральников, 20 фрагментов кос-горбуш, не менее 10 серпов [8, с. 95–100]. Столь значительное количество орудий земледельческого производства свидетельствуют о длительной истории этого вида деятельности. Кроме того, фактически все виды возделываемых культур на Чепце в IX–XIII вв. [23, с. 211] были известны именьковцам. Иногда исследователи апеллируют к находкам проса как к культуре, заимствованной пермянами у болгар, но просо также знали именьковцы, а ранее — ананьинцы (I тыс. до н.э.). Преувеличивать же болгарское влияние на эту отрасль хозяйства не следует. По данным М. Г. Ивановой на чепецких памятниках болгарской керамики мало (Гурьякар — 1,75%; Иднакар — 1,62%). Здесь не найдены монеты болгарского чекана. Многие типы украшений, ранее считавшиеся болгарскими, производились на чепецких и верхнекамских поселениях [7, с. 47–48; 18, с. 313–315]. Надо учитывать и то обстоятельство, что болгары — кочевники и, скорее всего, они воспользовались земледельческим опытом пермян, а не наоборот.

Вероятно, в середине I тыс. н.э. пашенное земледелие стало известно и пермянам кунгурской лесостепи (неволинская культура, конец IV — начало IX в.). Здесь на поселениях: Бартымском I селище, городищах Лобач и Верх-Саинском I собраны большие серии зернового материала. Состав зерновых аналогичен именьковскому: пшеница: мягкая (на Верх-Сае I — 458 экз.), карликовая, твердая, полба-двузернянка (на Верх-Сае I — 12783

экз.), ячмень обыкновенный (на Верх-Сае I — 8656 экз.) и бутылковидный (на Верх-Сае I — 454 экз.), овес (135 экз.), рожь (на Верх-Сае I — 192 экз.) [24, табл. 8]. Важно, что зерно на Верх-Саинском I городище обнаружено в 10 хозяйственных ямах и одном из жилищ, где оно хранилось в больших глиняных сосудах, иногда закрытых каменными плитами и деревянными ларях. На неволинских поселениях найдены также и каменные жернова (не менее 10 на Верх-Сае I), серпы ранних форм (тип III), характерных для южных окраин лесной зоны Восточной Европы [5, с. 55–58]. Вероятно, пашенное земледелие у населения неволинской культуры также возникло под влиянием именьковцев — славян и пермян Южной Удмуртии в V–VII вв. н.э. Следует иметь в виду, что в начале IX в. неволинская культура перестала существовать, и ее земледельческие традиции никак не могут быть отнесены к X–XII вв.

Таким образом, полученные в последние десятилетия новые археологические источники позволяют утверждать, что пашенное земледелие у пермских финнов Прикамья появилось не в X–XII вв. под воздействием болгар и русских, как предполагалось ранее, а в результате контактов со славянами — именьковцами, жившими в устье Камы и прилегающем Поволжье в конце IV–VII вв. н.э. Разумеется, в процессе дальнейшего развития эта форма земледелия совершенствовалась и развивалась благодаря взаимовлиянию с другими этносами — болгарами, русскими, поволжскими финнами, татарами, башкирами и др., но это предмет отдельного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000. 200 с.
2. *Вязов Л. А.* Земледелие племен именьковской культуры // Вестник СамГУ. 2008. №5/1(64). С. 32–42.
3. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III–V вв. / Вопросы археологии Урала. 1963. Вып. 5. 195 с.

4. *Голдина Р. Д.* Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III–V вв.) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология.* 2017. № 4. С. 295–356.
5. *Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В., Перевозчиков С. Е.* Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья. МИА КВАЭ. Т. 23. Ижевск, 2012. 264 с.
6. *Иванова М. Г.* Земледелие северных удмуртов в начале II тыс. н.э. // *Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М. Г. Иванова.* Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1978. С. 49–67.
7. *Иванова М. Г.* Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья // *Взаимодействие древних культур Урала.* Пермь, 1990. С. 45–53.
8. *Иванова М. Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Б.и., 1998. 294 с.
9. *Матвеева Г. И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СамГУ, 2003. 160с.
10. *Напольских В. В.* Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // *Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры.* Т. 2. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996. С. 197–206.
11. *Насибуллин Р. Ш.* К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // *Вестник УдГУ.* 1992. № 6. С. 76–79.
12. *Оборин В. А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков // *СЭ.* 1956. № 2. С. 66–75.
13. *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII вв. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.
14. *Останина Т. И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // *Материалы средневековых памятников Удмуртии.* Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. С. 78–91.
15. *Останина Т. И.* Кузбабаевское городище IV–V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. 112 с.
16. *Останина Т. И.* Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности // *Археология евразийских степей.* 2018. № 1. С. 257–292.
17. *Петренко А. Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья

- (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Вып. 3. 2007. С. 82–95.
18. Руденко К. А. Этнокультурное взаимодействие народов Волго-Камья в конце X–XIV вв. (по археологическим данным). Palmarium Academic Publishing. Saarbrüka Deutschland, 2013. 681 s.
  19. Саранулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: ПГГПУ, 2015. 170 с.
  20. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.
  21. Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.: Изд-во АН СССР, 1951 С. 33–96.
  22. Теплоухов Ф. А. Земледельческие орудия пермской чуди // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 57–98.
  23. Туганаев В. В., Туганаев А. В. Иднакар как ключ к познанию истории агроэкосистем // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 209–220.
  24. Туганаев А. В., Туганаев В. В. Состав, структура и эволюция агроэкосистем европейской России (лесная и лесостепная зоны в средневековье (VI–XVI вв. н.э.)). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 198 с.

Ю. С. Кучин

г. Москва (Россия)

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ «ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ»

В статье рассматривается вопрос актуальности проблемы существования «древнерусской народности» в условиях наметившегося в восточноевропейской историографии критического переосмысления сложившихся в советской науке подходов. Ответы на многие возникающие при обращении к теме «древнерусской народности» вопросы нельзя признать исчерпывающими и достаточно аргументированными, как нельзя признать в полной мере обоснованными и убедительными имеющиеся возражения. Гипотеза о существовании «древнерусской народности» заслуживает внимательного всестороннего изучения и непредвзятого критического анализа. Нынешнее состояние историографии проблемы позволяет не только подвести итоги научных исследований, но и осуществить проверку гипотезы на устойчивость к критике. Автором обозначены основные вопросы проблематики древнерусского этнического единства, ответы на которые имеют определяющее значение для установления приемлемости гипотезы для объяснения этнических явлений и процессов в Киевской Руси.

Ключевые слова: Этногенез, этническая история, восточные славяне, древнерусская народность, восточноевропейская историография.

В 1940–1950-х гг. советской исторической наукой в целях решения задачи реконструкции этнической ситуации в Древнерусском государстве в более широком контексте проблемы этногенеза и этнической истории восточных славян, определения их этнического взаимодействия и исторических связей между ними была разработана гипотеза о существовании «древнерусской народности».

Гипотеза нашла поддержку у партийного и государственного руководства СССР, как отвечающая политико-идеологическому запросу на укрепление единства восточнославянских народов — залога устойчивости государственного единства страны. Такая поддержка в значительной мере определила ведущую роль данной гипотезы в исследованиях по этногенетической тематике. До конца 1980-х гг. в советской научной литературе существование «древнерусской народности» прямо не оспаривалось, хотя некоторые выводы публиковавшихся исследований вступали в противоречие с содержанием гипотезы.

Затем историографическая ситуация стала меняться. В СССР была объявлена политика «перестройки» и «демократизации», в результате которой произошло ослабление идеологического контроля в области гуманитарных исследований. После 1991 г. главным фактором изменений стало обретение бывшими советскими республиками государственного суверенитета. Широко распространение получило мнение, что новым государствам необходима «своя», «объективная» история, требуется «десоветизация» исторической науки, следует «по-новому» взглянуть на прошлое. В вышедших в 1994 г. «Очерках истории Беларуси», подготовленных в Институте истории Академии наук Беларуси, читаем: «Але суверэнная дзяржава – Рэспубліка Беларусь — павінна мець сваю аб'ектыўную гісторыю, у якой быў бы адлюстраваны цяжкі шлях народа са старажытных часоў да нашых дзён» [12, с. 3]¹. О такой же тенденции в украинской историографии: «Утвердження України як незалежної держави по-новому поставило питання щодо походження, сучасного стану і місця у світі нашого народу» [14, с. 9]².

В процессе формирования национальных исторических концепций на Украине и в Беларуси приобрело популярность видение этногенеза и этнической истории украинцев и белорусов

¹ «Но суверенное государство — Республика Беларусь — должно иметь свою объективную историю, в которой был бы отражен тяжкий путь народа с древних времен до наших дней» (перевод наш).

² «Утверждение Украины как независимого государства по-новому поставило вопрос о происхождении, современном состоянии и месте в мире нашего народа» (перевод наш).

вне контекста «древнерусской народности». Наметилось стремление критически переосмыслить гипотезу о существовании данной этнической общности. Часть представителей исторического сообщества (по определению П. П. Толочко «более совестливые») начала «смягчать свою позицию различными оговорками» [23, с. 13]. В то же время появилось немало работ, в которых существование «древнерусской народности» отрицалось. В ряде случаев без какой-либо достаточной для подобного рода выводов аргументации гипотеза объявлялась «типичным творением кремлёвских идеологов», «сознательной фальсификацией», одним из «имперских» мифов, утверждалось, что «древнерусскую народность» «придумали российские историки» для «оправдания имперской политики Москвы».

В «постсоветской» российской исторической науке курс на пересмотр гипотезы о существовании «древнерусской народности» не получил своего развития, хотя некоторыми историками высказывались оппонирующие мнения [3; 11]. С позиции поддержки древнерусского этнического единства выступили также известные белорусские и украинские учёные [7; 22].

Тем не менее, при сложившемся положении в восточноевропейской историографии не приходится говорить о былой устойчивости гипотезы или, по крайней мере, об удовлетворяющем научное сообщество разрешении споров вокруг неё. Хотя предпринимались попытки организации диалога, привлечения к совместному рассмотрению проблематики «древнерусской народности» представителей научного сообщества, занимающих диаметрально противоположные позиции. Так в 2001 г. «Украинский исторический журнал» инициировал проведение «круглого стола», посвящённого этническим процессам в средневековом славянском мире. Определяющей темой дебатов стал вопрос о «древнерусской народности». В его обсуждении приняли участие учёные из Беларуси, России, Украины [6, с. 3–47; 28].

Необходимо принять во внимание, что в России, несмотря на сравнительно небольшое число критических по отношению к гипотезе публикаций, существует «пассивное» непризнание частью историков существования «древнерусской народности». Обошли молчанием гипотезу исторические энциклопедические

издания «Отечественная история» и Российская историческая энциклопедия [13; 16]. Отсутствует статья, посвящённая «древнерусской народности», в энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире». Как сказано в предисловии к изданию, энциклопедия «освещает исторические реалии..., а не историографические понятия и схемы», чтобы «избежать политизации материалов и соблюсти принцип строгой научности в изложении фактов» [4, с. 6]. В Словаре социолингвистических терминов, работа над которым осуществлялась Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, при «описании» термина «народность» утверждается, что уже в раннем средневековье «на территории нашей страны» произошло образование «трех восточнославянских народностей — русской, украинской, белорусской» [18, с. 137].

Проигнорировали «древнерусскую народность» при формировании материала Большой Российской энциклопедии [2]. Не содержит информации о «старажытнарускай народнасці» Белорусская энциклопедия и Энциклопедия истории Беларуси [1; 25]. В то время как на Украине (где негативное отношение к предполагаемой единой древнерусской этнической общности имеет значительную поддержку в научно-историческом сообществе) Энциклопедия истории Украины и Энциклопедия современной Украины предлагают своему читателю статью, где отражены различные точки зрения на проблему «древнерусской народности» и представлен обширный список литературы [26; 27].

По мнению П. С. Стефановича, «идея «древнерусской народности» как этноса, соответствующего древнерусскому государству домонгольской эпохи, в определенном смысле сохраняет ценность и сегодня — прежде всего, для обоснования происхождения трех современных восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов) из одной «колыбели» [21, с. 48].

Вместе с тем очевидна неудовлетворённость разрешения вопроса единой древнерусской этнической общности, подтверждением чего может служить внесение данной темы при разработке Историко-культурного стандарта в «Перечень трудных вопросов истории России». Последовавшие разъяснения историков в полной мере продемонстрировали всю сложность вопроса «существования

древнерусской народности», который «ещё далёк от научно сертифицированного разрешения» [19; 20; 5; 10].

Е. А. Мельникова считает, что «в целом интерес к проблеме как таковой, равно как и ее актуальность в российской исторической науке резко упали: за последнее десятилетие не вышло ни одной работы, специально посвященной древнерусской народности» [10]. Между тем возможно иное объяснение такого положения дел – это нежелание современных историков браться за тему сложную как в части её разработки, так и в части её восприятия в обществе и научной среде, спорную, обременённую субъективными, политико-идеологическими, мировоззренческими «условностями». При понимании незавершённости научного поиска решения данной проблемы и «недосказанности» в полемике сторонников и противников гипотезы, а, следовательно, и сохранения её актуальности в современной историографии. Хотя бы потому, что не сняты с повестки дня вопрос происхождения восточнославянских народов и проблема этнической ситуации в «домонгольской» Руси.

Широкое распространение в исторической науке «ближнего зарубежья» мнения, категорически не признающего существования «древнерусской народности», позволяет утверждать, что не утратило своей актуальности критическое осмысление рассматриваемой гипотезы. Такое утверждение тем более справедливо, если принять во внимание, что ответы на многие вопросы, возникающие при обращении к гипотезе, нельзя признать исчерпывающими и достаточно аргументированными, о чём нам уже приходилось писать ранее [8].

Если в прежние годы признавалась недостаточная чёткость определения этнокатегории «народность», которой гипотеза о существовании «древнерусской народности» обязана своей теоретической конструкцией, то в последние десятилетия получила широкое распространение тенденция к отказу от использования понятия «народность».

Ещё в советской этнографической литературе высказывалось сомнение в возможности причисления «территориального» типа этнических связей людей к индивидуализирующим при-

знакам народности и определялось как «крайне проблематичная» её экономическая общность. В исторических работах допускалось начало формирования народностей «до образования феодального государства» [17, с. 41]. Не все представители научного сообщества признают очевидность существования указанных исторических явлений в «домонгольской» Руси. Так, И. Я. Фроянов писал о том, что нельзя переоценивать значение «территориально-общинных связей у восточных славян VI–IX вв.», что в X в., на древнерусской территории не было раннефеодальной монархии, а сложился грандиозный межплеменной союз, сплочённость которого была весьма относительной, и на исходе X в. достаточно чётко обозначились признаки его деградации [24, с. 28].

Особое внимание следует уделить вопросам, ответы на которые имеют определяющее значение для установления приемлемости гипотезы для объяснения этнических явлений и процессов в Киевской Руси. Речь идёт прежде всего о проблеме языкового единства «древнерусской народности», т. к. язык, согласно общепринятому мнению, является обязательным её признаком, и вопросе проявления этнического самосознания, которое для существенной части исследователей такой же по своему значению признак данного типа этнической общности. Рассмотрение проблемы этнического самосознания «древнерусской народности» должно включать в себя не только изучение взглядов историков на данное явление и его место в гипотезе, но и осмысление состояния вопроса этнического самосознания в отечественной этнографической (этнологической) науке.

Существенную роль в процессе формирования и развития этнических общностей того исторического периода, к которому полагается относить «древнерусскую народность», играл такой фактор, как религия. Для человека того времени в его отношении к другому человеку с позиции «свой — чужой (другой)» религиозные воззрения имели в решающей степени определяющее значение. Принятие и дальнейшее распространение на Руси христианства «греческого» обряда имело своим следствием изменение ментальности крещёного населения, его самоидентификации.

Религия являлась важнейшим компонентом этнического самосознания [9, с. 237]. По мнению В. Д. Корольюка и Г. Г. Литаврина, исследования по тематике христианизации различных славянских народностей позволяют утверждать, что «окончательное оформление» этнического самосознания этих народностей связано с принятием и утверждением новой религии, «поскольку именно распространение христианства и его победа... послужили решающим фактором преодоления в сознании... пережитков племенного партикуляризма» [15, с. 263]. Между тем влияние христианства не ограничивалось этническим самосознанием. Новая религия и привнесённые с ней письменность и книжность формировали новую духовную культуру, воздействовали на язык населения. Распространение христианства влекло за собой изменения в материальной культуре. Т. е. в большей или меньшей степени были затронуты все те явления, которые принято включать в общий ряд определяющих признаков народности. Принимая во внимание точку зрения, сформировавшуюся ещё в советской историографии, в соответствии с которой завершение «в целом» процесса становления раннефеодальных народностей связано с распространением и утверждением христианства, можно констатировать, что распространение христианства на Руси входит в круг вопросов, подлежащих рассмотрению в силу определяющего их значения при анализе гипотезы.

Нельзя признать в полной мере обоснованными и убедительными критические суждения о «древнерусской народности», т. к. должного тщательного разбора гипотезы, пожалуй, пока ещё произведено не было. Можно ли утверждать, что в оппозирующих работах представлены обобщение и анализ существующих подходов к разработке и развитию гипотезы с тем, чтобы с большей отчётливостью выявить общее и особенное во взглядах учёных на «древнерусскую народность»? Не добавляет весомости критике гипотезы то обстоятельство, что (и здесь мы обратимся к мнению украинских историков А. П. Толочко и П. П. Толочко) «...в більшості випадків цією проблемою переймаються люди, котрі ніколи професійно її не досліджували, а отже, не володіють ні джерелознавчею базою, ні

історіографічними набутками попередніх поколінь істориків» [22, с. 295]³.

По мнению П. С. Стефановича, альтернативные идеи по отношению к гипотезе о существовании «древнерусской народности» в историографии последних лет озвучиваются редко и либо в декларативном ключе, либо с малоубедительными трактовками конкретных данных [21, с. 50].

Сложившаяся историографическая ситуация, как нам представляется, является достаточным побудительным мотивом для исторического сообщества, чтобы вновь обратиться к поиску решения задачи реконструкции этнической ситуации в Древнерусском государстве. В свою очередь, гипотеза о существовании «древнерусской народности» заслуживает внимательного всестороннего изучения и непредвзятого критического анализа. Нынешнее состояние историографии проблемы позволяет не только подвести итоги научных исследований, но и осуществить проверку гипотезы на устойчивость к критике. Конечно же, не предполагается, что вопрос существования единой древнерусской этнической общности будет разрешён окончательно. Что не отменяет необходимости его научного осмысления и не может служить основанием для его историографического «забвения».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 15: Следавікі — Трыо / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2002. 551 с.
2. Большая Российская энциклопедия. Т. 9: Динамика атмосферы — Железнодорожный узел / Отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2007. 766 с.
3. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
4. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общей ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 990 с.

---

³ «...в большинстве случаев этой проблемой занимаются люди, которые никогда профессионально её не изучали, и, следовательно, не владеют не историко-ведческой базой, не историографическим наследием предыдущих поколений историков» (перевод наш).

5. *Жаронкин Валентин*. Нет в русской истории «трудных вопросов». Ч. 2: Древняя Русь — Россия, Украина, Белоруссия // URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/niet-v-russkoi-istorii-trudnykh-voprosov-chast-2-drievniaia-rus-rossiia-ukraina-bielorussiia>
6. Етнічні процеси в середньовічному слов'янському світі (матеріали «круглого столу») // Український історичний журнал. 2001. № 3. С. 3–47.
7. *Загарульскі Э. М.* Заходняя Русь: IX–XIII стст.: Вучэб. дапам. Мінск: Універсітэцкае, 1998. 240 с.
8. *Кучин Ю. С.* Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII вв. в отечественной историографии (середина XX — начало XXI в.). М.: Издательский Дом «Городец», 2017. 288 с.
9. *Литаврин Г. Г., Наумов Е. П.* Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне. VI–XII вв.). М.: Наука, 1991. С. 232–249.
10. *Мельникова Е. А.* Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси // URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840004662-7-1>
11. *Меркулов В. И.* Была ли древнерусская народность? // Научные труды Моск. педагогического гос. ун-та. Серия: социально-исторические науки. М.: Прометей, 2006. С. 12–19.
12. Нарысы гісторыі Беларусі ў 2 частках. Ч. 1 / Гал. рэд. М. П. Касцюк. Мінск: Беларусь, 1994. 527 с.
13. Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Д–К / гл. ред. В. Л. Янин. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1996. 656 с.
14. *Павленко Ю.* Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів в цивілізаційному контексті // Ruthenica. Т. 1. Київ, 2002. С. 9–24.
15. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья / отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1982. 355 с.
16. Российская историческая энциклопедия: в 18 т. Т. 6: Джемшиды — Ильменские славяне / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Олма Медиа Групп, 2018. 616 с.
17. *Рыбаков Б. А.* Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // Вопр. истории. 1952. № 9. С. 40–62.

18. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
19. *Смирнов А.* Древнерусская народность: что об этом нужно знать и в чём сомневаться // URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/drievnierusskaia-narodnost-chto-ob-etom-nuzhno-znat-i-v-chiom-somnievat-sia>
20. *Смирнов А.* Древнерусская народность: что об этом пишут в учебниках // URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/drievnierusskaia-narodnost-chto-ob-etom-pishut-v-uchiebnikakh>
21. *Стефанович П. С.* Идентичность руси в «имперскоэсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (72). Июнь 2018. С. 48–64.
22. *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 1998. 352 с.
23. *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.
24. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 328 с.
25. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. Т. 6, кн. 1. Пузелі — Усяя / Гал. рэд. Г. П. Пашкоў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2001. 592 с.*
26. *Юсова Н.* Давньоруської народності концепція // *Енциклопедія Сучасної України*. Т. 7. Г–Ді / гол. ред. колегія: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк та ін. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2007. С. 171–173.
27. *Юсова Н. М.* Давньоруської народності концепція // *Енциклопедія історії України*. Т. 2. Г–Д / ред. колегія: В. А. Смолій (голова) та ін. Київ: Наукова Думка, 2004. С. 275–276.
28. *Ruthenica*. Т. 1 / наук. редактори В. Ричка, О. Толочко. Київ, 2002.

В. В. Пузанов

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ВЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА И «ПОХОДНЫЕ ВЕЧА»

В статье предлагается новый метод анализа летописных сообщений о вечевой практике на Руси X — первой половины XI в., на основании которого реконструируется степень интенсивности функционирования народных собраний в рассматриваемое время. Особое внимание уделяется типологии вечевых собраний и, прежде всего, походных «тингов», которые, по мнению автора, в отличие от городских вечевых сходок, являлись общеземскими по своему характеру.

Ключевые слова: вечевые собрания, частота упоминаний, летописи, иностранные источники, типология, преемственность, «походные веча».

Важнейшим органом участия *людей* во власти в Древней Руси являлось народное собрание — *вече*. В отличие от совета знати, этот традиционный институт в процессе государствогенеза не отмирает, а постепенно эволюционирует из племенных собраний в народные собрания городов. Большинство историков и дореволюционных, и советских выводили вечевые собрания из догосударственной древности славян¹. Имеются и противники такой точки зрения. Так, по мнению П. В. Лукина, «материалы русских летописей... свидетельствуют скорее против, чем за преемственность “племенных собраний”» и городского веча древнерусского времени. Об этом же свидетельствует (автор ссылается на выводы К. Цернака) и сравнительно-исторический,

---

¹ Историографию вопроса см.: [25, с. 150–155; 8, с. 72–73; 10, с. 9–38; 6, с. 2–47].

прежде всего — западнославянский, материал. Вече сформировалось в условиях городского строя и связано с городом, а не всей волостью [8, с. 76–100]².

Близкую позицию занимает В. Я. Петрухин: «практика народных собраний... была связана не столько с традициями племенной архаики (эпохи “военной демократии” и т. п.), сколько с новыми реальностями эпохи славянской колонизации и строительства государства, когда необходимо было устанавливать “ряд”, договариваться с соседями и врагами» [15, с. 150].

Позиция В. Я. Петрухина противоречива... Славянская колонизация (расселение) начинается не позднее, чем на рубеже V–VI вв. До «строительства государства» было еще далеко. А «договариваться» нужно было и до этого времени как между собой, так и с внешним окружением (готами, гуннами и т. п.).

Думается, что преемственность между племенными и древнерусскими вечевыми собраниями, все-таки, была. Конечно, как правило, не на «генетическом» уровне (речь о поиске прямого предшественника конкретного городского собрания и т. п.), а на социокультурном (традиционные представления и нормы воспроизводились в трансформирующихся и заново формирующихся общностях и, вместе с последними, адаптировались к изменяющейся социальной, политической и культурной среде)³. Аргумент, согласно которому тер-

---

² В последних своих работах, посвященных проблеме, П. В. Лукин занимает более осторожную позицию, ведя речь об отсутствии институциональной преемственности племенных собраний и древнерусского (в данном случае — новгородского) веча, «при сохранении определённых архаических политико-правовых традиций» [7, с. 17; 10, с. 54, 501].

³ Так же в более поздние времена русские колонисты, обживавшие просторы Сибири, самоорганизовывались на основе веками формировавшихся у них представлений и воспроизводили систему самоуправления, известную еще их предкам, даже если они сами не имели подобной социальной практики (скажем, беглые холопы, крестьяне, уходившие от землевладельцев). Яркий пример — казачье самоуправление, которое формировалось на основе общинных принципов, но имело особенности, связанные со спецификой существования военной общины. Люди разных социальных страт, из разных регионов страны приносили на иные места, в иную социальную и, нередко, этнокультурную среду устоявшиеся в их сознании общественные нормы и предпочтения, реализовывали их в практике организации нового типа жизнедеятельности.

мин «вече» не употребляется летописцем по отношению к восточно-славянским догосударственным общностям (так называемым «племенным собраниям») [8, с. 76, 86–86]⁴, нельзя признать убедительным, поскольку, как справедливо отметил М. А. Несин, «до нас дошли рассказы всего лишь о нескольких, считанных племенных собраниях». Справедливо и его замечание по поводу того, что «собрание древлян», принимавшее решение по князю Игорю, «летописец связывает с городом Искоростенем» [13, с. 105]. Данное обстоятельство можно рассматривать как пример трансформации племенного вече в вече формирующегося города-государства (вече происходило в Искоростене, но решение принималось от имени всей Древлянской земли)⁵.

Б. Д. Греков не отрицал преемственности «племенных» и древнерусских вечевых собраний. В то же время, исследователь считал, что вече, уходящее корнями в родовое общество, «с появлением государства... теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в “соглашение” с народом...». Отмечая неравномерность исторического развития «в различных частях Киевского государства», Б. Д. Греков писал: «В то время как в киевском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Киевского государства и носят характер племенных собраний». Вечевые собрания, по его мнению, «оживляются со второй половины XI в....» [1, с. 364; 2, с. 369–370].

Б. Д. Греков и его сторонники в такой постановке вопроса опираются, прежде всего, на Повесть временных лет (далее — ПВЛ), в которой термин «вече» применительно к X в. встречается всего один раз (белгородское вече 997 г.)⁶. Оппоненты значительно шире ис-

---

⁴ Тем более, что применительно к древнерусскому периоду П. В. Лукин убедительно показывает необходимость учета и косвенных, а не только прямых известий о вече [12, с. 241–243].

⁵ См.: [23, с. 38–39; 21, с. 15, 17, 18, прим. 13].

⁶ Б. Д. Греков, в качестве «исключительных случаев», усматривал известия о вече в X в. «в описании двух осад городов печенегами (Киева в 968 г. и Белгорода в 997 г.)...» [2, с. 362].

пользуют возможности летописного текста, указывая как на косвенные упоминания о вече, так и на случаи активного участия населения в политической жизни Древней Руси, привлекают иностранные свидетельства [25, с. 150–184; 26; 12]. Отмечая перспективность такого подхода, следует обратить внимание еще на одну возможность пролить луч света на данную проблему, связанную с анализом характера летописных известий и степени их информативности. Анализ источников показывает, что удельная частота упоминаний о вече существенно зависит от детальности освещения летописцем событий: чем подробнее информация, тем чаще фигурирует вече, тем весомее предстает его роль в политической жизни Древней Руси⁷. Напротив, чем фрагментарнее известия, тем больше, в них затушевывается (либо вовсе стирается) роль веча и народа, тем зримее роль и значение княжеской власти. Показательны в этом плане две записи о событиях, связанных с ослеплением Василька Тербовльского. Так, под 1097 г. в ПВЛ помещено связанное историческое повествование⁸, охватившее события от осени 1097 г. до 30 августа 1100 г. [18, стб. 257–273]. Из него следует, что преступления, совершаемые в княжеской среде, являлись заботой не только князей, но и народа. Именно к киевлянам обращается Святополк за советом по делу Василька, которого оговорил Давыд⁹. Киевляне же, после ослепления спасают своего князя от возмездия со стороны Владимира Мономаха, Давыда и Олега Святославичей: они «не даша» бежать Святополку из города и настояли перед остальными князьями на примирении. Князья «на^чша межи собою моу^ж слати . и оумираша^с на семь . яко рѣша Сѣополку яко се Дѣдва сколота . то иди ты Сѣополче на Дѣда . любо ими любо прожени и. Сѣополкъ же емьса по се . и цѣловаше кр^сть межю собою . мирь створше» [18, стб. 263–265; 19, стб. 237–239].

Однако, когда летописец, верный погодному принципу изложения материала, дублирует под 1098 г. вышеизложенные

⁷ См.: [24, с. 66–67].

⁸ Т. н. «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского».

⁹ По мнению А. Г. Плахонина, «в первоначальном тексте “Повести об ослеплении”», очевидно, речь шла о совместном решении киевского веча и киевского князя Святополка наказать Василька» [16, с. 198–199, 207].

события (от похода трех князей на Святополка до примирения), он отмечает: «В лето 6606. Приде Володимерь, и Давыдъ и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша мирь...» [18, стб. 273; 19, стб. 248]. Таким образом, здесь уже единственными вершителями предстают князья. Летописец оставляет волю князей и убирает волю киевлян, которая, как следует из предыдущего рассказа, на самом деле являлась решающей.

Приведенный пример раскрывает принцип подачи летописного материала. А ведь автор указанных строк был очевидцем событий. Естественно, что когда речь шла о делах более древних, известных летописцу по преданиям, степень схематизации неизбежно возрастала. X век был темным для летописца¹⁰. Поэтому воссоздавая вечевую историю X в. (равно как и историю любого другого явления) следует обращать внимание не только на частоту упоминаний о народных собраниях, но и на характер летописной информации (в данном случае, имелось ли в ней место для веча?). Вряд ли возможно, например, отрицать наличие племенных собраний у восточных славян в доваряжский период. Однако в посвященной ему недатированной части летописи имеется только одно косвенное указание на вече — в случае с полянской данью мечами хазарам¹¹.

---

¹⁰ В свете сказанного, выводы И. П. Ермолаева о минимальном участии населения в местном управлении, о том, что «сведения о вечевых собраниях у славян в летописи появляются только с конца X в.» [4, с. 42] не могут быть приняты.

¹¹ П. В. Лукин сомневается, что в данном случае речь идет о вече: «Термин “вече” здесь (как и во всех остальных случаях, относящихся к характеристике “племен”) не употребляется и, конечно, не случайно, так как летописцы конца XI–XII вв. прекрасно знали, что такое настоящее вече» [8, с. 76]. — Не только летописец, но и его потенциальный читатель, знал, что такое вече. Поэтому летописцу не обязательно нужно было пояснять, что поляне «сдумаша» именно на вече (это то же самое, как уточнять, что на вече решили сообща). Здесь если и можно в чем заподозрить книжника, так это в том, что он мог переносить реалии своего времени, на более ранний период. В этой связи модернизацией представляется предположение П. В. Лукина, согласно которому «летописец, не имевший информации о том, какое управление было у полян после Кня, предпочел использовать обтекаемые формулировки (“сдумавше поляне”)», что

Проведенный анализ информации ПВЛ за 901–1000 гг. по указанному принципу дает интересный результат. Из 100 изученных погодных статей, 52 не содержат никакой событийной информации (летописец ограничился стандартной: в подобных случаях фразой: «В лето (такое-то)» (901, 904-906, 908-910, 916-919, 921-928, 930-933, 935-940, 948-954, 956-963, 974, 976, 978, 979, 994, 995, 998, 999 гг.). 990 и 993 гг. вообще пропущены (итого: 55 лет какими-либо событиями не отмечены). Пять погодных записей (под 902, 929, 934, 942, 943 гг.) повествуют о событиях за пределами Руси, и одна (под 911 гг.) сообщает о комете (**итого: 61 год**). Из 39 погодных записей, содержащих ту или иную информацию о Руси, только 9, по характеру заложенной в них информации, потенциально могли содержать упоминание о вече, либо о других формах политической активности населения. **На эти 9 лет** приходится: описание вечевых порядков у древлян (945–946 гг.), одно свидетельство о вече в Белгороде (997 г.), три указания на вече в Киеве (два под 968 г. и одно под 987 г.) и одно (возможно) — в отношении Новгорода (970 г.). При этом известия под 945, 968, 980, 983, 987, 996 гг. в той или иной степени свидетельствуют о значительной роли в политической жизни общества киевлян. Активная позиция новгородцев прослеживается в событиях 970 г., белгородцев — 997 г. Показательно, что в отмеченных случаях упоминается вече союза племен (на начальной стадии формирования города-государства — у древлян); вече в пригороде (белгородское) и в старшем городе (киевское и, возможно, новгородское) формирующихся городов-государств¹². Таким образом, представлена типология вечевых собраний, отражающая основной спектр политогенеза в восточнославянском обществе X века (союзы племен, формирующиеся города-государства, «Русская земля» /так называемая «Киевская Русь»/). Это, для «темного» X в. можно считать уникальным и показательным

«летописцу не казалось странной мысль о возможности принятия в глубокой древности полянами решений коллективно» [8, с. 76]. Коллективное принятие решений для летописца было естественным явлением.

¹² См. подр.: [23, с. 38–39].

явлением, отражающим весомую роль веча в политической жизни того времени¹³.

Обоснованность подобных выводов подтверждается иностранными источниками, свидетельствующими об активном участии народа в управлении и о вече, как заурядном явлении на Руси в X — первой половине XI в. [25, с. 164]. Наиболее интересно в этом плане сообщение о крещении русов во второе патриаршество Игнатия (867–877 гг.)¹⁴, содержащееся в 5 книге «Продолжателя Феофана». Автором 5 книги, посвященной жизнеописанию византийского императора Василия I Македонянина¹⁵ традиционно, считается Константин Багрянородный¹⁶. В рассказе, больше похожем на легенду и содержащем фантастические подробности, содержится все же зерно истины. И заключается оно не в мнимом крещении русов во второй половине IX в., и не в чуде с Евангелием, а в отражении автором современных ему исторических реалий, характеризующих государственный строй Руси середины X века, о котором Константин был хорошо информирован. Показательно, что вопрос о крещении решался на вече: «Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея¹⁷, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: “Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках

¹³ Подр. см.: [23, с. 37–48; 21, С. 13–20].

¹⁴ Игнатий (Никита), константинопольский патриарх (847–858, 867–877 гг.).

¹⁵ «Историческое повествование о жизни и деяниях славного царя Василия, которое трудолюбиво составил из разных рассказов внук его Константин, царь в Бозе ромеев».

¹⁶ Константин Багрянородный, византийский император (913–959 гг.). Доводился внуком Василию I Македонянину (император в 867–886) гг.).

¹⁷ Архиепископа, рукоположенного Игнатием.

и печи¹⁸, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим?»). Помолвившись, архиепископ бросил по требованию русов в огонь Евангелие, которое осталось «невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповорев книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению» [17 (V. 94), с. 213–214]¹⁹.

Константин Багрянородный весьма точно описал состав вече (князь, старейшины, народ), процедуру проведения и принятия на нем решений, и не доверять ему нет оснований²⁰.

Показателен и анализ погодных записей ПВЛ первой половины XI в. (подсчет велся за период 1001–1054 гг., до смерти Ярослава). Из 54 лет 14 — без событийные (1002, 1004, 1005, 1006, 1008, 1009, 1010, 1012, 1013, 1034, 1035, 1046, 1048, 1049). 1025 год отсутствует (**итого 15 лет** не отмечены никакими событиями). Вычтем из записей, в которых могла потенциально оказаться информация о вече или активности народа, краткие погодные известия: о смерти княгинь (1011, 1050) и князей (1001, 1103, 1033, 1052), рождении князей (1020, 1027, 1053), пожарах (1017) и знамениях на небе (1028), походах (1023, 1038, 1040, 1041), о мире (1029: «Мирно бы^с»), строительстве городов (1032), освя-

¹⁸ Имеется ввиду библейская легенда, согласно которой царь Навуходоносор велел бросить в печь трех мужей, отказавшихся поклоняться идолам. Мужья вышли из печи невредимыми (Дан. 3).

¹⁹ То, что в решении о крещении Руси было задействовано вече, свидетельствует «Сага об Олаве Триугвасоне» [3, с. 145–146, 185–187] и, косвенно, Повесть временных лет (далее — ПВЛ) и несколько уточняющий ее Пролог начала XIII в. Так, согласно Прологу, Владимир, вернувшись в Киев из Корсуни, «изби вся идолы... Посемь созва все множество людей и заповеда имь креститися, нарекъ имь день...» [5, с. 402]. Конечно, в Прологе могли переноситься современные политические реалии на древний период, и это следует учитывать. Показательно, что во всех указанных источниках народ себя ведет достаточно пассивно.

²⁰ Не проливает ли свет данное известие Константина Багрянородного на обстоятельства заключения русско-византийского договора 944 г. и на свидетельство ПВЛ о присяге всех русов. Может быть, договор утверждался на вече и именно там информатор царственного книжника подсмотрел процедуру проведения народного собрания, так точно переданную Константином.

щении (1039) и закладке (1045) храмов, переносе святых в Десятинный собор (1007). К этой же группе следует отнести немногим более пространные известия о походах: на емь и падеж коней в войске (1042); на мазовшан и гибель их князя (1047); на чудь, основание Юрьева и мятеж в Польше (1028); на ляхов Ярослава и Мстислава (1030); на Новгород Брючислава (1030); на касогов (1022); на Византию (1043). **Итого еще 27 лет.**

Вряд ли могла содержаться информация о вече в известиях об эсгумации и крещении останков Ярополка и Олега и вокняжении в далеком Полоцке Всеслава (1044), заключении мира между Ярославом и Мстиславом у Городца (1026)²¹, о заложении Ярославом «города», Златых врат и св. Софии, монастырей, его любви к книгам и т. п. (1037), смерти Мстислава и разгроме печенегов (1036)²².

Таким образом **выпадает 46 лет из 54.** На оставшиеся 8 лет приходится сообщения о вече в Новгороде (1015), активной позиции новгородцев в битве на Днепре со Святополком (1016) и при попытке Ярослава бежать за море (1018). Активная позиция киевского воинства прослеживается в походе 1015 г. В 1024 г. Киевляне отказались принять Мстислава, хотя Ярослав в городе отсутствовал. В целом же, позиция киевлян и новгородцев в противостоянии Ярослава и Мстислава — разговор особый²³.

Не вдаваясь в детальный анализ отдельных вечевых собраний, остановлюсь на известии источников о «походных вечевых собраниях». Представляет в этой связи интерес *Прядь об Эймунде Хрингссоне*, в которой имеются смутные указания на тинг, собираемый воинами во время похода. На вопрос Ярицлейва конунга, «что будут делать» воины Бурицлейва конунга после его гибели Эймунд ответил: «Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле [убийстве

²¹ Ср. с сообщением под 1098 г. (см. выше).

²² Летописец здесь называет Ярослава «самовластцем», но речь лишь идет о том, что он после смерти Мстислава стал править Русью единолично.

²³ См. об этом: [22, с. 388–393].

Бурицлейва. — В.П.], потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии...” И было так, как думал Эймунд конунг, — все войско Бурицлейва конунга разошлось в несогласии» [3, с. 303, 316].

Конечно, прядь могла переносить скандинавские реалии на Древнюю Русь, да и Бурицлейв, согласно ей, «пришел в Гардарики с большой ратью и многими злыми народами» [3, с. 301, 314]. Тем не менее, о созыве русскими веча в походе имеются прямые свидетельства летописи, согласно которой во время похода 1214 г. на Киев «новгородъци же, створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати» [20, с. 53, 251].

В этой связи представляет интерес известие о поведении дружины и воев, находившихся с Борисом в походе, представленное в летописной повести о Борисе и Глебе и Сказании о Борисе и Глебе. Налицо здесь параллели с информацией, содержащейся в Пряди об Эймунде²⁴. Когда Борис находился в походе против печенегов, ему пришла весть о смерти Владимира. Борис, оплакал отца, «и ста на Лѣтъ пришедь . рѣша^а же юму дружина вѣща . се дружина оу тебе вѣща и вои . поиди сяди Къевѣ на столѣ вѣти . вѣнь же рече^и не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго . аще и вѣць ми оумре . то съ ми буди въ вѣща мѣсто . и се слышавше вои разидошася ѿ него . Борисъ же стоиаше съ вѣтрокы своими» [18, стб. 152; 19, стб. 118]²⁵.

Ситуация реконструируется следующим образом. Дружина и вои (народное ополчение) собрались в походе на вече и предложили Борису занять отчий стол. Как обычно в таких случаях, слово берет кто-то из наиболее знатных и влиятельных. В данном случае имя того, кто обращался от имени дружины и воев

²⁴ В данном случае не важно, кто скрывался под именем Бурицлейв в Пряди об Эймунде, Борис или, что более вероятно — Святополк (См. об этом: [3, с. 346, прим. 13]). Речь о сходстве ситуации.

²⁵ В Новгородской Первой летописи (далее — Н1Л): «и пришедь Алѣтъ. Рѣша же дружина отня: “се, у тебе есть дружина отня и вои бещислено; паки поиди и сяди в Киевѣ на столѣ отѣнь”. Он же рече: “не буди того мнѣ възнати, ни руки подняти на брата старѣишаго; аще отець мой умре, то съ ми будетъ во отца мѣсто». Се слышавше, разидошася раздно от него; Борисъ же стояше съ вѣтрокы своими» [20, с. 170].

не сохранилось (книжники использовали собирательное «дружина ѡтнѧ», т. к. по статусу дружинники Владимира были выше и дружинников Бориса (отроков) и ополченцев. Но обращение было при всем войске и от имени всего войска: «се дружина оу тебе ѡтнѧ и вои . поиди сѧди Къевѣ на столѣ ѡтнѧ»²⁶. Поскольку Борис ответил отказом — войско разошлось («и се слышавше вои разидошасѧ ѿ него») кто куда («разидошасѧ раздно от него» [20, с. 170]). С ним остались только его отроки.

Показательно, что войско, как и в случае описанном в пряди, разошлось, поскольку лишилось главы — князя (в первом случае — гибель Бурицлейва, во втором — отказ Бориса возглавить дружину и ополчение).

Не менее интересен и сюжет под 1016 г. о противостоянии Ярослава и Святополка на Днепре: «Приде Ярославъ и сташа противу . ѡ поль Днѣпра . и не смѧху ни си ѡнѣхъ . ни ѡни сихъ начати и стояша мѣѣ . гѣ . Противу собѣ . и воєвода нача Стѣполчѣ ѣзда възлѣ берегѣ . оукарати Новгородцѣ глѧ . что придосте с хромьцемъ симъ . ѡ вы плотници суще . а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ . се слышавше Новгородци рѣша Ярославу . яко заоутра перевеземъсѧ на не . аще кто не поидеть с нами . сами потнемъ [его]» [18, стб. 141–142; 19, стб. 129].

Не исключено, что новгородцы, задетые за живое оскорблениями, принимали решение атаковать противника на импровизированном походном вече. В пользу этого свидетельствует и угроза наказания за игнорирование данного решения («аще кто не поидеть с нами . сами потнемъ [его]»). Обычно подобные санкции применялись к тем, кто сопротивлялся вечевым приговорам²⁷, что вытекало из характерного для славянского мира принципа одиначества²⁸. Показательно в этом плане решение киевского веча под 1151 г.: «Кияне же рекоша Вачьславу и Изаславу . и Ростиславу . ать же поидуть вси . како можетъ и

²⁶ В НЛЛ: «се, у тебе есть дружина отня и вои бещислено; паки поиди и сяди в Киевѣ на столѣ отнѣѣ» [20, с. 170].

²⁷ П. В. Лукин привел интересные параллели на этот счет у западных и восточных славян (см.: [9, с. 7]).

²⁸ Об одиначестве см.: [11; 14].

хлоудь в роуци взати пакы . ли хто не поиде^т намъ же и даи ать мы сами побьемъ» [19, стб. 433–434].

Созыв веча в походе не противоречил вечевой практике, поскольку понятия *вечник* и *воин* (ополченец) совпадали. Весь народ (свободные) представлял собой вооруженную силу (народное ополчение) и принимал непосредственное участие в управлении (вече). Понятия «народ», «войско», «власть» не были четко разграничены в сознании людей того времени. Поэтому «походное вече», вероятно, являлось тем редким исключением, когда оно носило общеземский характер и по своему составу²⁹, поскольку в масштабных походах участвовало ополчение всей земли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 511 с.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
3. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 779 с.
4. Ермолаев И. П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 392 с.
5. Из Пролога // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб. Наука, 1999. С. 388–405.
6. Камалов К. М. Древнерусское вече в отечественной историографии XVIII–XX вв. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 2005. 174 с.
7. Лукин П. В. Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода. Автореф... дис. д.и.н. М.: ИРИ РАН, 2014. 50 с.
8. Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М.: Индрик, 2004. С. 70–130.

---

²⁹ Общеземский характер веча старшего города определяется, прежде всего, обязательностью исполнения его решений всеми субъектами земли (города-государства). Имели место случаи участия на вече представителей нескольких городов [20, с. 22–23, 24, 207, 209; 18, стб. 371–372; 19, стб. 596]. В большинстве же известных случаев, по своему составу, городское вече — собрание свободных жителей города.

9. Лукин П. В. «Народные собрания» у восточных и западных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3(17). С. 5–11.
10. Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.
11. Лукин П. В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации: Сб. матер. Всерос. научно-практич. конф. Ижевск, 24–25 окт. 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2007. С. 127–139.
12. Лукин П. В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. Вып. 8. М.: Индрик, 2009. С. 217–243.
13. Несин М. А. Первая монография о новгородском вече. [Рец. на:] Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с. // Valla. 2016. № 2 (3). С. 98–109.
14. Петров А. В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 71–83.
15. Петрухин В. Я. Русь IX–X века. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 464 с.
16. Плахонін А. «Сего не бывало в рускѣи земљи»: вплив візантійського права та пережитки кровної помсти в князівському середовищі // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 3. Київ, 2003. С. 197–208.
17. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. 2-е изд., испр. и доп. / изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009. 400 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
21. Пузанов В. В. О вечевых собраниях на Руси в X веке // Государство и общество. С.-Петербург: Ижевск, 1999. № 1. С. 13–20.
22. Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.

23. *Пузанов В. В.* У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть. СПб.: Лань, 1997. С. 5–48.
24. . *Пузанов В. В.* Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. СПб.: Лань, 1997. С. 49–94.
25. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та., 1980. 256 с.
26. *Фроянов И. Я. Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.

Д. М. Котышев
г. Троицк (Россия)
Лицей № 13

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РУССКИЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ И МЕЖВОЛОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XII ВЕКЕ

Статья посвящена анализу положения Переяславля Русского в системе междукняжеских и межволостных отношений на протяжении XII века. Подчеркивается, что в результате династического конфликта второй четверти XII в. между потомками Владимира Мономаха (т. н. «переяславского кризиса»), за Переяславлем закрепился особый статус территории как «части» Русской земли, находящейся в преимущественном владении младших Мономашичей, а впоследствии Юрьевичей. Контроль за этой «частью» являлся для Юрия Долгорукого и его потомков выражением права на долю общего владения Русской землей как общеродового достояния Мономашичей. Этот статус привел, в конечном итоге, к обособлению Переяславщины от остальной части Русской земли, которую контролировали многочисленные потомки Мстислава Владимировича.

Ключевые слова: Переяславль Русский (Южный), Владимир Мономах, Мстислав Владимирович (Великий), Юрий Владимирович (Долгорукий), Ростислав Юрьевич, Изяслав Мстиславич, Русская земля, княжеское причастие, коллективный сюзеренитет.

Переяславская земля с самого момента своего территориально-политического оформления являлась важнейшей составной частью раннегосударственного мультиполитийного образования Русская земля (наряду с Киевской и Черниговской землями). Возникнув в конце X в. в результате целенаправленной строительной деятельности Владимира Святославича, Переяславль становится надежным форпостом Русской земли, защищая ее от печенежских, а потом и половецких вторжений. Согласно

«ряду» 1054 г. Переяславль отошел Всеволоду Ярославичу, третьему по счету сыну Ярослава Мудрого, ставшему родоначальником одной из влиятельнейших княжеских династий Русской земли.

Дальнейшая история Переяславля, начиная с конца XI в. во многом связана с решениями Любечского съезда 1097 г. В соответствии с этими решениями статус черниговских Святославичей был понижен и они в общединастическом «рейтинге» переместились со второго места на третье. Это означало возвышение переяславских Всеволодовичей (фактически одного Владимира Всеволодовича), которые заняли второе место после киевских Изяславичей.

Повышение династического статуса Мономаха одновременно означало и повышение статуса занимаемого им стола. А его вокняжение в Киеве в 1113 г. по инициативе «киян» превратило Переяславль во второй по статусу город Русской земли. Вторичное вокняжение переяславского князя в Киеве (первое — это вокняжение Всеволода Ярославича после гибели его брата Изяслава) сделало город на Трубеже второй по значению политией и последней ступенью перед киевским столом. В этом качестве, как можно будет увидеть дальше, Переяславль воспринимался всеми без исключения потомками Мономаха.

Такое понимание статуса города спровоцировало обширный династический кризис после смерти Мстислава Владимировича. Согласно Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) Мономах передал Переяславль Мстиславу вместе с Ярополком: «...акоже баше има даль Переяславль съ Мстиславом» [12, стб. 301]. Единственное недоумение при прочтении данного известия вызывает информация о белгородском княжении Мстислава, начиная с 1117 г. [12, стб. 291; 13, стб. 284]. Хотя вдумчивый анализ политики Мономаха это недоумение снимает — с самого момента своего вокняжения в Киеве он проводит последовательную политику укрепления влияния своей семьи в Русской земле¹.

---

¹ Более детально о различных аспектах этой политики мне приходилось писать неоднократно: [4, с. 7–14; 5, с. 607–612].

Давыд Святославич, ставший черниговским князем по итогам Любечского съезда, не представлял большой опасности, а контроль за днепровским Правобережьем Мономах стремился сосредоточить в руках своей династии. Поэтому Ярополк был оставлен в Переяславле, а Мстислав отправлен из Новгорода в Белгород — один из ближайших пригородов Киева, имевшего большое церковно-политическое и военно-стратегическое значение. Контроль за Новгородом продолжал оставаться в руках Мономаха, точнее в руках Мстиславичей, в лице старшего их представителя — Всеволода.

Прослеживалась вполне отчетливая тенденция Мстиславичи как старшие Мономашичи стремились сохранить в своих руках ключевые города Русской земли и Новгород, а также соединяющие их земли (как тут не вспомнить «внешнюю» и «внутреннюю» Русь Константина Багрянородного!). Младшие же Мономашичи (Владимировичи) оказывались оттесненными в периферийные районы.

Помимо вышеперечисленного Мономахом было предпринято еще одно важное действие, касающееся судеб Русской земли и киевского стола. Действие это носило непубличный характер, информация о нем на страницы летописей попала лишь в связи с событиями «переяславского кризиса». Речь идет о соглашении между Мстиславом и Ярополком Владимировичами, заключенном еще при жизни их отца. По этому соглашению Всеволод Мстиславич, занимавший новгородский стол, после кончины Мстислава должен был получить Переяславль².

Являлось ли соглашение между Мстиславом и Ярополком инициативой самого Мономаха или автором его был Мстислав? На этот счет существуют различные точки зрения. А. Е. Пресняков высказывал сомнения в том, что «идея майората» приходила

---

² «Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича из Новгорода и да ему Переяславль по хрсьному цѣлованью акоже сѧ баше оурадил с братом своим Мстиславомъ по втню повелѣнью акоже баше има даль Переяславль съ Мстиславомъ» [12. стб. 301].

в голову Мономаху [15, с. 81]. А. Е. Преснякова в его скептицизме поддержал А. П. Толочко, приписав идею династического соглашения Мстиславу [16, с. 42].

На мой взгляд, более оправданной является точка зрения А. В. Назаренко, считающего Мономаха инициатором закрепления киевского стола за потомством Мстислава. Вероятнее всего, именно грекофильские убеждения Владимира Всеволодовича стали причиной стремления ввести династическую (даже более точно — внутрдинастическую) примогенитуру, зафиксировав ее путем прижизненной десигнации наследника. Таким актами десигнации А. В. Назаренко справедливо считает посажение в Белгороде Мстислава Владимировича и позднее — Всеволода Мстиславича в Переяславле [9, с. 177-178].

С учетом нового статуса Переяславля, оформившегося с началом XII в., вокняжение на переяславском столе фактически означало анонсирование будущего киевского правителя. В качестве переяславского князя Всеволод Мстиславич фактически становился следующим после Ярополка киевским правителем. Вместе с этой десигнацией (по определению А. В. Назаренко) Всеволода по замыслу Мономаха и Мстислава младшие Владимировичи отсекались от наследования киевского стола.

Наблюдается определенная параллель с решениями Любечского съезда. По его итогам Ольговичи, в одночасье ставшие из черниговских новгород-северскими, были удалены от Киева и исключены из общего порядка наследования киевского стола, фактически оказавшись в положение изгоев. Ту же самую политику проводит Мстислав Владимирович в отношении младших братьев. Претворяя в жизнь план отца, он не собирался признавать за младшими братьями права на Киев.

Об этом прямо говорит Новгородская первая летопись (далее — НПЛ): «И рече Юрги и Андрѣи: “се Ярополкъ, брат наю, и по смерти своей хочеть дати Киевъ Всеволоду, братану своему” и выгониста ис Переяславля» [14, с. 23, 308]. Им, как наследникам Мономаха от второго брака [10, с. 65; 7, с. 50–82], вытесненным на периферию Русской земли, в случае реализации плана Мстислава и Ярополка грозила участь черниговских Святосла-

вичей — превращение в изгоев. Вероятно, к этому времени относится и заключение между Юрием и Андреем соглашения о взаимной поддержке наследников в случае смерти одного из них и сохранения за ними владений, доставшихся от отца³.

Борьба за Переяславль стала для младших Мономашичей средством сохранения доступа к киевскому столу как общединастическому достоянию. Если рассматривать переяславские коллизии 1132–1136 гг. с этой точки зрения, то беспорядочная, на первый взгляд, княжеская чехарда вокруг переяславского стола получает непротиворечивое объяснение. И Изяслав, и Вячеслав, побывавшие на переяславском столе, не удовлетворяли Юрия и Андрея прежде всего, как представители старших Мономашичей (Мстилавичей). И только когда Юрий добился размена Переяславля на Ростовскую и Суздальскую волость, а потом перевода на переяславский стол Андрея из Владимира-Волынского, ситуация стабилизировалась.

Пребывание Андрея на переяславском столе, с учетом сформировавшегося в первой четверти XII в. статуса города, носило знаковый характер. Это был компромисс Ярополка, направленный на замирение младших братьев: через переяславское княжение Андрея подчеркивалась приобщенность младших Мономашичей к общединастическому владению Русской землей и Киевом.

Мне представляется, что благодаря деятельности Юрия возникло и оформилось понятие «части» («причастия»), которое применялось князьями «Володимерова племени» к Русской земле на протяжении второй половины XII в., превратившееся с

---

³ Речь идет о событиях 6664/1157 мартовского года (в Ипат эти события помечены ультрамартовским стилем [1, с. 168] включающих в себя поход Юрия Долгорукого с союзными князьями на Мстислава Изяславича и осаде Владимира-Волынского, которая закончилась безуспешно. Летописец, поясняя обстоятельства этого похода, говорит о том, что «Гюрги же Володимира не собѣ искашетъ но цѣловаль башеть хрѣтъ къ брату своему Андрѣви въ живогѣ и еще ажо по живогѣ его волость оудержати снѣи его» [13, стб. 486]. На это соглашение как на часть династической политики младших Мономашичей обратил внимание еще В. А. Кучкин [7, с. 81]

легкой руки ряда исследователей в самостоятельный институт междукняжеских отношений [2, с. 29; 3, с. 65–68; 11, с. 48].

С вокняжением Андрея «перяславский кризис» фактически завершился, вплоть до кончины младшего Мономашича в 1142 г. вопрос о перяславском столе не поднимался. Осталось только определиться, какие последствия повлек «перяславский кризис» для дальнейшего развития Русской земли?

Начну с того, что появление Андрея Владимировича на перяславском столе означало уход города на Трубеже из-под власти Киева, а именно — из рук Мстиславичей. Достигнутый по итогам перяславского кризиса внутривполитический компромисс поставил под вопрос политическое единство Русской земли. А оно и без того сильно пошатнулось после обособления Черниговщины при Всеволоде Ольговиче.

Этому компромиссу существовать пришлось недолго — он возник стараниями Ярополка Владимировича и ушел в небытие вместе с ним. Кончина Ярополка привела к утрате Мстиславичами киевского стола — впервые для потомков Мономаха за последние четверть века. В новой политической реальности перед потомками Мстислава Владимировича встала задача сохранения своих позиций в Русской земле. Достичь этого можно было только объединив все свои силы. В этих условиях династическим компромиссом и статусом Перяславля, по-видимому, решено было пожертвовать.

Андрей Владимирович, занимавший перяславский стол с 1135 г., скончался 22 января 6649 (1141/42 мартовского) года [1, с. 143; 13, стб. 309]. На перяславском столе предсказуемо оказывается Вячеслав Владимирович [13, стб. 310]. Однако перяславское княжение Вячеслава было недолгим — Ипат. сообщает, что «В то же лѣто Вячеславъ смолвася съ Всеволодомъ да Изаславоу Переяславль снѣвцю своему а Вячеславъ иде в Туровъ. Всеволодъ же сыно Стѣславоу ѿда Володимерь» [13, стб. 312–313].

Чем была вызвана подобная рокировка? Из летописного текста следует, что инициатором размена выступил Вячеслав, стремившийся вернуться в свой Туров. С согласия Всеволода Ольговича его сын Святослав оказался на волынском столе, а

Изяслав Мстиславич ушел с Волыни в Переяславль. Было ли это так на самом деле, или предприимчивый Изяслав использовал своего дядю, чтобы добиться через Всеволода Ольговича нужного решения? Состояние источников таково, что ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным.

Несомненным остается одно — с санкции Всеволода Ольговича Мстиславичи вернули себе контроль за Переяславлем, добившись реализации замыслов Мономаха и Мстислава. Для достижения этой цели пришлось пожертвовать владимирово-волынским столом; но именно этот размен определи дальнейшую судьбу киевского столонаследия. После кончины Всеволода Ольговича, несмотря на присягу Игорю, киевляне отправляют посольство как раз в Переяславль, зовя Изяслава Мстиславича на киевское княжение⁴.

Возвращение киевского стола в руки Мстиславичей означало, на мой взгляд, новую попытку консолидации Русской земли. После фактического отпадения Черниговщины в 1130–1140-х гг. она состояла из ядра, включающее территории Киевской и Черниговской земель, а также примыкающих к ядру анклавов — Смоленщины и Волыни. Вся указанная территория с конца 1140-х гг. оказывается под контролем Мстиславичей. Ольговичи, а тем более Давыдовичи, оказываются вытесненными из Русской земли.

Интересна позиция младших Владимировичей, особенно с учетом потери Переяславля. После вокняжения Изяслава Мстиславича в Киеве, а Мстислава Изяславича — в Переяславле⁵, Юрий Владимирович ничем не выражает своего неудовольствия. По сравнению с предшествующими годами, особенно в пору «переяславского кризиса», такое поведение выглядит достаточно странно.

---

⁴ «И не оугодень быѣ Киѧномъ Игорьъ и послашасѧ къ Переѧславлю къ Изѧславу рекоуче поиди кнѧже к намъ хоцемъ тебе» [13, стб. 322–323].

⁵ Точная дата вокняжения Мстислава в Переяславле неизвестна, однако в Ипат. под 6665 (мартовским 1147/48 г. [1, с. 147] годом Мстислав Изяславич предстает как переяславский князь [13, стб. 359–360]. М. П. Кучера полагает, что Мстислав был посажен в Переяславле вскоре после вокняжения его отца в Киеве [6, с. 130].

Как мне представляется, причина такого поведения кроется в появлении в Русской земле Ростислава Юрьевича, которому Изяслав Мстиславич выделил несколько городов. Получение Ростиславом Юрьевичем «части» в виде пяти городов при одновременном признании «старейшинства» его отца рассматривалось самим Юрием как подтверждение его династических прав на Русскую землю наравне с Мстиславичами. При таких условиях Юрий Владимирович был согласен терпеть присутствие племянника на киевском столе. «Часть» (или «причастие»), о котором говорит летописец устами суздальского князя, предстает, таким образом, не элементом «коллективного сюзеренитета», а компромиссом, своеобразным соглашением между Владимировичами и Мстиславичами. Как только это соглашение в 1149 г. было нарушено, Юрий тут же выступил против Изяслава.

Но даже в создавшейся ситуации Юрий Владимирович не сколько стремился добыть Киев, сколько, выражаясь современным языком, восстановить историческую справедливость. Вот как суздальский князь обрисовывает ситуацию своему союзнику Святославу Ольговичу: «снѣць мой Заславъ на ма пришедь волость мою повоевалъ и пожегль и еще и снѣ моего выгналь из Русьской земли и волости ему не далъ и соромъ на ма възложиль». Выход из сложившейся ситуации Юрий видел двояко: «а любо соромъ слою и земли своеи мьщю любо чѣть свою налѣзу пакы ли а голову свою слою» [13, стб. 376].

В чем состоял «сором» для суздальского князя, в этом обращении он не поясняет; но для Святослава Ольговича ситуация была понятной и не нуждалась в объяснении. Дополнительный свет на создавшееся положение вещей проливает обращение Юрия к Изяславу накануне битвы под стенами Переяславля: «се брате на ма еси приходиль и землю повоевалъ и старѣшинство еси с мене сналъ нынъ же брате и снѣу Роускыѣ дѣла земля и хрѣтъѣанъ дѣла не пролѣвие крови хрѣтъяньскы но даи ми Переаславль ать посаю снѣ своего оу Переаславли а ты сѣди прѣтвоуа в Киевѣ» [13, стб. 380].

При сопоставлении цитат, становится понятно, что «сором» для Юрия Долгорукого заключался в «снятии» с него старейшинства Изяславом Мстиславичем. Как было установлено выше, признание за Юрием старейшинства было связано с выделением Ростиславу «части» в Русской земле. Следовательно, отнятие этой «части» означало, вместе с тем, и лишение Юрия «старейшинства» в среде Мономашичей и Мстиславичей. Воспроизводилась ситуация 1132 г.: лишение Ростислава «части» в Русской земле означало для него, его отца и всех Юрьевичей отлучение от общеродового достояния и наступление изгойства.

Исправить ситуацию можно было несколькими способами. Способ первый — возвращение значимой «части», какой являлся Переяславль. Способ второй — овладение киевским столом. Юрий предлагал своему племяннику первый вариант, но отказ Изяслава и его последующее поражение в битве под Переяславлем привели Юрия Долгорукого на киевский стол.

В Переяславле предсказуемо вокняжился Ростислав Юрьевич, а его младшие братья — в прочих городах Русской земли: «Гюрги же старѣишаго снѣ своего Ростислава посади оу Переяславли Андрѣа Вышегородѣ а Бориса в Бѣлѣгородѣ а Глѣба в Кановѣ» [13, стб. 384]. С этого момента Переяславль возвращается под контроль Юрия и его сыновей — традиция, согласно которой город на Трубеже является достоянием старшей ветви потомков Мономаха, была продолжена. Ростислав оставался переяславским князем вплоть до своей кончины в 1151 г.⁶

Показательно, что после кончины сына Юрий Владимирович оставляет Переяславль за собой; это право не оспаривает даже противная сторона. Во время переговоров Юрия с Вячеславом последний заявляет: «но æ брате тобѣ молвлю Роускы дѣла

---

⁶ В конце погодной статьи 6658 (1150/51 мартовского) года Ипат. сообщает: «В се же лѣто престависа Ростиславъ Гюргевичъ Переяславли свитающе великому паѣку и положиша и братьа Андрѣи и Глѣбъ и Мстиславъ въ цркви сѣго Михаила близъ стѣае своего Андрѣа и Стослава» [13, стб. 418; 1, с. 149-150]. Лавр. дает более правильную датировку, помещая это событие под 6659 (1151/52 мартовским годом) – великая пятница (6 апреля) приходилась как раз на 1151 год в этом году Пасха отмечалась 8 апреля [17, с. 60–61].

земла и хрѣтъѣнь дѣла поѣди же оу свои Переѣславль и в Курескъ и съ своимы снѣи а внамо оу тебе Ростовъ Великийи и СѸлговичи поусти домови а сами сѧ оурѧдимъ а крови хрѣтъѣньскыи не пролѣимы» [13, стб. 430–431]. Потерпев поражение на р. Руте, Юрий укрывается в Переяславле, где его осаждают Вячеслав и Мстиславичи. Обращает на себя внимание их требование: «Вѧчьславъ же и Изяславъ посласта къ Дюргеви рекша кланлевѣти сѧ иди Соуждалю а снѧ посади Переѣславли не можемъ с тобою быти сде приведеси на ны впѧть Половци» [13, стб. 442–443].

Из этого требования недвусмысленно следует, что права Юрия на Переяславль как на часть Русской земли не ставятся под сомнение. Суздальскому князю всего лишь предлагается оставить переяславский стол за кем-то из своих сыновей. Однако отказ от претензий на киевский стол был выше сил Юрия — «и на томъ на всемъ нужна быс Дюргеви цѣловати хрѣтъ». Он оставил в Переяславле сына Глеба, а сам ушел в Городец Остерский [13, стб. 444]⁷.

Однако такой исход, при котором Юрий фактически оставался в пределах Русской земли, решительно не устраивал Изяслава и его союзников. Они осадили Юрия с детьми в Городце и добились его ухода в Суздаль. Глеб Юрьевич был выведен с переяславского стола в Городец-Остерский, а на его место определен Мстислав Изяславич.

Это была последняя (до конца XII века) попытка Мстиславичей сохранить за собой Переяславль. После кончины Изяслава Мстиславича в 1154 г. киевский стол достался его брату Ростиславу. Пока был жив его дядя, Вячеслав Владимирович, Ростислав чувствовал себя уверенно. Однако после кончины Вячеслава его племянник не смог удержать Киев, потерпев поражение от Изяслава Давыдовича. Мстислав Изяславич был вынуж-

---

⁷ Как показывают новейшие исследования, Остерская волость являлась немаловажной частью Переяславщины [8, с. 57–65]. Поэтому, даже покинув стольный город земли, Юрий Владимирович не терял с ней связь. Кроме того, Городец Остерский на протяжении второй половины XII в. для суздальского князя продолжал оставаться плацдармом в борьбе за Киев и Переяславль.

ден оставить переяславский стол удалиться на Волынь. В Переяславле снова оказывается Глеб Юрьевич: «Изяславъ же въѣхавъ оу Киевѣ и сѣде на столѣ а Глѣба посла въ Переяславль кнѣжить» [13, стб. 476].

С этого момента Переяславль и его судьба до конца столетия будут тесно связаны с судьбой потомков Юрия — сначала Глеба Юрьевича, а затем его сына Владимира. Глеб Юрьевич стал последним князем из поколения сыновей Юрия Долгорукого, занимавшем киевский стол. Его младшие братья, Михалко и Всеволод довольствовались фактом династического (точнее, семейно-династического) контроля за Переяславщиной как частью Русской земли. Приверженность переяславцев князьям младшей линии Мономашичей (в данном случае — потомкам Юрия Владимировича) в конечном итоге привела к их дистанцированию от Киева, находившегося под контролем преимущественно потомков Мстислава Владимировича. Это означало к концу XII века обособление Переяславщины и сужение Русской земли до размеров земли Киевской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 376 с.
2. *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность на Руси. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. 270 с.
3. *Котляр Н. Ф.* Отражение в «Слове о полку Игореве» государственной структуры Руси периода феодальной раздробленности // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М.: Наука, 1986. С. 64–71.
4. *Котышев Д. М.* Консолидация Русской земли в первой четверти XII века: династический проект Владимира Мономаха // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28, Вып. 4. С. 607–612.
5. *Котышев Д. М.* Русская земля и киевское княжение Владимира Мономаха // Европа в средние века и новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы Всероссийской, с международным участием,

- научной конференции молодых ученых, посвященной 70-летию кафедры истории России Удмуртского государственного университета. Ижевск, 6–7 декабря 2016 г. С. 7–14.
6. *Кучера М. П.* Переяславская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 118–143.
  7. *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое: Сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН Л.В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999. 348 с.
  8. *Моргунов Ю. Ю.* Остерская волость Переяславской земли // Краткие сообщения института археологии. Вып. 249. М., 2017. С. 57–65.
  9. *Назаренко А. В.* К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 164–193.
  10. *Назаренко А. В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65–78.
  11. *Паушто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 11–76.
  12. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
  13. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 1105 с.
  14. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.
  15. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. 316 с.
  16. *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси. Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 222 с.
  17. *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. 93 с.

М. А. Несин

г. Санкт-Петербург (Россия)

НАБЕГИ БОЛЬШЕОРДЫНСКИХ ТАТАР НА РУСЬ В 1467—1468 ГОДАХ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-КАЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Автор изучает большеордынские набеги на Русь 1467 и 1468 гг. в контексте событий русско-казанской войны и приходит к выводу, что ордынские и казанские татары скорее всего действовали сообща.

Ключевые слова: Большая Орда, Иван III, Великое княжество Московское, русско-казанские войны, Галич, черемисы.

Русский осенний военный поход 1467 г. на Казань кончился неудачно (подробнее о нем см. напр.: [1, с. 78–79; 2, с. 39–41; 4, с. 387–389; 10; 11, с. 93–95]. Московским властям не удалось посадить на казанский престол своего ставленника — служилого касимовского царевича Касима, родственника казанских ханов, служившего московским великим князьям и проживавшего на территории Московского княжества, в Касимове (служебную биографию царевича см.: [9; 10; 11]). Из-под Казани русские войска ушли не ранее середины ноября — начала Филипповского поста [10, с. 139; 11, с. 94]. Согласно великокняжескому хронисту, «и татары Казанские по отходе их часу того поидоша изгоном» к русскому городу Галичу [16, с. 223; 17, с. 134] (г. Галич на территории нын. Костромской области).

Казанское войско не могло быть крупным: если уж той студеной дождливой осенью русские не могли достать под Казанью корма для себя и для коней (что послужило одной из главных причин прекращения похода) а потом даже поели с голоду собственных лошадей, то много ли могли с собой провизии взять казанские татары в ответный поход на Галич? (Да и могла бы с собой брать большие запасы изгонная татарская рать, которая

действовала изгоном — внезапно, неожиданно появляясь и несомненно готовая при необходимости внезапно исчезнуть вместе с полоном? Как эта сделала казанская рать зимой 1468 г. с реки Куси под Костромой при подходе костромского войска князя И. В. Стриги Оболенского [15, с. 187], и как неоднократно делали казанцы во время своих набегов на Русь в 16 в при приближении русских войск [12]?) И могли ли при этом осенью 1467 г. казанцы рассчитывать пожить чем-нибудь под Галичем за счет местного населения? Конечно, расстояние от Казани до Галича составляет сотни верст и в Галиче осень могла быть более мягкой. Но тем не менее навряд ли можно было знать заранее что циклон не дойдет до туда. К слову сказать, сильно пожить в галичской округе казанцам и не пришлось. По словам великокняжеского хрониста, татары мало полону взяли, «а по градом и волостем ничтоже успеха, все бо» были в «осаде во граде», а великий московский князь Иван III разослал по городам заставы, в Муром, в Нижний Новгород, в Кострому и в Галич, велев всем сидеть в крепости и «стеречися от Казани». [16, с. 223; 17, с. 134].

Навряд ли при отсутствии современных средств связи и новейшего транспорта Иван III смог все это организовать во время изгонного набега казанских татар на Галич. Тем более, что по контексту источника татары не могли ничего сделать городам, а не только одному Галичу. Видимо ко времени их появления на Руси там уже были заставы. Вероятно, Иван III это сделал еще ранней осенью, пока его войска шли к Казани. Такой прагматичный правитель, как Иван III наверняка понимал, что ему может не удастся посадить своего ставленника на казанский престол, и казанцы в этом случае способны совершить ответный набег на Русь, что, собственно говоря, и произошло. Интересно, что московские власти, пожалуй, впервые за всю русскую историю установили заставы не в одном или даже двух, а сразу в нескольких городах расположенных сравнительно недалеко от Казанского ханства. При этом, в эти городах засели не только заставы, но и областное население, опасющееся казанских набегов. Потому в по словам великокняжеского летописания татары «мало нечто полону взяша, а градом и волостем ничто же успеха, все бо беша в осаде во граде» [16, с. 223; 17, с. 134].

Интересную подробность сообщает ростовское владычное летописание, сохранившееся в составе Типографской летописи¹: татары «воеваша» около Галича, начали приступать к крепости, галичане вышли из «града» и бились с ними «крепко», и татары, «граду не успев ничто же взвратицася полону же много взявше и отыдоше» [15, с. 187]. Ю. Г. Алексеев считал, что, речь идет о полоне, взятом в округе [1, с. 79]. Однако, на мой взгляд, вышеуказанные сведения великокняжеского летописания этому прямо противоречит: все были в осаде в городе. Важно отметить, что Типографская летопись в данном случае упоминает о захвате татарами полона не в контексте разорения округи, а в связи с боем с галичанами у города. И пленных казанцы тоже захватили там же, под самым городом, так как лишь затем «отыдоше». Думается, что вылазка галичан из крепости кончилась для них неудачно — татары их побили и многих взяли в плен. Но оставшиеся успели скрыться в крепости и изгонная татарская рать, не рассчитанная на упорный штурм города при потере фактора внезапности, уже не стала больше идти на приступ. Опять же много сидеть под городом времени не было: если все в округе затворились в городе, трудно было рассчитывать где-то хорошо пожить за счет сельских жителей. Но как бы то ни было, а Галич казанские татары не взяли и большого урона крепости не причинили. Интересно, однако, что сразу же после сообщения об этом казанском набеге, Типографская летопись упоминает о набеге большеордынских татар на Рязанщину, случившемся «той же осени» [15, с. 187].

---

¹ Пытаясь объяснить осведомленность ростовского владычного хрониста, Ю. Г. Алексеев предположил, что в Ростове много знали о галицких событиях, поскольку город в церковном отношении подчинялся ростовской епархии [2, с. 41]. Вместе с тем, ростовский владычный хронист не меньше знал об ордынских набегах на Рязанщину и под Серпухов 1467–1468 гг, которым посвящена данная работа. Равно как и о великокняжеском походе на Новгородскую землю 1471 г. В приведенном в Типографской летописи рассказе о Шелонской битвы имеются сведения, записанные со слов участников сражения [6, с. 321]. Вероятно, все эти записи были сделаны уже при святительстве ростовского архиепископа Вассиана Рыло, духовнике великого московского князя Ивана III. Этим могла объясняться отменная осведомленность ростовского хрониста о событиях, происходивших в разных концах Руси.

Татары грабили села под Рязанью, многих местных жителей «иссекоша», а иных взяли в полон. Рязанцы собрали войско и погнались за ордынцами. И «бысть им бой и сеча зла». Татары «подсекоша» у рязанцев древко боевого знамени, лишив их координации, в результате чего те «замятышася и побегоша», то есть, пришли в замешательство и побежали [15, с. 187]. (Потеря знамени неоднократно служила причиной поражения средневековых войск. В 1471 г. великокняжеская судовая рать таким образом выиграла сражение на р. Шеленге (Шиленьге) [8]). Но вместе с тем, многие татары пали в сражении [15, с. 187]. Потому на этом набег и закончился. И татары даже не смогли принести большого вреда убегающему противнику. По мнению Ю. Г. Алексеева, рязанское войско на этот раз состояло в значительной степени из ополченцев: летописец сообщал, что рязанцы собрались [2, с. 42]. Но сбора требовало и служилое войско если оно не находилось в состоянии боевой готовности перед вражеским набегом. Кроме того, Ю. Г. Алексеев считал, что в этот раз рязанцев не поддерживали московские войска и не вели московские наместники, и потому они не смогли как в 1460 г. удачно пресечь набег ордынцев [1, с. 25–26, 79]. С другой стороны, стоит отметить, что нет достаточных оснований утверждать, что на этот раз победа однозначно досталась татарам. Рязанцы были разбиты. Но и татары понесли большие потери и вынуждены были уходить, не причинил даже большого вреда разбитому рязанскому воинству. Хороша победа, плодами которой нельзя воспользоваться. Вероятно, осенью 1467 г. под Рязанью действовала небольшая изгонная ордынская рать, вроде той, что почти 20 лет тому назад на р. Пахре [9, с. 190; 11, с. 87–88]. Тогда понятно, почему понесся большие потери в бою с рязанцами, даже лишив рязанское войско знамени и обратив его в бегство, оно потом не могло многих побить и тем более взять в полон. Кстати, и до столкновения с рязанцами оно скорее грабило и убивало местных крестьян, чем брало их в плен, что тоже может говорить о небольшом размере ордынского воинства. В 1456 г. небольшое великокняжеское войско в Русе было очень падким на грабежи. А вот в полон взяло только представителей новгородского боярства так как не имело сил везти много пленников [7, с. 100–111].

Интересно, что явно в ответ на казанский набег на Галич Иван III уже в конце 1467 г организует военный поход на черемисов (марийцев), проживавших на севере Казанского ханства [15, с. 187; 16, с. 223; 17, с. 134]². Первая группа войск, состоявшая из галичан и великокняжеских детей боярских выступила из Галича 6 декабря во главе с князем С. Р. Ярославским и ровно через месяц, преодолев сотни вест по лесному бездорожью, прибыла в черемисские земли, которые подвергла сильному разорению, не дойдя всего лишь одного дневного перехода до Казани³. Можно согласиться с Н. С. Борисовым, что русские войска смогли преодолеть этот долгий сложный путь «леса без пути» лишь на лыжах [4, с. 389]. При этом, она потом не утратила бодрость и маневренность, безнаказанно разоряя земли Казанского ханства в немногих десятках км. от Казани. Кони не созданы для передвижения «леса без пути». В 1468 г., казанцы, прячась от преследования русского войска в муромских лесах, вынуждены были спешиться [15, с. 167]. К тому же и великокняжеский и ростовский хронисты при описании зимнего русского похода на черемисов, упоминают о сильных морозах [15, с. 187; 16, с. 223; 17, с. 134]. А лошади не отличаются стойкостью к большим холодам. У царевича Мустафы под Рязанью четверть века тому назад суровой зимой кони померли от мороза. А русские войска, победившие Мустафу в бою на р. Листани (Листвянке), пришли на лыжах.

К тому же на территории Казанского ханства русские захватили полон и «живот» [16, с. 223; 17, с. 134], то есть, имущество черемисов. А вот марийских коней и прочий домашний скот

---

² Подробнее о набеге см: [1, с. 80–81; 2, с. 42–45; 3, с. 65; 4, с. 389]. По мнению Н. С. Борисова, именно черемисы отличились в осеннем набеге на Галич и русские войска теперь им за это должны были отомстить [4, с. 389]. Летописи не сообщают таких подробностей. Стоит учесть, что черемисские земли лежали ближе всего к Галичу. А ведь именно из Галича выступила основная группа русских войск. О действиях второй, муромско-нижегородской, великокняжеский летописец пишет более лапидарно, не упоминая имени воеводы.

³ С. К. Свечников пишет о разорении земель на левой стороне Волги [18, с. 82]. Летописи не сообщают таких подробностей. Так что, на каком берегу/берегах Волги действовали русские войска, остается не ясным.

почему-то им было взять «нельзе» и они его прирезали [16, с. 223; 17, с. 134]. В условиях конного похода такая избирательность выглядит странно. А вот лыжной рати тащить вязнувший в снегу скот было действительно не под силу. В отличие от пленных черемисов, его нельзя поставить на лыжи. И даже водрузить на санки, чтобы волочь за собой.

Вторая группа, состоявшая из муромцев и нижегородцев, получила приказ от Ивана III разорять казанские земли по р. Волге, что и сделала, «повоевав» «горы и бораты» на обоих берегах [16, с. 223; 17, с. 134].

А ордынский набег на Рязань не имел видимых последствий и даже не отразился в великокняжеском летописании. При этом произошел он примерно одновременно с казанским набегом на Галич.

То же самое можно сказать про майский или июньский набег Ордынцев под Серпухов. Вероятно, в ответ на весенний русский поход на северную часть казанских земель по р. Каме, казанские татары в конце мая — начала июня совершили набег под Муром. Типографская летопись об этом сообщает после упоминания московского пожара 23 мая 1468 г, но ранее сообщения о походе князя Федора Семновича Хрипуна Ряполовского под Казань [15, с. 187], начавшегося по данным великокняжеского летописания из Нижнего Новгорода 4 июня [16, с. 223; 17, с. 135]⁴.

Казанский поход под Муром был неудачен: татары взяли большой полон, но находившийся в городе великокняжеский воевода князь Даниил Дмитриевич Холмский выехал из города, погнался за казанцами и разгромил их, отбил весь русский полон [15, с. 187]. Казанцы вынуждены были слезть с коней и прятаться в густых муромских лесах [там же]. (Видимо в ответ на этот набег 4 июня 1468 г. [16, с. 225; 17, с. 135] князь Ф. С. Хрипун

---

⁴Некоторые хронисты относят к этой дате 4 июня сам бой с татарами на Волге [13, с. 275; 14, с. 158] однако содержащиеся в этих источниках лапидарные упоминания похода не идут ни в какое сравнение с более обстоятельным рассказом великокняжеского летописания, потому не заслуживают большего доверия

Ряполовский выступил из Нижнего Новгорода и уничтожил казанскую заставу под Звенчивым бором в 40 верстах от Казани [15, с. 187].

Примерно в эти дни произошло ордынское вторжение в Беспуту (под Серпухов). Типографская летопись сообщает о нем сразу после упоминания о походе казанцев под Муром, но до похода князя Хрипуна Ряполовского под Казань [15, с. 187]. Таким образом, его тоже можно отнести к промежутку между 23 мая и 4 июня 1468 г. Ордынцы побили русские сторожевые отряды «в поле» (на правом берегу Оки). «взяша» (оккупировали) волость Беспуту, захватили «множество полону и отыдоша» [15, с. 187].

Этот большеордынский набег тоже, как и прошлый, не отразился в великокняжеском летописании. На первый взгляд это ничего не значит: великокняжеское московское летописание умолчало о зимнем набеге казанских татар под Кострому и Муром, и весеннем или летнем набеге казанцев под Муром, отбитом Холмским. Обо всем этом мы знаем из той же Типографской летописи. Но вместе с тем, если следом за казанскими набегами на Русь в 1467–1468 гг. фактически всегда следовали русские военные вторжения на территорию Казанского ханства, то оба ордынских набег 1467 и 1468 гг. на русские остались безответными. По предположению А. А. Горского, именно после них Москва возобновила выплаты дани [5, с. 156] в Орду, которые по наблюдениям этого историка, систематически продолжались приблизительно до 1472 г., фактически, согласно его расчетам прекратились не позднее 1471 [5, с. 156, 159–162].

Никто из историков не обратил внимание, что эти большеордынские набег на Русь следовали практически одновременно с казанскими и не поставил вопрос о том, что они вероятно носили согласованный характер.

Во всяком случае, не исключено, что московские власти воспринимали это именно так. Тогда понятно почему они, несмотря на прежние московские победы над войсками Сеид-Ахмеда, не пытались им давать отпор и даже не предпринимали никаких действий для укрепления южных рубежей Московского и вассального Рязанского княжеств на случай ордынских набегов. Хотя теперь, когда Крым разгромил войско большеордынского

хана Махмуда, можно было, казалось бы, и по давню объединиться с крымцами против Большой Орды. Москва не собиралась воевать на два фронта и ведя войну с казанцами, старалась не обращать внимание на ордынские набеги. Вероятно, считалось, что казанские набеги способны причинять больший урон чем ордынские. Ордынцы, недавно сильно пострадавшие от крымцев, ограничивались опустошением русских сел. Казанцы старались по возможности разрушать русские крепости и расширять территорию своих владений на север за счет приграничных русских земель. В 1468 г. казанцы уничтожили русский город Кимченгу и расширили сферу своего влияния на север, захватив русский город Хлынов (Вятку), в котором прежде сидел великокняжеский московский наместник.

Сосредоточившись на войне с Казанским ханством, Иван III вероятно разумно игнорировал мелкие набеги Большой Орды, считая борьбу с последней в то время наименее актуальной задачей. И не берусь исключать, что большеордынский хан Ахмат, толкнувшись с такой невозмутимой реакцией московских властей, поэтому потом перестал посылать на Русь войска в течение нескольких лет. К тому же после набегов на Русь 1467–1468 гг. Большая Орда не получила поддержки от Казани и это тоже должно было навести хана Ахмата на мысль не поддерживать казанцев в противостоянии с Москвой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб.: СПбГУ, 2009. 464 с.
3. *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М.: МГУ, 1952. 554 с.
4. *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. 664 с.
5. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214. с.
6. *Иванов А. М.* Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина. В. Новгород, 28–30 января 2014 г. 2014. Вып. 28.

7. *Несин М. А.* Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск // История военного дела: исследования и источники. Т. 5. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1/
8. *Несин М. А.* К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. 6. URL: http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2.
9. *Несин М. А.* Царевич Касим на службе Василию II // Средневековые тюркско-татарские государства. Т. 8. Казань: Ин-т им. Ш. Марджани, 2016. С. 186–193.
10. *Несин М. А.* Царевич Касим на службе Ивану III: как Касим пытался добыть казанский престол в 1467 г. // Средневековые тюркско-татарские государства. Т. 9. Казань: Ин-т им. Ш. Марджани, 2017. С. 137–141.
11. *Несин М. А.* Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. Ч. 1. URL: http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12/
12. *Несин М. А.* К истории русско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Ч. 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. История военного дела: исследования и источники. Т. 10. URL: http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13/
13. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 5. СПб.: Тип. Э. Праца. 1851. 286. с
14. ПСРЛ. Т. 23. СПб: Тип. М. А. Александрова, 1910. 252 с.
15. ПСРЛ. Т. 24. М: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
16. ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1959. 414 с.
17. ПСРЛ. Т. 27. М.; Л.: АН СССР, 1959. 418 с.
18. *Свечников С. К.* Марийцы в русско-казанских войнах 1460-х годов // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 г. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. С. 82–90.

А. Н. Саламатова (Зарипова)

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ПОЛОВЕЦКИЙ ХАН КОТЯН В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

В статье предпринимается попытка определить место хана Котяна, известного тесными связями с русскими князьями, в политических событиях на Руси. Хан взаимодействовал с такими активными деятелями первой трети XIII века как Мстислав Удатный, Даниил Галицкий, Владимир Рюрикович и Изяслав Владимирович. В отличие от других половецких ханов, имевших приобретенное родство с русскими князьями, Котян был последователен в союзах. Также, в отличие от своих соплеменников он значительно чаще выступал на стороне русских князей. Информация о совместных военных кампаниях сохранилась наиболее подробно в Галицко-Волынском своде Ипатьевской летописи, что дает возможность частично реконструировать деятельность хана Котяна на Руси.

Ключевые слова: Котян, половцы, Мстислав Мстиславич, Галицко-Волынское княжество, Венгерское королевство, русско-половецкие браки.

Половцы — неотъемлемый компонент политической истории Руси, а именно периода ее раздробленности и борьбы русских князей за уделы и старшинство. Несмотря на привычный образ половцев в русских летописях как безусловного врага, этих кочевников нередко можно встретить в качестве союзников русских князей в их походах, как на иноплеменников, так и в междоусобных войнах. Имена половецких лидеров и знати встречаются в русских летописях на протяжении всего обозначенного периода. Чаще всего они были связаны с русскими князьями родственными отношениями. Но даже родство не гарантировало прочные союзнические отношения с половцами, которые

не всегда проявляли последовательность в выборе противоборствующих сторон. Однако лидер приднепровских половцев хан Котян являет собой пусть и не абсолютное, но исключение из общего ряда.

О жизни этого хана известно не так уж и много. Биография его косвенно воспроизводится по русским и венгерским источникам. Именно в этих странах Котян наиболее заметно себя проявил. Его дочери вышли замуж за будущего венгерского короля Иштвана V [5, с. 194], и одного из сильнейших русских князей первой трети XIII в. Мстислава Удатного. Обретенные родственные отношения с последним не могли не повлиять на активность Котяна в русских военных кампаниях, в которых его войска занимали далеко не последнюю роль. Также после смерти Мстислава Котян продолжал принимать приглашения князей к участию в совместных походах.

Основные известия о деятельности Котяна на Руси содержатся в Ипатьевской летописи (далее ИЛ). Однако, зачастую, книжник не уточняет ни какое именно половецкое объединение было нанято князем или вступило с ним в союз, ни лидера этих кочевников. Такие сведения могут быть получены лишь косвенно, исходя из традиционных связей, родственных (брачных) отношений или географической привязки к происходящим событиям. Таким образом, целью данной статьи является определение места хана Котяна в княжеских военных конфликтах рассматриваемого времени.

Впервые имя половецкого князя Котяна упоминается в летописи под 1202 (1206) г.¹ Вместе с братом Самоугром они чуть было не попали в плен. Сообщение о братьях дается после описанного неудачного похода Рюрика Ростиславича на Галич: «То-

---

¹ В Галицко-Волынском своде Ипатьевской летописи Котян и Самоугор упомянуты в контексте похода Рюрика на Галич под 1202 г. В изначально не датированный ГВС была внесена погодная сетка новгородским летописцем, по мнению В. К. Зиборова неточная. Н. Ф. Котляр отметил, что известий первых пяти лет XIII в не сохранилось. Очевидно, здесь и произошло смещение дат. В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку тот же сюжет с походом на Галич датируется 1206 г., хотя о ханах известий нет.

гда же два князя половѣцкая Сутоевича Котьянь и Сомогурь поткоста на пѣшыцѣ, и убѣена быста коня под ними, и за мало их не яша» [7, стб. 715]. В историографии обычно не ставится под сомнение участие этих ханов в походе. Но как Котьян мог быть связан с князем Ростиславичем?

Женившись на дочери влиятельного хана Белука, Рюрик заручился поддержкой этого клана на долгие годы. Вежи Белука же, по мнению С. А. Плетневой, располагались в Приднепровье [5, с. 162]. К началу XIII в. влияние на этих территориях принадлежало половецкому князю Котьяну, с которым Рюрик успел обзавестись знакомством. Однако возможен и обычный наем половецкой силы. Н. Ф. Котляр считает, что половецкая орда была нанята за большие деньги [1, с. 17]. В Лаврентьевской летописи (далее ЛЛ) не только об участии Котьяна и Самоугра, но о половецах вообще не говорится. Рюрик пошел на Галич с Ольговичами [6, стб. 426]. Либо летописец не упомянул об участии традиционных союзников Ольговичей, либо зафиксированные в ИЛ половецкие ханы участвовали в другой кампании. В частности, Д. А. Расовский пишет об активном участии приднепровских и дунайских половцев в византийских войнах болгар [9, с. 235–236]. Речь также идет о 1204, 1205, 1206 гг. Орды Котьяна с большой вероятностью могли воевать там. Возможно, летописец вставил сообщение о Котьяне, принимавшем участие именно в болгарском походе.

Интересно что последующие события борьбы Игоревичей за Галич С. А. Плетнева связывает с участием хана Котьяна, или по крайней мере приднепровских половцев [5, с. 181]. Половцы, пришедшие с Изяславом Владимировичем в помощь Роману Игоревичу, таким же образом могли быть из донецкого объединения, ведь летописец не оставил никаких уточнений. Дело в том, что князь Изяслав был внуком половецкого хана Кончака, объединителя восточных донских кочевий. Однако, галицкие земли вызывали больший интерес именно у приднепровских половцев, ввиду их территориальной близости. И в дальнейшем Котьян будет привлекаться Изяславом в военные конфликты между князьями, в частности в последние годы пребывания хана на Руси.

В центре борьбы за Галич стоит фигура Даниила Романовича: «Въ лѣто 6721. Поя у него (Мстислава) Даниль дщерь именемъ Анну и родишася от нея сынови и дщери» [7, стб. 721]. После этого сообщения Мстислав Мстиславич чаще начинает фигурировать в делах галицких, а в этой связи появляются половцы его тестя, хана Котяна. В том же году к родственным половцам едет Мстислав после отступления из Галича очевидно для восстановления сил и за помощью: «а язъ поиду в половци, мьстивѣ сорома своего» [7, стб. 735]. Хотя имя Котяна и не звучит, но близкие отношения с этим ханом и локализация князей в момент отступления указывают на приднепровских половцев.

Уже в 1217 г половцы пришли с Мстиславом воевать за Даниила и Василько против поляков [7, стб. 735]. Война продолжилась в 1219 г, где половцы продолжили поддерживать Мстислава и помогли одержать ему победу над объединенным войском венгров и поляков. Летописец даже зафиксировал удаль половецкого воина, сумевшего поразить противника стрелой в глаз [7, стб. 737].

Конечно, одной из самых знаменитых русских кампаний, в которых принял участие Котян со своими половцами это битва на р. Калке. Единственная (зафиксированная в летописи напрямую) битва, в которой не половцы оказывали помощь русским князьям, а наоборот. Не смотря на то, что в историографии битва на р. Калке рассматривается в основном с позиции противостояния русских с татарами, инициатором битвы стали половцы. Не только освещенность событий, но и оценки летописцев разнятся. Самое бесстрастное описание дается в ИЛ [7, стб. 739–745]. В отличие от ЛЛ [6, стб. 445] и Новгородской первой летописи [8, стб. 264–267] (далее Н1Л) галицкий книжник сдержан в эмоциях в отношении крупного разгрома половцев. Но именно в ИЛ нет указаний на хана Котяна. О его не только участии, но и активной роли в привлечении русских в конфликт с татарами говорится в Н1Л: «И приде съ поклономъ съ князи Половьцьскими къ зяти въ Галичь къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесе многы.. а рекуче тако: “нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будеть”» [8, стб. 265]. В монографии А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского отмечается, что «даже в ту

пору, когда столь остро для половцев возникла нужда в помощи русских князей для борьбы с татарами, он (Котян) в отличие от Басты — крещение не принимал» [4, с. 45]. Но и необходимости в таких действиях не было. За хана мог ручаться его зять, с которым было совершено не мало военных походов.

Действительно ли Мстислав и другие князья испугались усиления неведомого врага за счет половцев или же не желали войны на своей территории, или же богатые дары половцев и желание несложной победы привлекли князей в конфликт, оценка этого в летописях также отличается. В любом случае исход один, русско-половецкое войско было разгромлено. О влиянии бегства половцев с поля боя в отечественной историографии также нет единого мнения. Одни считают, что отступление половцев, обрушившее станы русских князей определило их поражение, другие полагают, что разногласие князей в бою явилось куда более важным фактором в исходе битвы, чем поведение половцев [10].

А. Б. Головкин считает, что неудачный исход битвы на Калке в целом ослабил южно-русские княжества. В первую очередь это коснулось позиций Мстислава Мстиславича в Галиче, а именно его возможности рассчитывать на поддержку своего тестя Котяна. Исследователь утверждает, что «после разгрома половцев в 1222–1223 гг. они уже не имели былой силы» [2, с. 266].

Однако, судя по летописным данным, половцы Котяна не сильно пострадали, так как уже в 1225 г. мы видим имя хана в ИЛ: «И бысть по сихъ, привед Мъстиславъ Котяня и половци многы, и Володимера Киевского [7, стб. 745]. Половцы воевали с Мстиславом против Даниила Романовича и поляков. Конфликт между тестем и зятем, по мнению летописца, произошел по злему умыслу Александра Всеволодовича, не любившего братьев Романовичей. После раскрытого умысла Мстислав и Даниил помирились.

А. Б. Головкин справедливо полагает, что родственные отношения Котяна и Мстислава «были использованы врагами галицкого князя для нагнетания общественного недовольства правителем» [2, с. 267]. В ИЛ указано: «Лъстивому Жирославу рекшу къ бояромъ галичьскимъ, яко: “Идеть Мъстиславъ в поле и хочеть вы предати тестеву своему Котяню на избитье”» [7,

стб. 747]. Несмотря на обвинения летописцем Жирослава во лжи, не исключено, что Мстислав действительно поехал в степь за половецкими отрядами, которые должны были сдерживать галицкую оппозицию. Их, вероятно, Мстислав и противопоставил пришедшему венгерскому королю и полякам, однако напрямую о половецах не сказано. На стороне Мстислава, также выступали братья Романовичи. Не смотря на победу, одержанную над иноплемениками, Мстислав отдал за венгерского королевича свою дочь и уступил ему Галич. Взяв себе Понизье, князь отправился в Торческ [7, стб. 749].

«Степное» расположение Торческа давало возможность Мстиславу быстро сообщаться с половецкими союзниками, с которыми князь и так почти не расставался. В следующем, 1227 г., сожалея о манипуляции с Галичем, Мстислав обещает привести половцев в помощь Даниилу. Но Удатный, не успев поучаствовать в кампании, умер [7, стб. 751].

Лишившись зятя, Котян выступает на стороне русских князей, руководствуясь, прежде всего материальной и стратегической выгодой. Не смотря на прямое родство жены Даниила с Котяном, последний выступил против него на стороне Владимира Киевского. Очевидно, что силы половецкого князя были весомы, так как Даниил старался помириться с Котяном. Он отправил к нему послов со словами «Отче, измяти войну сю, приими мя в любовь собъ» [7, стб. 753]. Такое обращение может свидетельствовать не только о родственных связях с ханом, но и о значительной силе Котяна в русских уособицах. Видимо, Котян получил свою награду; разорив Галич, он вернулся в степь, не соединившись к Даниилу.

В последующих событиях Котян находится рядом с Даниилом. В борьбе с венгерским королем за Галич половецкий князь занял сторону Даниила. В противовес Бела выставил половецкую силу другого предводителя — Бегбарса [7, стб. 761]. Также в 1233 г. Даниил привлек половцев в затянувшийся конфликт с венграми [7, стб. 769]. Ю. В. Селезнев считает, что Даниил получил такую помощь благодаря своим родственным связям с Котяном, так как был женат на его внучке [11, с. 234]. Сложно согла-

ситься с такой закономерностью, хотя бы потому, что в последующие годы хан снова выступает на противоположной стороне. Более того, другая внучка Котяна была замужем за венгерским королевичем Андреем, братом Белы IV. Интересно, что за Котяном Даниил едет в Киев. Вероятно, этот хан имел тесные взаимоотношения с Владимиром и Изяславом, которые в свою очередь были известны своим родством со степью. Точнее было бы сказать, что Котян пришел не к Даниилу, а прежде всего вместе с Изяславом. Союз с этим князем, предположительно, имел место уже в 1208, когда половцы крепко бились с венграми за интересы Игоревичей против братьев Романовичей. В ходе военных действий князь Изяслав Владимирович отступил от союзников и в следующем 1234–1235 гг. половцы выступают именно с ним против Владимира и Даниила.

Половцы в 1234 г. успели разорить Киев по инициативе князя Изяслава. Крупное сражение состоялось у Торческа. Большое войско кочевников нанесло значительное поражение Даниилу и Владимиру. Последний был пленен в Торческе, а Даниил успел бежать. После завоевания Киева для Изяслава, половцы двинулись с Михаилом братъ Галич, но удовлетворились лишь его разорением [7, стб. 773–775]. Возможно, половцы были уже ослаблены и их интересы остались в пределах Киева. Во всяком случае, отряды кочевников не выступили против Даниила.

После возвращения из Галича в 1235 г. о половцах нет упоминаний вплоть до 1243 г., когда половчанин по имени Актай сообщает Даниилу вестъ [7, стб. 793]. Однако речь идет уже не о Котяновых отрядах. Как раз в этот период «затишья» по сведениям венгерских источников половецкий князь Котян со своим 40 тысячной ордой нашел убежище у венгерского короля Белы IV [5, с. 193]. Котян покинул Русь в связи с татарскими разорениями, поэтому половцы, которые дальше будут фигурировать в летописях не имеют отношения к Котяну.

После переезда в Венгрию половецкий князь прожил недолго: обвиненный в измене он был казнен королем в 1241 г. Орда Котяна, разорив королевство, откочевала в Болгарию [5, с. 194].

Подводя итог вышесказанному, можно смело согласиться с А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, что «Котян был одним из наиболее тесно связанных с Рюриковичами правителей» [4, с. 44]. С начала и вплоть до 30-х XIII столетия половцы Котяна встречаются в летописи, в среднем, через каждые 2–3 года. Участие хана Котяна в русских кампаниях, в основном, приходилось на княжеские войны внутри Руси, в частности вокруг борьбы за галицкое и киевское наследства. Вопреки сложившемуся мнению, разгром в битве на Калке незначительно ослабил военный потенциал половецкого князя. Позиции хана определялись родством с Мстиславом Мстиславичем до смерти последнего, после чего, на первый взгляд, в выборе сторон он становится непоследовательным, сражаясь то на стороне Даниила, то за Владимира и Изяслава. Но при более подробном рассмотрении можно заметить большую привязанность Котяна к Изяславу, чем к Даниилу. В помощь последнему хан выступал против венгров, тогда как с Изяславом был против Даниила. Судя по всему, Котяна куда более интересовала политическая ситуация в Киеве и близлежащих землях, опосредовано влиявшая на положение его орд, нежели Галицкие земли и отдаленно родственный ему князь Романович.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / под ред. Н. Ф. Котляра. СПб: Алетейя, 2005. 421 с.
2. Головки А. Б. Половецкий фактор в политической жизни юго-западной Руси (вторая половина XII — первая половина XIII в.) // Древняя Русь: времена, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 260–272.
3. Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб.: СПбГУ, 2002. 183 с.
4. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. 280 с.
5. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

8. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
9. *Расовский Д. А.* Половцы. Черные Клобуки: Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Венгрии (Работы разных лет). Серия: Материалы и исследования. Т. 1. М.: ЦИВОИ, 2012. 219 с.
10. *Саламатова А. Н.* Роль половцев в битве на Калке в отечественной историографии XVIII–XX вв. // Европа в Средние века и раннее новое время. Общество. Власть. Культура. Ижевск: ИКИ, 2020. С. 44–55.
11. *Селезнёв Ю. В.* Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI — первой половине XIII в.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 225–241.

А. В. Петров

Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургская Духовная Академия

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЧЕВОГО ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ДО ЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ С МОСКВОЙ

Статья в тезисной форме излагает авторские решения важных проблем социально-политического развития вечевого Новгорода X–XV вв. в контексте общерусской истории. Вечевой Новгород представляет собой яркий пример бытования исконного русского политического уклада, основанного на «одиначестве» — неделимости власти как нормы и правила, выражавшемся в согласии князя и веча и единодушии на последнем. Древнерусский политический уклад был способен эволюционировать и совершенствоваться. Вечевой Новгород пал не потому, что исчерпал свой исторический потенциал. Строгая московская централизация была единственно возможным и необходимым условием сохранения благополучия и свободы Руси. В борьбе Новгорода и Москвы столкнулись две исторические Правды. Первая заключалась в том, что существование вечевого Новгородской республики в конце XV в. имело достаточные исторические оправдания. Но исторически оправданными были и действия Москвы по собиранию русских земель в единый боевой лагерь, ни будь которого, наш народ не смог бы отстоять свою независимость и обеспечить себе достойное будущее. При таком подходе обоснование объективной необходимости присоединения Новгородской земли к Московскому государству не исключает признания ценностей вечевой республики и сожаления об их утрате.

Ключевые слова: Великий Новгород, «одиначество», «усобицы», вече, вечевой уклад, городские стороны, городские концы, вечевой город-земля, «волость».

1. Россия как непрерывная этническая, ономастическая, религиозно-церковная и культурная, династическая и государственная традиция существует, как минимум, с X века, когда, в

середине этого столетия, её описал Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей». Тогда Россия располагалась в пределах Русской равнины и была «ближней/внутренней» с центром в Киеве и «внешней/дальней» с центром в Новгороде. Константин описал её как субординацию «славиний» (племенных областей) во главе с Киевом. Потом она изменяла территорию, теряла и приобретала людей и земли, существенно менялась сама, но живёт до сих пор. За всю её бурную жизнь всего две династии у неё было, а с 1917 г. она объявила себя республикой.

2. «Учреждена» Россия была своего рода «многонационалией»: по-видимому, ещё в IX веке: «се буде мати градомъ Рускимъ», — сказал, по Повести временных лет, о Киеве князь Олег, и «бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью» [8, с. 10]. А соответствующий приведённому более древний текст, сохранённый Новгородской Первой летописью, уточняет: «оттолѣ», т. е. с того момента «прозвашася» [1, с. 107]. Т. е. не пришли сюда со своим именем, а здесь так «прозвались». А как ещё прозваться пришельцам с севера, явившимся строить государство? «Полянами», — замечательными, сравнительно с другими, «кроткими и тихими»? Но они же не поляне. (Это поляне потом, как жители Киева и округи, станут именоваться Русью («яже ныне завома Русь»)).

3. Округа Киевская, и именно правый берег Днепра (см. Ипатьевскую летопись под 1172 г.) [9, стб. 556–560], будут долго ещё *в узком значении слова* считаться Русью, Русской землёю. Скорее всего, имя «Русь» — это старинный местный хороним, Бог знает какого времени и происхождения, но осколок какой-то древнейшей географической номенклатуры, ведь и Чёрное море именовалось Русским, не по историческим же русским. Вот и прозвались «разношерстные» пришельцы с севера Русью.

4. Потом их всех отождествили с варягами. На то были свои причины [3; 4].

5. Киев и его округа всё «дотатарское» время продолжали восприниматься как центр Руси *в широком значении этого термина*, как всех славяно-русских земель. Но со второй половины XII в. всё явственней проявляются признаки смещения центра

Руси в Суздальскую волость, во Владимир-на-Клязьме. После татарского нашествия процесс завершился, и митрополиты Киевские и всея Руси перенесли свою кафедру на Северо-Восток. Во второй половине XIV–XV в. в Волго-Окском междуречье складывается великорусская народность, с конца XV в. вобравшая в свою орбиту и на новгородско-псковский Северо-Запад. На рубеже XIV и XV веков Древняя Русь возродилась и продолжилась в Великороссии и долго исчезала на землях, позднее ставших Украиной и Белорусией.

6. Остальные земли бывшей древней Киево-Новгородской Руси чуть ли не до рубежа XVI–XVII вв. оставались русскими в древнерусском смысле, там долго сохранялось то, что мы имеем «древнерусской народностью». Но длительное существование в составе других государств сделало своё дело: к рубежу XVI и XVII вв. осознали себя как особые этнические общности теперешние белорусы и украинцы. Они — тоже потомки и наследники древней Киево-Новгородской Руси, но национальные имя, государственность, династию, эпос, в значительной мере древнерусскую культуру, сохранила только Великороссия. Былины Киевского цикла записывались только в великорусских областях, даже в недавно освоенных (Самарской), но никогда на Украине или в Белоруссии...

7. История государственности Новгорода Великого XII–XV вв. представляет значительный интерес с точки зрения развития вечевого народовластия, новгородский вариант которого демонстрирует наиболее последовательное и завершённое воплощение начал древнерусского политического уклада. Если в других землях после монгольского нашествия вечевая жизнь постепенно замирает, то на берегах Волхова народное правление совершенствуется, его институты дифференцируются, испытывают нарастающую регламентацию, и к исходу XV в. Великий Новгород подходит хорошо структурированным целым, к тому же, опирающимся на длительную историческую традицию. Дискретности политического развития, радикального изменения его характера, какое имело место на русском северо-востоке, здесь не было. На примере Новгородской земли-волости (города-земли) можно до конца XV в. следить за той исконной русской

исторической судьбой, которая явилась бы судьбою всей страны, не будь исторического «вызова», брошенного Руси нашествием монголов, и русского «ответа» на него, выраженного в московской централизации. [2; 5; 6; 7]

8. История новгородского народовластия — это прежде всего история вече, его выборных органов, его отношений с князьями, его «партий» в их борьбе и сотрудничестве. Главная особенность новгородского народовластия заключалась в том, что оно было властью составлявших Новгород общинных корпораций (сторон, концов, улиц), которые образовывали самоуправляющиеся части города и придавали городской общине как целому федеративный характер. Общеповгородское вече в первую очередь являлось совещанием сторон и концов. Социально-политическая история волховской столицы отражала этот ключевой факт. Государственное единство Новгорода зависело от согласия его составных частей. В то же время противоречия между ними были обычным делом. В связи с этим важнейшей задачей развития новгородского народовластия стало создание условий и порядков, способных сдерживать общественные конфликты и содействовать укреплению федерации.

9. Одной из важнейших проблем истории вечевого Новгорода является проблема *грамот Ярослава*. Исходным моментом для размышлений над данной проблемой, служит тот факт, что Ярославовы грамоты *действительно существовали*. Самая достоверность существования этих грамот никем не была опровергнута. Автор обосновывает положение, согласно которому их было две, они принадлежали разным сторонам Новгорода, и на них был записан один и тот же текст. В содержании Ярославовых грамот, по мнению автора, имелось нечто такое, что должно объяснить, почему, с одной стороны, на них ссылались чуть ли не как на своеобразную конституцию, а с другой стороны, почему упоминания о них кратки, локальны, как бы с неохотой. Ярославовы грамоты, всегда упоминавшиеся на фоне внушительного внутригородского сплочения, *объединяли* новгородцев. Автор считает, что содержание Ярославовых грамот было простым и лаконичным: новгородцы *вместе с князем* обязывались *блюсти «одиначество», «любить добрых» и «казнить злых»*. Вырастая

из самого существа традиционного общественного устройства, новгородские «усобицы» и «одиначество» несли на себе отпечаток языческих представлений. Символом «усобиц» служили «Перуновы палицы», хранившиеся в Борисоглебской церкви новгородского детинца до середины XVII в. Ярославовы грамоты стали отражением и символом «одиначества» — своеобразным антиподом палицам. Но присутствовавшая в них идея о «казни злых» как неизменном корреляте «одиначества» перекликалась с языческим сознанием. В этом смысле они имели и определенное сакральное значение.

10. У истоков политической истории вечевого Новгорода как территориально-общинного образования стоит Ярослав Мудрый. В интересах и с ведома широкого народовластия в ходе событий 1016 г. он избил старинную «родовую аристократию» и в Ярославовых грамотах поклялся вместе с новгородцами в «одиначестве» («яко быти всемъ одинакымъ, казнить злыхъ, ласкать добрыхъ»). Обязываясь блюсти «одиначество», новгородцы провозглашали демократическое единство веча, согласие и равенство частей города, а князь обещал не раскалывать городскую общину. Произошло рождение вечевого строя целой исторической формации XI — начала XV в. Конечно, впереди были десятилетия и даже века развития — князья, получавшие новгородский стол из рук великого князя Киевского, долго не решались составить одно властное целое с вечем и отрешиться от своих династических возможностей и претензий, — но начало было положено.

11. Принцип политического «одиначества», впервые в отечественной истории записанный в грамотах Ярослава, сам по себе не был изобретением Новгорода. Он составлял важнейшую сущностную черту древнерусского вечевого уклада. Без единодушия веча и нераздельности форм власти как нормы и правила этот уклад функционировать не мог. Выросшее из древности, «русское начало единомыслия» характеризовало политико-юридический быт и Московского государства. В политическом «одиначестве» на Руси воплотилось нечто большее, чем потребность

в устроении власти. «Одиначество» заявило о себе и как *религиозно-нравственный* принцип народной жизни, готовый и способный к христианизации.

12. XII в. был для Новгорода временем высвобождения из-под власти киевских князей и начала самостоятельного политического существования. В этом плане большое значение имели события 1136–1138 гг., в ходе которых восторжествовал принцип «вольности в князьях». После событий 1136–1138 гг., прошедших под знаком общеновгородского единства, появилось больше возможностей для развития внутренней борьбы — в первую очередь борьбы вечевых группировок, состоявших из жителей отдельных территориальных подразделений Новгорода, за государственные должности. Характерной чертой многих внутригородских конфликтов стала вовлечённость в них князей. Отсюда и связь княжеских смен со сменами посадников. Вечевые выборы посадника — важнейший атрибут новгородского народовластия начались, как показал В. Л. Янин, ещё в конце XI в. До 80-х годов XII в. внутренняя борьба в Новгороде развивалась на основе соперничества сторон. С 80-х годов её участниками выступили уже отдельные концы. Таким образом, оформление концов как самостоятельных политических единиц внутри Новгорода и закрепление за последним характера их федерации произошло на исходе XII столетия.

13. Федеративный строй Новгорода, каким он сложился к исходу XII в. не был совершенным. Способы формирования общегородских органов не сразу стали оптимальными, вполне адекватными внутреннему строению федеративного целого. Чтобы умирить разлад, вносимый в жизнь волховской столицы межрайонными спорами из-за посадничества, единственным выходом для Новгорода, как государственного целого, было последовательно и до конца провести в своём политическом устройстве принцип федерализма, подчинить ему всю свою государственную жизнь, и, прежде всего, способы формирования общегородской администрации. В этом контексте и находятся известные изменения в посадничестве XIII–XV вв., связанные с нарастающей регламентацией данной должности, в результате чего она постепенно утрачивала значение «яблока раздора» между

концами. Изменения, о которых идёт речь, укладывались в русло общегородской заинтересованности. Внутренней пружиной этих изменений было не только движение новгородского боярства от соперничества к консолидации, но и реальные потребности городской общины Новгорода как федеративного целого.

14. В середине XIII в. над Новгородом утвердился великокняжеский суверенитет. То обстоятельство, что новгородский князь вновь приобрёл качества наместника и стал противостоять городской общине (в той мере, в которой использовал свои наместнические атрибуты), создало почву для постепенного уменьшения его правительственного значения, размежевания единой республиканской администрации Новгорода на собственно княжескую и вечевую (земскую). Будучи ограничены в праве распоряжения княжеским столом, новгородцы оказались перед проблемой гарантий от возможного произвола князей. Чёткая фиксация круга княжеским прав и обязанностей в окончательных грамотах явилась шагом в этом направлении. Однако анализ источников, отразивших статус новгородского князя второй половины XIII в. не позволяет преувеличивать степень ограничения его власти в Новгороде, достигнутую к концу XIII в. Статус княжеской власти последнего периода новгородской независимости окончательно сформировался к началу XV в.

15. XIV–XV вв. как на северо-востоке Руси, так и на северо-западе, были временем образования крупного феодального землевладения. Социальное расслоение в городской общине Новгорода получило новые импульсы. Если в XII–XIII вв. бояре («старейшие», «вятские») и «меньшие» являлись в первую очередь социально-политическими категориями, то в XIV–XV вв. различия между ними усилились социально-экономическими характеристиками, ибо бояре (а вслед за ними и «житьи») всё более превращались за пределами Новгорода в крупных землевладельцев, а рядовые горожане, сохраняя наряду с боярами статус членов городской общины, либо оставались на прежнем уровне имущественного благополучия, либо беднели. В связи с этим в развитии политического строя Новгорода XIV–XV вв. усиливается олигархическая тенденция. Однако говорить о полном изменении её существа этого строя было бы преувеличением. Тем

более, новгородская боярская олигархия была весьма своеобразной, условно выражаясь, «демократической олигархией». Ведь какими бы могущественными и властными не оказались в XIV–XV вв. новгородские бояре, в условиях древнерусского вечевого уклада они сохраняли связи со своими общинами и действовали во многом ещё как представители данных общин-концов. Поэтому важно подчеркнуть общегородскую заинтересованность в реформах посадничества, при анализе которых акцент обычно делается на их олигархической составляющей. Политическая эволюция Новгорода была эволюцией древнерусской городской общины, успешно изживавшей недостатки своей «дофеодальной демократии» (термин Ю. Г. Алексеева) и успешно приспособившейся к новым условиям, создаваемым процессом феодализации. В затронутом аспекте внутривнутриполитическое развитие не подтачивало жизненные силы республики, приближая её к краху, но стабилизировало ситуацию на берегах Волхова. Роковой и последний удар вечевому Новгороду был нанесён не изнутри, а извне.

16. Во второй половине XIV и, особенно, в XV в. в русских землях усиливаются объединительные процессы, обусловленные потребностями национальной обороны. Когда наиболее сильные в тогдашней Руси московские и литовско-русские князья боролись за увеличение своих владений, они объективно способствовали объединению страны. Но Московское и Литовско-Русское государства строились на разных основаниях (да и степень давление извне на северо-востоке и юго-западе была различной). В первом случае законом была строгая централизация. Вторая модель, сохраняя на местах прежние порядки, предполагала федеративные отношения. Тесно связанный с другими областями древней Руси, Новгород не мог оставаться вне общерусского исторического процесса. XV в. поставил волховскую столицу перед необходимостью выбора дальнейшей политической ориентации, по существу, выбора между Москвой и Литвой. Литовская модель в конечном счёте оказалась исторически бесперспективной, привела к упадку и гибели государства. Но новгородцам XV в. именно она виделась наиболее приемлемой, ибо позволяла сохранить древнюю вечевою вольность. Поэтому на берегах Волхова позиции

«литовской партии» являлись сильнейшими. Усматривать в деятельности лидеров данной «партии» предательство общерусских национальных интересов преждевременно. Несмотря на то, что самые оживлённые отношения, прежде всего, в политическом и экономическом планах, Новгород традиционно имел с Низовской землёю и её центрами (Суздалем, Владимиром, Тверью, наконец, Москвой), Новгородско-псковский Северо-Запад позднее Московско-владимирского Северо-Востока вошёл в регион формирующейся великорусской народности. В Новгороде долго сохранялись древнерусские формы жизни, не только с характерным для неё вечевым укладом, но и с традициями своеобразного «полицейского патриотизма». Эти традиции придавали этническому самосознанию новгородцев специфические черты, усиливая его региональную окраску и ослабляя общенациональный фон. Сознание принадлежности к великорусской народности, идущей на смену куда менее консолидированной древнерусской народности, ещё не успело возобладать на берегах Волхова. Не успев стать Великороссией, Новгород Руси в древнем смысле этого понятия не изменял — Великое княжество Литовское и Русское на 90% состояло из восточнославянских земель. Экспансия католичества, агрессивная полонизация и притеснение всего русского были ещё далеко впереди и едва ли вообразимы.

17. Сейчас мы ясно видим, что строгая московская централизация была единственно возможным и необходимым условием сохранения благополучия и свободы Руси. В борьбе Новгорода и Москвы столкнулись две исторические Правды. Первая заключалась в том, что существование вечевой Новгородской республики в конце XV в. имело достаточные исторические оправдания. Но исторически оправданными были и действия Москвы по собиранию русских земель в единый боевой лагерь, ни будь которого, наш народ не смог бы отстоять свою независимость и обеспечить себе достойное будущее. При таком подходе, намеченном ещё Н. М. Карамзиным, обоснование объективной необходимости присоединения Новгородской земли к Московскому государству не исключает признания ценностей вечевой республики и сожаления об их утрате.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
2. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада) СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.
3. *Петров А. В.* Ярослав Мудрый и варяги // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всерос. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. В. В. Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 66–71.
4. *Петров А. В.* Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3: Материалы научной конференции “Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации” Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / под ред. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 8–30.
5. *Петров А. В.* Social and political evolution of Novgorod the Great in the veche period // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2016. Вып. 4. С. 44–57.
6. *Петров А. В.* Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. Вып. 6. С. 178–185.
7. *Петров А. В.* Вечевой Новгород — город св. Александра Невского как феномен русской истории // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 30–45.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с..
9. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

А. Ю. Дворниченко

г. Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ТАК ЧЬЯ ЖЕ ЭТО ИСТОРИЯ? ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Данная статья посвящена современному восприятию (прежде всего, научному) Великого княжества Литовского, Жомойтского и Русского. В условиях современных «научных войн», которые, как ни страшно это сознать, уже вполне сопрягаются с реальным вооруженным противостоянием, приходится наблюдать извращенный подход к целому ряду явлений восточнославянской истории. Уже древнюю историю Полоцка норовят положить в основу современного белорусского государства. Тем в большей степени это относится к такому историческому феномену Восточной Европы, как ВКЛ. На вставший ребром в последние десятилетия вопрос о том, кому принадлежит история этого государственного образования, чья же она — автор отвечает вполне ясно и чётко. Если иметь в виду современные восточнославянские государства, которые выросли на обломках «советской империи», то ответ должен быть однозначным: эта история является общим достоянием. Для того, чтобы такое утверждение не осталось пустой декларацией и, учитывая, что во времена этого государства шёл процесс этногенеза украинцев и белорусов, следует строго придерживаться давнего научного названия: Литовско-Русское государство.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries” of the Russian Science Foundation

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Жомойтское и Русское, Литовско-Русское государство, современные белорусская, украинская и российская историографии.

Драматическое противостояние между странами, возникшими на территории «нашего пространства», перерастающее временами в жестокие войны, сопровождается «войнами историческими». Они, к счастью, не столь кровавые, но не менее ожесточённые. У них, правда, опять же к счастью, та особенность, что могут они идти и без настоящих войн. Анализ причин и оснований для такого рода «войн» — тема отдельного исследования, которая часто замыкается на более глобальную проблематику: созидания своей национальной истории этими новорожденными воюющими между собой субъектами [26]. Дело в том, что для возведения здания такой истории нужен соответствующий строительный материал, с которым бывает довольно туго. Если, скажем, у Украины есть некоторый опыт государственного строительства — от Гетманщины до гособразований времён Второй Российской смуты (начала XX века), то у Беларуси и того нет. Это самое молодое государство Европы, моложе которого только отдельные балканские республики, образованные на обломках бывшей Югославии в 1990–2000-х гг. [37, 571].

С целью создания «строительного материала» для своей государственной и национальной идентичности белорусская интеллигенция стала обращаться не к Великой Отечественной войне (хотя культ её присутствует в современном государстве) и, естественно, не к истории белорусских земель в составе Империи Российской. «Мобилизованным» оказалось средневековье. Впрочем, исходя из новейших теоретических разработок белорусских учёных [17], нынче рассматривающих государственность как внутреннюю потенцию «этнонационального сообщества» [11, р. 940], которая дремлет-дремлет, а временами и пробуждается, мобилизовать можно было и времена каменного века. Ведь прослеживают же некоторые белорусские историки этническую и этнокультурную историю Беларуси с эпохи палеолита [2, с. 141]. И, действительно, по древней советской традиции белорусы уводят свою государственность вглубь веков, находя её

элементы уже в первобытном обществе. Одно хоть соответствует истине, и это признают белорусские исследователи: термин «государство» тогда не употреблялся! [14, с. 58 и др.] Забавно, но что-то заимствуется из «царской историографии», например, идею о федеративном устройстве Киевской Руси. А что-то из советского научного обихода, в частности, пресловутый «феодализм»². Однако, удобнее всего оказалось привлечь полоцкий материал. Да и то правда: там ведь была одна из трёх Святых Софий!

Мысль о том, что «Полоцк — первый исторический город Беларуси, первая столица первого государства на территории современной страны», постепенно обосновалась в умах историков и публицистов [35, с. 9], в свою очередь, будучи проявлением борьбы за «древнерусское наследие» [39, р. 157–166]. Идея о Полоцком княжестве IX–XIII вв.³ как истоке современной Белоруссии легла в основу «концепции белорусской автохтонности» [37, 573]⁴, а «достижением» белорусских историков и археологов стало установления тысячелетнего возраста белорусской государственности [31, 76]. При этом, в общем-то, правильно было поставлено под сомнение «единое древнерусское государство» с центром в Киеве.

Впрочем, древнее «государство» гораздо меньше волновало белорусских историков, нежели «древнерусская народность», против которой и был обращён главный удар критики. Тут весьма ко двору пришлась и давняя концепция выдающегося советского археолога В. В. Седова о решающей роли балтского субстрата в этногенезе белорусов [34 и др.]. Её в своё время как-то не очень приветливо встретили в советской науке, но зато те-

---

² При этом каким-то удивительным образом в эту солянку умудряются погрузить и И. Я. Фроянова с последователями с их «нефеодализмом» и городами-государствами [14, с. 67; 36, с. 26–27].

³ Киевская Русь не знала такого понятия, как «княжество». Для обозначения власти там использовали слово «княжение», а территориальные единицы именовали «землями» и «волостями».

⁴ Кстати говоря, в 20-е годы XX века далеко не все с головой бросались в этот омут исторических иллюзий [1, с. 50].

перь «на ура» в независимой Беларуси [31, 76]. Хотя стоит заметить, что наибольшим доверием данная концепция пользуется именно у археологов, а этнографы, наоборот, с начала 90-х гг. подвергают её критике [28, с. 114–122].

«Древнерусскую народность», портрет которой был создан, прежде всего, трудами моего первого учителя В. В. Мавродина, не стоит сбрасывать со счетов. Надо только изменить ракурс её рассмотрения. Эта «народность» вполне напоминает ту, что была в Древней Греции: каждый гражданин считал себя членом определённого полиса, но при этом не забывал и о своей принадлежности к единой древнегреческой общности [7, с. 169–170]. И в этом смысле «народность» была-таки скрепой древнерусского общества, наряду с религией и кое-какими другими факторами.

Но Полоцк никак не мог лежать в основе белорусской государственности. Конечно, полоцкая (как и соседняя смоленская) «городские агломерации» имеют славную историю [8]. Однако, полоцкий «город-государство» одно из многих подобных общинных образований на территории так называемой Киевской Руси. Государственный характер и статус подобных градообщин сейчас находится под большим сомнением [10].

Да и Киевскую Русь, само название которой носит искусственный, кабинетный характер, надо рассматривать как своего рода восточнославянскую «Античность», которая является общим достоянием современных государств (Российская Федерация, Украина, Беларусь), но никому в отдельности не принадлежит [9, с. 5–16]. А посему вести начало белорусской *государственности* (как и великорусской и украинской) от Киевской Руси — по меньшей мере, некорректно с научной точки зрения. Ключевым словом здесь является «государственность», а не история нашей восточнославянской культуры в самом широком смысле (по П. Н. Милюкову). Её без Киевской Руси, безусловно, не понять.

Впрочем, белорусские ученые это и сами прекрасно понимают и с гораздо большим энтузиазмом в качестве своего «протогосударства» воспринимают Великое княжество Литовское (далее — ВКЛ), в состав которого, как известно, вошли

земли нынешнего государства Беларусь. Уже в середине 80-х годов, т. е. ещё до образования отдельного самостоятельного государства пошёл процесс «присвоения» белорусами истории ВКЛ. Важным в этой связи было утверждение о сугубо мирном присоединении «белорусских» земель к Литве. Значительную роль тут играл внешний фактор: угроза со стороны орденов и монгольское нашествие. Последнее было особенно интересно, поскольку, с одной стороны, оно — вернее его отсутствие на этой территории — отличало Белоруссию от России и Украины, а, с другой стороны, создавало этот неожиданно креативный фактор внешней угрозы⁵. Особое значение стали придавать битве у Синих Вод (1362 г.), где были разбиты войска трёх татарских мурз. Не очень звучавшая в прежней советской историографической традиции, битва сразу выдвинулась в разряд крупнейших военно-политических событий европейского уровня.

В целом такое «присвоение» ВКЛ было достаточно мягким и позволяло говорить об общем с литовцами, «своём» для белорусов государстве. Можно было забыть как кошмарный сон то «чужеземное иго литовских и польских панов» в белорусских землях, о котором с чувством писали советские историки, включая разделы в учебно-познавательной литературе.

Однако, с самого начала легендарный историк-любитель Н. И. Ермолович придал такому подходу гораздо более экстремистский вид. Он отрицал литовское завоевание, размещал первоначальную Литву на белорусской территории, трактовал возникновение ВКЛ в качестве белорусского государства [11, с. 939]⁶. Пределы влияния его концепции были определены степе-

---

⁵ Отметим тенденцию явного преуменьшения германской угрозы для ВКЛ. Характерна она, в частности для Г. Сагановича, что, видимо, не удивительно, поскольку белорусский историк с какого-то времени проживает в Литве и чувствует себя причастным к единой семье европейских народов [31, с. 78; 32].

⁶ Очень сомневаюсь, что в подобного рода фантазиях Ермоловича можно обвинять «царскую русскую историографию», как это делает, например, Г. Саганович и некоторые другие историки [31, 79]. И. А. Марзалюк, например, полагает, что называть белорусов литвинами заставила «российская имперская историография», в которой высказывались мнения о тождественности «Литвы» и

нью благоразумия и характером базового образования у белорусских исследователей — серьёзные историки с какого-то времени отрешиваются от версий этого подвижника, не отказываясь при этом от идеи белорусского характера ВКЛ. Ситуацию не меняет и то, что собственно «белорусским» это государство называл сам Ермолович⁷. Большинство белорусских историков использует понятие «*белорусско-литовское*» государство. Как считается, первым понятие «*литовско-белорусское* государство» стал употреблять автор первого же учебника по белорусской истории В. Игнатовский [16]. Но даже эти два названия, отделённые друг от друга десятилетиями, в которые уложилась своеобразная советская эпоха, можно сравнить и, выражаясь рекламным новоязом, «почувствовать разницу».

В общем, когда речь идёт о таких вещах, как «канон тем» белорусской национальной истории — этнополитической природе ВКЛ⁸, удержаться на скользкой поверхности довольно трудно. И некоторых историков, даже претендующих на статус серьёзности, что называется «несёт». Речь идёт о таких темах, как «принадлежность» Вильно, и даже о названии «Литва»: некоторые авторы предлагают называть балтскую Литву «Летувой» — «как она сама себя называет по-литовски», отождествлять с Жемайтией, а исторический термин употреблять в отношении прошлого Белоруссии и славянской части ВКЛ вообще [19, с. 104–105 и др.]. Другими словами белорусы — вовсе никакие не белорусы, а литвины! Такое утверждение было сделано ещё в «боевой» историографии 20-х годов, причем, тогда предлагались разные варианты. В. Д. Дружчиц, например, придерживался мнения, что древние литовцы — это славяне, сформированные из племен «вологов» или лютичей [15, с. 7]. Теперь это утверждение обрело, что

«Руси» [24, с. 49]. Но речь-то в современной историографии идёт не о какой ни Руси, а о белорусах!

⁷ Взлетела мысль белорусских историков и до ВКЛ — «белорусской империи» [30, с. 62–66]. Украинские историки вполне справедливо подобные утверждения о «белорусской империи» рассматривают под грифом «экзотичных формуловань» [3, с. 268].

⁸ По выражению немецкого историка Р. Линдера [22, с. 445].

называется, второе дыхание⁹. Хотя есть и более здравые подходы, согласно которым в XIII–XVI вв. — «литвины» были этническими литовцами [6, с. 10].

Ясно и понятно, что такой подход к истории ВКЛ никак не может импонировать литовским историкам. Им то, казалось бы, о чём беспокоиться? При любом раскладе «литовская часть» в названии государства всё равно сохранится. Однако, при ближайшем рассмотрении всё не так просто: «После прекращения существования ВКЛ его материальное наследие и память сознательно уничтожались руками многочисленных оккупационных сил» [38, с. 368]. Ведь пришлось же в 1918 г., после появления Литовской республики, делить эту память с поляками. Теперь «материальное наследие» возрождается вполне материально и красиво, например, воссоздание Дворца Государей в Нижнем замке Вильнюса.

Память же — порой парадоксально! Чего стоит празднование 750-летия коронации Миндовга, что использовалось для обоснования необходимости евроинтеграции. Это «яркий, но и довольно типичный пример использования исторических прецедентов, оправдывающих и тем самым легитимирующих современные политические решения» [38, с. 368]. Ну, это хоть понятно. Но вот как литовские историки приносят в жертву литуацентричность, соглашаясь быть «вторым вариантом польской цивилизации», платя этим за «опаздывающую европеизацию» или как они рефлексируют по поводу литовской «империи» — понять трудно [38, с. 374–375; 40, р. 205–261].

На протяжении 90-х — начала нулевых белорусские и литовские историки неоднократно предпринимали попытки договориться, решить спорные проблемы. Они собирались и... спорили, причём эти споры вполне напоминают с детства знакомую

---

⁹ Тут также винят русскую «дореволюционную» историографию, которая и подготовила переход к таким концепциям. Однако, русская историография говорила о русских в ВКЛ, а не о белорусах! Разница есть. Правда, особняком стоит точка зрения Н. И. Костомарова, который полагал, что воображению *украинца* являлся литвин (под этим именем разумеется народ не действительно литовский, а белорусский). [18, с. 6]. Может, украинцы и называли в какой-то период часть белорусов «литвинами», но погоды это не делает.

картинку из бессмертного произведения Дж. Свифта. Так, в какой-то момент они, вроде бы уже почти договорились, чтобы ВКЛ с белорусской стороны называть «белорусско-литовским», а с литовской — «литовско-белорусским» государством, употребляя эти термины как равнозначные. Однако, выйдя из-за круглого стола, литовцы тут же вняли своей национальной гордости (и правильно!) и ни разу такого названия не использовали [31, с. 83]. Они посчитали такой подход «разновидностью царской российской теории *русско-литовского государства*», и даже «более реакционной», чем последняя [31, с. 80]. Ну, тут — вряд ли согласимся...

Кстати, есть некоторые моменты, которые объединяют две национальные историографии, и которые не могут радовать российского читателя — антирусская направленность. Литовские историки, чьё внимание в последние десятилетия привлекает советская «оккупация» Литвы, тут менее настойчивы и не очень постоянны. Иногда их воззрения имеют несколько курьёзный характер, даже у очень серьёзных исследователей. Рассуждая о возникновении Литовского государства, они могут воспевать плодотворное влияние викингов и поплакать по поводу Руси, которая лет на 200 задержала это возникновение [11, с. 937]. Во многих же белорусских сочинениях «Россия изображается заклятым врагом Белоруссии» (сливающейся в воображении авторов с ВКЛ), с которой приходилось вести непрерывные войны [37, с. 581]. Чего стоит одна Оршанская битва! Попытки изменить ситуацию со стороны президента Беларуси большого успеха не имели. Учебники, которые санкционировались тогда властью и носили пророссийский характер, были подвергнуты критике и во многом за дело [36].

Не очень уважительно современные белорусские историки относятся и к нашей «царской историографии» (советская и постсоветская российская историография им просто «без надобности»), т. е. к историческим трудам «дореволюционного» времени. Вся историография искусственно делится на три «подхода», которые якобы существуют до сего дня: западнорусизм, либерально-позитивистский и народнический [17, с. 44–47]. И, если «либерально-позитивистская» воспринимается, в целом,

неплохо, а «народническая» даже удостоивается похвалы, то для «западнорусизма» черной краской явно не жалеют [33, с. 227–248]. Кстати, в последнее время белорусам не нравится и работа В. Т. Пашуто: «ничего нового в изучение ВКЛ эта работа не внесла — ВКЛ рассматривалось как литовское государство, в котором белорусские земли находились в угнетенном состоянии» [14, с. 89].

Похоже, что украинские историки относятся к ВКЛ гораздо спокойнее, на что есть свои причины, среди которых и наличие других возможностей для государственной идентификации и не очень значительное развитие украинской лиутанистики в целом [11, с. 941]. А что же историки Российские?! Они не просто держатся в этой ситуации индифферентно, а даже по старинной русской традиции готовы ударить и по себе. Речь идёт о критическом отношении российских историков к российской же «дореволюционной» историографии. Эта славная историографическая традиция, включавшая в себя плеяду выдающихся ученых, трудившихся в ведущих университетах Российской Империи, как известно глубоко постигала феномен ВКЛ. А её обвиняют в «присвоении» литовской истории [20, р. 180]. С этим уж никак нельзя согласиться! Эту выдающуюся историографию можно изучать по университетским или региональным школам, течениям и направлениям, но лучше всего по концептуальному содержанию их наследия. И тогда особенно чётко видно сколь грандиозно это наследие и сколь насыщена и системна та картина литовско-русской истории, которую они создали¹⁰.

Вот эта-то ветвь исторического знания и указывает нам вектор понимания ВКЛ, его «принадлежности». Так что, если (не без критики, естественно, воспринимая) погрузиться в это богатство, да ещё дополнить современными знаниями, да не впасть во мрак современных этно-политических конфликтов — всё нам станет ясно с этим достаточно архаичным (по европейским меркам) и слабоватым (по меркам российским), но очень симпатичным государством. Вспомним его «официальное» название: Великое княжество Литовское, Жомойтское и Русское. Как видим,

---

¹⁰ См. подробнее: [12].

ни белорусы, ни украинцы (при всём уважении и к тем, и к другим) в этом названии не присутствуют. Прочтение вслух названия можно сопроводить географической локализацией этих регионов, которые, собственно и составляли всю территорию ВКЛ. К таковым относятся земли собственно Литвы (Аукштайтии или Верхней Литвы), Жемайтии (Жмудь или Нижняя Литва) и Русь. Что представляет собой последнее (но не по значимости) звено в этой трехзвенной структуре?

Это массив древнерусских земель, который составлял основу той самой Киевской Руси. Он составил основу и формирующегося государственного образования. Будущее Московское государство будет формироваться в так называемой Северо-Восточной Руси (это опять же, если с днепровских круч смотреть), где находились старые центры Ростов и Суздаль и новый Владимир. Была ещё рязанская «украина» и на северо-западе Господа Великий Новгород и Псков. Уже сама *география* заставляет нас отказаться от попыток отлучить примерно 9/10 территории ВКЛ от принадлежности к Руси, русским землям. Добавьте к этому, восходящую к политической географии амбивалентность, которая была характерна для региона в те времена: четкой границы не было, населённые пункты переходили из рук в руки. Мало ли что могло из этого получиться?

Мы не поклонники альтернативной истории, но позвоительно спросить, что могло получиться с Брянском — пригородом Чернигова или Смоленском? Русские ли это города? Наверное, сейчас мало кто сомневается. Но ведь сомневались! В. И. Пичета утверждал что Смоленск являлся главным очагом *белорусского* просвещения [29, с. 98]. Да и ряд других историков включал этот город и землю в ареал белорусской народности [1, 50]. Как Смоленск с Брянском, так и другие города и земли ВКЛ были русскими (я не конкретно литовские имею в виду). Можно, конечно, поступать, подобно уже упоминавшемуся автору первого учебника В. М. Игнатовскому и утверждать, что термин «русский» равнозначен слову «белорусский» и на этом основании считать Великое княжество белорусским государством [16, с. 64]. Мы чтим память этих людей (Игнатовского и сонма дру-

гих) прошедших лагеря, ставших жертвой кровавого сталинского Молоха. Но это не должно влиять на историческую истину...

Можно со всей ответственностью заявить, что помимо этнических литовцев, распадавшихся на этнографические группы (аукштайтов и жемайтов) на территории ВКЛ обитал народ, который с полным основанием подходит под определение «русские» (можно и с одной буквой «с»). Нет возможности вновь продираться через чащобу современных изысков в области этнических и языковых отличий в рамках ВКЛ¹¹. Обращает на себя внимание то, что в серьёзной историографии споры идут уже касательно XVI века, что же касается предшествующих двух столетий, то ни у кого, видимо, нет сомнения, что это русские.

Но и в XVI в. предки современных белорусов назывались «русскими» не потому, что отождествлялись с жителями Московской Руси, а потому, что считались потомками и наследниками Руси IX–XIII вв. [25, с. 97–98]. Пусть так, хотя кардинальных различий между жителями Московии и русскими ВКЛ тогда явно не было. Свободный от тех или иных комплексов гражданина ВКЛ, австрийский подданный и к тому же выдающийся дипломат и ученый С. Герберштейн хорошо представлял ситуацию, когда именно для этого столетия говорил, что “Руссией владеют ныне три государя; большая её часть принадлежит [великому] князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой” [5, с. 59]¹².

¹¹ См. сравнительно недавний обзор [13, с. 234–249].

¹² Авторы содержательного комментария к «Запискам», по-моему, сужают представления знаменитого посла о «Руссии». Они считают (судя по всему, это писала А. Л. Хорошкевич), что Герберштейн употреблял термин «Руссия» в двух смыслах — как восточнославянская территория в пределах Древнерусского государства и как Русское государство конца XV–XVI в. Для обозначения последнего он вводит и термин «Московия», который был известен в ВКЛ, Короне Польской и при папском дворе [5, с. 284]. При этом, в комментарии на основании такого предположения Герберштейну ещё и приписывается некая «прорусская» позиция. В другом месте говорится, что Герберштейн имеет в виду территорию Древнерусского государства [5, с. 288]. Не надо идеализировать действительность (в данном случае — прошлую). Никакой «прорусской»

В общем, современный российский автор прав, когда пишет о том, что это население именовало себя “русским народом” и в таком значении термин известен с древнейших времён [4, с. 172–179]. Естественно, мы мыслим в рамках российской традиции, которая отнюдь не склонна ускорять этногенез украинцев и белоруссов [21, с. 337–356]. И действительно — нет оснований преувеличивать те антропологические и лингвистические отличия, которые существовали с древности. Такое разноцветие весьма характерно для гигантского по своим масштабам восточнославянского мира. Эти различия были всегда, есть и сейчас: сведите между собой русского с Русского же Севера или с казацкого Юга!

Эти различия отнюдь не были кардинальны — в основе лежала единая ещё, по сути культура, основанная на православной традиции. Вера и по сей день, даже в условиях появившихся новых государств. Что же говорить о тех временах? Церковно-славянский язык по-прежнему был языком церковной службы и религиозной литературы, а в светской жизни использовался язык, который лучше всего именовать “западнорусским”. Новейшие белорусские исследователи не считают возможным отказываться от такого определения хотя и отмечают, что в аутентичных письменных источниках конца XIV–XVI вв. — авторы этих источников называют их «русскими» [23, с. 47, 49]. Можно, конечно, именовать его и «русской мовой» [41, р. 424], но это явный неологизм. Как бы там ни было, на этом языке создавалась литература, являвшаяся прямым продолжением предшествующей традиции и в то же время вполне сопоставимая с литературой Северо-Запада и Северо-Востока

позиции у Герберштейна не было, и не думал он о некоем никогда не существовавшем «Древнерусском государстве». Мне представляется, что надо обратить внимание на самое начало книги, где найдём слова: «Краткое описание России и Московии, которая ныне состоит её столицею», а, главное, то различие в переводах, которое отражено в тексте: «Московия — главное государство в Руссии». [5, с. 53]. Похоже, Герберштейн представлял себе некий обширный массив русских земель, который делился соответствующим образом между государствами того времени.

Руси [41, р. 420–439]. О глубоком единстве есть все основания говорить и в области материальной культуры [27].

Так чья же ты, история ВКЛ? Если иметь в виду население тех государств, которые выросли на нашей памяти на хорошо удобренной почве «союза нерушимых республик свободных», то, конечно же, общая для всех них. Вовсе не хотим отлучать от неё ни современного белоруса, ни украинца. И, когда мы решительно возвращаем в научный обиход научное название ВКЛ — «Литовско-Русское государство», то имеем в виду, не русские претензии на эту славную историю одного из исчезнувших государств Европы, а корректность исторического мышления и точность научной вербальности...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозорович В. А.* Концепция истории Беларуси в обобщающих научных трудах 1920-х гг. // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапа-літычных зрухаў XX ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. Мінск: БДУ, 2018. С. 49–53.
2. *Браим И. Н.* Рец. на: Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Мінск, 1991 // Советская этнография. 1991. № 6. С. 141–142.
3. *Василенко В.* Про деяки проблеми політичної історії Великого князівства Литовського у світлі сучасних історіографічних тенденцій // *Ukraina Lithuania: студії з історії Великого князівства Литовського.* Київ, Інститут історії України НАН України, 2013. Т. 2. 292 с.
4. *Гайда Ф. А.* Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019. 200 с.
5. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
6. *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага.* Мінск: Экоперспектива, 2008. 688 с.
7. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Москва: Весь Мир, 2010. 944 с.
8. *Дворниченко А. Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Весь Мир, 2013. 232 с.
9. *Дворниченко А. Ю.* The place of the Kievan Rus in history // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. История.* 2016. Вып. 4. С. 5–16.
10. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. М.: ИД КЛИО; СПб.: Евразия, 2017. 559 с.

11. Дворниченко А. Ю., Кудрявцева Р.-Е. А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // *Vylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 935–955.
12. Дворниченко А. Ю. «Присвоение» истории или её постижение? (Русская литуанистика XIX — начала XX в.) // Тетради по консерватизму (в печати)
13. Дзярновіч О. І. «Літва» і «Русь» XIII–XVI вв. как концепты белорусской историографии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009., № 1–2 (5–6). С. 234–249.
14. Дмитрачков П. Ф. История Беларуси. С древнейших времён до конца XVIII в. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2015. 354 с.
15. Друшчыц, В. Галоўныя моманты гісторыі беларускага народу / В. Друшчыц // Беларусь: нарсы гісторыі, эканомікі, культурынага і рэвалюцыйнага руху: калектыўная праца пад агульнай рэдакцыяй А. Сташэўскага, З. Жылуновіча і У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча і Я. Пятровіча. Мінск: Выданне ЦВК БССР, 1924. С. 5–21.
16. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мінск: Беларусь, 1991. 190 с.
17. История белорусской государственности: В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; Отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. Минск: Институт истории, 2018. 598 с.
18. Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Костомаров Н. И. Две русских народности. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 3–46.
19. Краўцэвіч А. Тэрміны «Літва» і «Летува» ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі // Гістарычны альманах. Т. 9. Гродна, 2003. С. 104–105.
20. Кром М. Великое княжество Литовское в российской историографии XIX–XX веков // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai* [Традиция Великого княжества Литовского и национальные нарративы]. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. С. 177–192.
21. Курукин И. Этногенез белорусов и украинцев в современной историографии России // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai* [Традиция Великого княжества Литовского и национальные нарративы]. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. С. 337–356.
22. Ліндэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Мінск; СПб, 2005. 538 с.

23. *Лицкевич О. В.* «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 928 с.
24. *Марзалюк І. А.* Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў: МДУ, 2009. 144 с.
25. *Насевіч В.* Да пытання пра саманазву беларусаў у перыяд ВКЛ // Беларусіка — Albaruthenika. Кн. 2: Фарміраванне і развіццё нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў Маладзечне 19–20 жніўня 1992 г. Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1993. С. 97–100.
26. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.
27. *Паіцута В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М.: Наука, 2002. 264 с.
28. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: новая концепция. Мінск: Беларусь, 1991. 143 с.
29. *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. 179 с.
30. *Саверчанка І., Санько З.* Што такое Вялікае Княства Літоўскае? // Сто пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. С. 62–66.
31. *Сагановіч Г.* Великое княжество Литовское в современной белорусской историографии // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir Paveldo Dalybos [Традиция и «раздел» наследия Великого Княжества Литовского]. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. С. 73–92.
32. *Сагановіч, Г.* Грунвальд у беларускай гісторыі: Спроба разбору палітычнага міфа. Мінск: Медысон, 2015. 416 с.
33. *Сагановіч Г.* Пра так званую “школу праваслаўных гісторыкаў”, або Навошта нам заходнерусізм // Беларускі гістарычны агляд. Т. 26. Сш. 1–2 (50–51), 2019. С. 227–248.
34. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970. 200 с.
35. *Тарасаў С. В.* Полацк: Гонар векоў. Мінск: Беларусь, 2012. 264 с.
36. *Трещенок Я.* История Беларуси. Ч. 1: Досоветский период. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. 176 с.
37. *Филлошкин А. И.* «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического

- наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 571–592.
38. *Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // *Український історичний збірник*. Вип. 16. 2013. С. 366–392.
39. *Halperin Ch.* Rus', Russia and National Identity // *Canadian Slavonic Papers* // *Revue Canadienne des Slavistes*. 2006. Vol. 48. No 1/2. P. 157–166.
40. *Norkus Z.* Ar Lietuvos Didžioji Kunigaikštija buvo imperija? [Было ли Великое Княжество Литовское империей?] // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo «dalybos»*, [Традиция и «раздел» наследия Великого Княжества Литовского] / Sud. A. Bumblauskas, Š. Liekis, G. Potašenko. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. P. 205–261.
41. *Verkholantsev J.* Ruthenia (Lithuania-Rus) // *Europe. A Literary History, 1348–1418* / ed. by David Wallace. Oxford: University Press, 2016. Vol. 2. P. 420–439.

Р-Е. А. Кудрявцева

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI ВЕКЕ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА¹

Данная статья посвящена сравнительному анализу особенностей функционирования органов местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве через призму изучения отечественной историографии. На основе сравнительного метода изучения представлена попытка обобщить различия основ местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве в XVI веке.

Ключевые слова: местное управление, местное самоуправление, Великое княжество Литовское, компаративный анализ, Русское государство.

Великое княжество Литовское представляло и представляет огромный интерес для литуанистов всего мира, так как является своеобразным феноменом [5, с. 935] — государством, ис-

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries” of the Russian Science Foundation

чезнувшим с карт Европы и забытым многими. В период возрождения интереса к истории Великого княжества Литовского, многими исследователями рассматривались различные аспекты его политической истории: характер и генезис великокняжеской власти, становление высших органов власти, изменение характера местного управления. Сравнение местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве затрагивалось в работах исследователей начиная с рубежа XIX–XX веков, однако фундаментального комплексного труда по анализу сходства и различия устройства и функционирования данных органов власти в XVI веке еще нет, что определилось проблемный вопрос данной статьи. В чем проявлялось различие принципов построения системы местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве в XVI веке?

Охарактеризуем кратко отечественную историографию местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском. Отечественные исследователи обращались к данному вопросу в течении всего периода изучения Великого княжества Литовского, но характеризовали его или как один из ряда проблемных вопросов исследования, или же не ставя задачей проведение подробного компаративного анализа характера управления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве. Кратко сравнил местное самоуправления в государствах М. С. Грушевский. Исследователь в своем фундаментальном труде «История Украины-Руси» затрагивал проблему функционирования органов местного самоуправления в Великом княжестве Литовском, охарактеризовав их как внешнее проявление польского влияния, но с глубокой древнерусской основой, указав на то, что в процессе усиления шляхты местные сеймы (по польскому образцу) стали альтернативой всенародного веча [4].

К проблеме функционирования местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском обращались и авторы фундаментальных исследований о политической истории государства Ф. И. Леонтович и И. И. Лаппо. Исследование И. И. Лаппо представляет особую ценность благодаря обширному

цитированию автором подлинных документов, в частности — великокняжеских и королевских пожалований, на русском и польском языках [8, с. 248]. Проблеме местного управления посвящено исследование М.К. Любавского «Областное деление и местное управление в Литовско-русском государстве» 1892 года [11]. Автор дает характеристику происхождению областного деления в Литве; приводит структуру местного управления в государстве ко времени издания первого Литовского Статута, однако сравнительный анализ с функционированием органов местного управления и самоуправления не является центральной проблемой исследования. В 1910 году вышла книга, в которой М. К. Любавский переработал и обобщил свои исследования по истории Великого княжества Литовского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», в которой исследователь особое внимание уделил функции и структуре местного управления [13, с. 74]. Характер местного управления раскрывает и А. Е. Пресняков [18, с. 94], подчеркивая сословный тип административного управления государством. Отдельным предметом изучения становилось и местное городское самоуправление в Великом княжестве Литовском. Так В. Б. Антонович в «Очерке истории Великого княжества Литовского» дал характеристику самоуправления городов Великого княжества Литовского, основное внимание сосредоточив на Киеве, который получил Магдебургское право в конце XV века [1, с. 135]. В. И. Пичета также анализировал Магдебургское право, выделив основные цели дарования городам самоуправления: увеличить их благосостояние и доходы от торговли, так как богатство городов позитивно сказывалось на их способности снаряжать войска, что было выгодно государству [18, с. 59–62]. Компаративный анализ функционирования политической системы Великого княжества Литовского и Русского государства был представлен в двух крупных отечественных исследованиях XX века, в начале и в конце. В 1903–1904 годах вышла монография И. Я. Малиновского в двух частях [14; 15], в которой было проведено компаративное исследование функционирования Рады Великого княжества Литовского и Боярской думы Русского государства, а в 1996 году монография М. Е. Бычковой «Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до

1569 г.» [3], однако, несмотря на проработанность темы изучения центрального управления, до сих пор отсутствует фундаментальное исследование посвященное изучению и сравнению именно местного управления и самоуправления. Характеристика отечественной историографии местного управления и самоуправления достойна отдельных монографий. В данном исследовании были использованы как классические монографии [6], так и труды современных исследователей [2; 16].

Нормативной основой функционирования системы местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском были Статуты, источниками права для которых стали нормы древнерусского права. Великокняжеские привилеи и Судебник Казимира. Структура местного управления включала в себя институты воевод, старост, наместников-державцев, возных и складывалась в процессе усиления шляхты как «народа» [21, с. 378] Великого княжества Литовского и закрепления их через Статуты своих политических прав и полномочий [7]. Характеризуя положение шляхты в системе управления государством А. Е. Пресняков отмечал, что значительное усиление шляхты было следствием падения авторитета власти великого князя [18, с. 197].

После завершения административной реформы XVI века, структура местного управления была приближена к польской. По структуре институты воеводы, старосты и державца были простыми, т. е. состояли из одного врядника. По характеру функций, основной функцией воеводы была охранительная, кроме того, в круг его функций входили военные, как главы ополчения, судебные, хозяйственные и административные, связанные с участием в собраниях Сейма, а также назначением мелких врядников воеводства, полномочия [19]. Воевода был напрямую связан с великим князем через назначение шляхтича на должность [19] и шляхетским сословием, которое представляло его кандидатуру [19]. Нисходящими прямыми связями институт воеводы был связан с такими врядниками как подвоеводами, каштелянами, ловчими, лесничими, мостничими, тивунами, особым врядником повета были возные, судебные приставы, назначаемые воеводой из кандидатур, представленных местной шляхтой [19].

В поветах представлял местное управление староста, которому предоставлялось кормление [10, с. 224]. В Великом княжестве Литовском не все старосты были равны по статусу [10, с. 225], Жмудский староста приравнивался к воеводе. Староста назначался великим князем и осуществлял охранительные функции в повете, судебные, военные функции и хозяйственные функции [10, с. 239], связанные с командованием «почт» и обеспечением боеспособности замка, функции связанные с обеспечением сохранности и безопасности дорог. Староста был напрямую связан с великим князем, а также с местными врядниками и шляхетским самоуправлением [10, с. 234]. Свои функции старосты осуществляли как лично, так и через помощников-врядников: подстарост, хорунжия поветового, ротмистра, маршалка. Отдельными территориями управляли наместники, получавшие землю от великого князя или в держание, или же за службу, если шляхтич потерял свои земли в результате независящих от него обстоятельств, али же для получения денежных средств, в случае если шляхтич дал казне кредит [11, с. 679]. Основой функций наместников-державцев были хозяйственные и судебные [20].

В структуре местного управления в Великом княжестве Литовском можно выделить три линии: управление господарским хозяйством, территориально-административное управление государством, где институты местного управления связаны напрямую с великим князем, а также линия шляхетского управления через органы шляхетского самоуправления, так как шляхта участвовала в представлении кандидатур на должности местных врядников, а также присягали они шляхте после назначения [11, с. 212].

В структуре местного самоуправления в Великом княжестве Литовском можно выделить шляхетское самоуправление, городское и крестьянское. Основу шляхетского самоуправления составляли сеймики нескольких типов, права и функции которых были закреплены в Статутах 1566 и 1588 годов. Сеймики были тесно связаны со всеми местными врядниками, так как эти должности занимали наиболее образованные и богатые шляхтичи, занимающие важное положение на сеймиках, помимо других станов местной шляхты [10, с. 249]. Местное городское самоуправление

было связано с дарованием городам Магдебургского права, включая возможность самостоятельного суда и самоуправления, а также значительные торговые привилегии. По мнению В. Б. Антоновича, Магдебургское право оказывалось одной из причин, ограничивающих экономический рост городов и поощрявших злоупотребления и тягу к наживе, так как «не вытекая из местных потребностей, не выработавшись на местной почве, Магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русских городов и, притом, весьма часто противоречившую их убеждениям и взглядам» [1, с. 199]. В структуру управления городом с Магдебургским правом входили сход общины, войт, городская рада, лентвойты, бургомистры, радцы, проконсулы и лавники, а также важнейшую роль играли независимые цеховые объединения. Как отмечает Ф. И. Леонтович, с принятием Люблинской унии на всем спектре городского самоуправления был в значительной степени поставлен крест [11, с. 389]. Крестьянское самоуправление в Великом княжестве Литовском, выражающееся в существовании копного суда, в деятельности общины, не было полностью автономным.

Иная ситуация обстояла в Русском государстве. Нормативной основой местного управления являлось великокняжеское волеизъявление через нормы Судебников 1497 и 1550 гг. [9, с. 499]. В XVI веке происходили постепенные административные реформы, направленные на изменение системы кормлений. До середины XVI века структуру местного управления составляли наместники и волостели, управлявшие городами и волостями соответственно [16, с. 26–37]. Наместники и волостели были связаны прямыми связями с великим князем, а также со своими подчиненными: тивунами, доводчиками, праветчиками, однако последние являлись не государственными чиновниками, а слугами. Органы местного управления были связаны напрямую с местными общинами, так старосты и лучшие люди обязательно присутствовали при исполнении судебных функций [2, с. 18; 16, с. 103]. В ходе реформы Избранной рады наместники заменяются земскими властями, основными функциями которых являлись судебные [6], а сами кормления были заменены на об-

рок в царскую казну. Местное самоуправление в Русском государстве выражалось в деятельности института губных старост, чьими основными функциями были судебные. В. В. Бовыкин отмечал, что уровень самостоятельности местных общин был весьма высок в XVI веке [2, с. 18–19].

Структура и функционирование органом местного управления и самоуправления демонстрирует коренные различия в функционировании политической системе двух государств соседей в XVI веке. В Русском государстве в данный период усиливаются органы центрального управления, транслируя волеизъявление государя, тогда как на местах еще долго сохраняется традиция управления через воевод и наместников. В Великом княжестве Литовском происходила иная ситуация, когда при недостаточно развитом центральном управлении создавалась сложная, порой запутанная, система местных органов власти. Древнерусские политические традиции вечевых собраний к XVI веку теряют былое значение, а самоуправление теряло свои позиции с усилением царской власти, тогда как в Великом княжестве Литовском Сейм и сеймики, вобравшие в себя древнерусскую основу и польские традиции стали играть ведущую роль в государстве, ревностно охраняя своими привилегии, ограничив власть великого князя.

Кратко охарактеризованное в данной статье функционирование местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Русском государстве в XVI в. позволяют выделить ряд особенностей, а именно различие в характере осуществления управления и самоуправления. Характер реализации местного управления и функционирования самоуправления в Великом княжестве Литовском можно охарактеризовать как «статутность», под которой можно понимать статус органа управления, легитимность которого обеспечивается коллегиальным волеизъявлением представителей сословия, обладающего политической правосубъектностью. Особенности функционирования институтов устанавливались совместно великим князем и шляхтой (*«вси княжата и паны рады духовные и свѣцкіе, маршалки и иные врядники земские и дворные, паны хоругвовные, послы земские повѣтовые»* [20]) для шляхты, занимавшей все должности в Великом княжестве Литовском, закрепляя их права и привилегии. В функционировании

же местных органов управления и самоуправления в Русском государстве видится проявление характера «указности», властного волеизъявления суверенного правителя, который в любой момент может пересмотреть свое решение. Как уже отмечалось выше, в российской исторической науке отсутствует фундаментальное исследование, направленное на сравнения особенностей функционирования органов местного управления и самоуправления в Великом княжестве Литовском и Российском государстве. Точка зрения автора о характере различия во взаимосвязи с нормативной базой требует дальнейшего детального изучения и расширения, на основе изучения зарубежных архивных источников (архив Польши и Белоруссии), а также польской историографии, как современной, так и дискуссий XX века, сохранившихся в Библиотеке Ягеллонского университета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.
2. Бовыкин В. В. Центральная власть и местное самоуправление в русском государстве XVI в.: (эволюция взаимоотношений): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб, 2011. 23 с.
3. Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. // URL: <https://docplayer.ru/30380990-Vychkova-m-e-russkoe-gosudarstvo-i-velikoe-knyazhestvo-litovskoe-s-konca-xv-v-do-1569-g-ran-in-t-ros-istorii-m.html>.
4. Грушевський М. С. Історія України-Руси // URL: <http://izbornyk.org.ua/hrushrus/iur40204.htm>.
5. Дворниченко А. Ю., Кудрявцева Р.-Е. А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // Былые годы. 2019. № 53. Вып. 3. С. 935–955.
6. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России в XVI в. // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1>.
7. Кудрявцева Р.-Е. А. Дискуссии о времени возникновения и составе сейма Великого княжества Литовского в трудах отечественных историков рубежа XIX–XX вв. // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2018. № 6 (18). // URL: <https://www.novsu.ru/file/1483688>

8. *Лапто И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1559–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. СПб., 1901. Т. 1.
9. Лекции по истории русского законодательства / [соч.] И. Д. Беляева, ординарного проф. Имп. Московского ун-та; предисл. С. Петровского. М., 1879. VIII. 728 с. // URL: <https://runivers.ru/lib/book4337/53011>.
10. *Леонтович Ф. И.* Областное деление и местное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1909. Т. 1, вып. 2.
11. *Леонтович Ф. И.* Областное управление в Литовском государстве до и после Люблинской унии // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль. 1910. Т. 1, вып. 5.
12. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.
13. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб, 2004.
14. *Малиновский И. Я.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Ч. 1: Боярская дума древней России. Томск, 1903. 202 с.
15. *Малиновский И. Я.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Томск, 1904. 182 с.;
16. *Пащикова Т. В.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: Наместники и волостели. М.: Древнехранилище, 2000. 214 с.
17. *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 59–62.
18. *Пресняков А. Е.* Лекции по Русской истории. М., 1939. Т. 2.
19. Статут Великого княжества Литовского 1588 года // URL: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>
20. Статут Великого княжества Литовского 1566 года // URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm>.
21. *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. СПб, 1999. Т. 2. 438 с.

Т. И. Пелипенко

г. Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский гос. ун-т

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVI ВЕКЕ¹

В статье рассматривается специфика гендерных моделей поведения в шляхетском обществе середины XVI в. и анализируются возможные причины сложившихся моделей. Шляхетская культура, называемая сарматизмом, сформировала систему ценностей, которую для раннего Нового времени можно считать уникальной. Она влияла не только на самоопределение шляхты в системе социальных координат, но и на формирование таких паттернов, как «идеальная женщина» или «идеальный мужчина». Исследовательский интерес в данном случае вызван тем, что эти представления об «идеальности» в условиях сарматской культуры были достаточно гибкими и базировались не только на религиозных принципах и постулатах, но и на сиюминутных интересах и потребностях самой шляхты. Гремучая смесь часто противоречащих друг другу воззрений усугублялась общей поликультурностью общества Великого княжества Литовского, а затем — и Речи Посполитой. Это в свою очередь приводило если не к толерантному отношению к «другим», то по крайней мере, к изрядному количеству «экспериментов» и «поиском себя» в рамках шляхетского сословия.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект No 19-18-00073.

This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries” of the Russian Science Foundation

Ключевые слова: гендерная история, шляхта, сарматизм, коллективная память, Великое княжество Литовское.

Шляхта Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) является привлекательным объектом гендерных исследований постольку, поскольку в богатом на политические и культурные преобразования XVI веке в силу различных причин представители этого сословия оказались способны впитать и переработать самые разнообразные веяния эпохи. Получившаяся в результате смесь из зачастую противоречивых идеологических установок и паттернов поведения привела к формированию уникального в своей самобытности привилегированного сословия.

Говоря о «коллективном» в самосознании шляхты, мы, конечно же, в первую очередь имеем в виду особое шляхетское мировоззрение — сарматизм — характерное для польской элиты раннего Нового времени и перенимаемое, пусть и с некоторыми искажениями, элитой ВКЛ. Вопрос о том, как сарматская культура влияла на гендерную идентификацию, еще не рассматривался в научной литературе. Тем не менее, особенности гендерного поведения шляхтичей попадали в поле зрения исследователей, изучавших отдельные элементы сарматской культуры, такие как честь шляхтича [12, с. 135–142; 15, с. 25–39], публичность частной жизни [14, с. 68–81], религиозная эклектичность и т. д. Очевидно, что все это влияло на избираемые сценарии поведения как мужчин, так и женщин — представителей шляхетского сословия.

О разных типах женского поведения, например, писал еще З. Кухович, выделявший, поведение, соответствовавшее принятым идеологическим установкам [17]. Условно «позитивное» поведение должно было соответствовать нормам морали и религиозным догматам времени. Источники позволяют, хотя и косвенно, восстановить базовые ценности, соответствие которым может показаться если не обязательным, то, по крайней мере, желательным. Таковыми источниками могут быть как литературные произведения (например, Михалон Литвин, Франциск Скорины и др.), свадебные и похоронные патерики [18], так и судебные разбирательства, способные в сохранившейся риторике дать

не меньше информации о ценностях шляхетства [9, с. 166–169]. Среди добродетелей называются качества, характерные для новозаветного образа слабой и сострадательной женщины: милосердие, забота о детях, верность [18, р. 137], поиск защиты, готовность покориться судьбе [2, ф. 1280, № 12, л. 1; 5, с. 200; 6, с. 158; 8, р. 134].

Парадокс в том, что зачастую соответствие данному идеалу в реальной жизни встречало если не порицание, то как минимум осуждение общества, т. к. подобное поведение часто оборачивалось для самих женщин довольно трагическими событиями. Например, внучка Константина Острожского, Анна-Алоиза, стала жертвой развернувшейся борьбы опекунов за ее богатство [6, с. 11]. Алена Юрьевская оказалась в заточении в замке собственного опекуна, присвоившего ее наследство, а затем была выдана замуж, но после смерти супруга так и не получила полагающийся по закону «вдовый стол», а снова оказалась в заточении [1, ф. 599, № 513, л. 85–85 об; 4, ф. 599, № 513, л. 74]. Родителям часто приходилось в буквальном смысле вывозить дочерей из плена в доме мужа [3, с. 127–128; 11, ф. 124, карт. 1, № 123, л. 1].

Находим мы в источниках и примеры противоположного, маскулинного поведения женщин — шляхтянок, которое, казалось бы, должно было согласно упомянутой логике встречать общественное порицание, но, напротив, не вызывает у современников ни недоумения, ни негативного отношения. Женщины сами представляют свои интересы и интересы своих детей в судах, возглавляют войско, руководят обороной или наездом на соседские имения [10, с. 132–134].

Интересны при этом и варианты взаимодействия женщины с государством. Помимо традиционного представительства, когда все интересы представляет старший мужчина, мы можем привести немало примеров личного участия шляхтянок в делах семьи. При малолетстве детей и отсутствующем муже они сами разрешают имущественные и иные споры во вверенных им имениях, как это делала, к примеру, София Гаштольд. Казалось бы, что институт опеки должен ограничивать присутствие женщины в публичной сфере, однако зачастую он просто игнорируется как самими шляхтичами, так и государственной властью [10, с. 84–92].

Похожая двойственная ситуация наблюдается и при анализе мужских гендерных ролей. Обращает на себя внимание, что соответствие определенным гендерным критериям для мужчины — шляхтича было даже более значимо, чем для представительниц слабого пола, а требования, предъявляемые социумом к мужчине — более жесткими [12, с. 165–166]. Так, к примеру, несмотря на общую публичность семейной жизни и привычку шляхтичей даже самые незначительные споры решать через суд, в источниках сохранилось крайне мало свидетельств о разводах из-за измены жены (хотя такая причина была допустима по Статуту). Связано это, по мнению исследователей, с тем, что неблагоприятное поведение женщины кидало тень на шляхтича и ставило под сомнение его состоятельность, как мужа и отца [13, с. 50]. Репутация «добротого» шляхтича складывалась из многочисленных элементов, среди которых семейное благополучие имело чрезвычайное значение. Воспитание детей — особенно сыновей — с передачей им необходимых навыков и сословных ценностей являлось одной из главных задач мужчины — шляхтича.

Мы видим, что в рамках одного (шляхетского) сословия и мужчины, и женщины используют одни и те же механизмы решения конфликтов (судебная тяжба, квалт), одинаково интенсивно взаимодействуют в социуме, несут одни и те же повинности, обладают равной властью над детьми etc. Чего в этом больше — архаичного представления о единстве семьи, сохранившегося еще со времен Русской Правды, или новшества, связанного с небывалой свободой литовского общества, как полагают литовские и белорусские исследователи, — вопрос дискуссионный. Нам представляется, что причиной является как раз таки складывающаяся сарматская идеология. Самоидентификация шляхтичей как представителей уникального сословия, имеющего связи с древними сарматами, помимо всего прочего, предполагала ответственность перед семьей и корпорацией. Отсюда проистекала чрезвычайная важность именно традиционных семейных ролей для представителей обоих полов. Удивительные коррективы в эти представления вносила жизнь. К примеру, не смотря на то, что образ кроткой и благодетельной жены,

заботившейся о муже и детях, по-прежнему считался идеальным, в понятие этой «заботы» уже входила способность шляхтянки постоять за свои интересы или интересы близких. Постоять порой приходилось буквально — устраивая набеги на недоброжелателей или возглавляя войско. Неспособность справиться с опасностями, характерными для жизни в раннее Новое время, зачастую расценивалась как неспособность исполнить свои семейные роли. Представления о семье, являясь одним из базовых элементов сарматизма, делали супругов в равной степени ответственными за благополучие рода, а потому предоставляли одинаковые возможности для поддержания этого благополучия. Даже литовская риторика оставляет семью без явно выраженного главы, отмечая, что в идеальной семье царит равноправие, взаимное уважение и любовь всех членов друг к другу [18, р. 24]. По мере развития прав и свобод шляхетства, все возрастающей вовлеченности женщин в усложнявшуюся общественную жизнь, в идеальные модели «добрых» шляхтичей и шляхтянок добавляются такие черты, как меценатство и образованность, предприимчивость — опять же на благо семьи и сословия. Парадоксально как воспетая шляхтичами индивидуальная свобода (к примеру, к середине XVI в. шляхтичи оставляют за собой право выбора супруга или супруги, что называется, «по сердцу», в соответствии с общим духом прав и свобод сословия) сочетается с невнимательностью, если не сказать больше — с пренебрежением к личной индивидуальности. Свадебные и похоронные патерики представляют собой набор стандартизированных перечней качеств, считавшихся добродетельными. Даже знаменитый сарматский портрет призван подчеркнуть не портретное сходство, а всевозможные титулы и регалии. Женских портретов этого времени известно немного, но судя по имеющимся изображениям можно сказать, что все они отражали, в первую очередь, семейный статус модели. Наиболее известный портрет Екатерины Тенчинской представляет ее только скорбящей по умершему мужу вдовой и не уделяет ни малейшего внимания ее общественной деятельности. Безымянные портреты шляхтянок также подчеркивают их положение и значение в семье. Акцент на физической привлекательности, являвшейся также одной из

составляющих черт «доброй» шляхтянки, позволяет говорить о существовавшем в шляхетской среде культе красоты, которым были окружены представительницы сословия [16, с. 25].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что такое явление, как гендерная поляризация, было довольно слабо выражено в шляхетском обществе. Связано это, однако, было не с равноправием в современном понимании, а с особенностями коллективной шляхетской ментальности. Представления о принадлежности к привилегированному сословию, а значит — об особой миссии, возложенной на него, — нивелировали разницу в социальном положении мужчин и женщин в рамках сословия. Не смотря на то, что в семейные роли по-прежнему были различны (просто не могли быть одинаковы!), общество предоставляло шляхтичам и шляхтянкам примерно одни и те же механизмы выстраивания социальных отношений. Более того, можно говорить о некоем замещении гендерных ролей, когда в условиях длительного отсутствия мужчины на службе, войне или плену или же его ранней гибели, женщины брали на себя функции главы семьи. Механизмы, ограничивающие этот процесс, судя по всему в середине XVI в. уже практически не работали: шляхтянки сами выступали опекунами малолетних детей, принимали значимые для семьи решения, занимались общественной деятельностью, при этом их активность была легитимирована семейными ролями и объяснялась благом семьи. Именно на семье, как заметил Владислав Лозинский, держалась и вся Речь Посполитая, имея в виду не только разветвленные шляхетские рода, принимавшие участие в формировании государственной политики, но и культ семьи, как одного из элементов сарматизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дело о незаконной продаже дома и перепоручении паны, 1591 // Литовский Государственный Исторический Архив (далее — ЛГИА).
2. Дело по жалобе Анны Тенгинской, вдовы Станислава, впервые замужем за Юрием, князем Слуцким, на Николая Ласкаго о захвате ее имения, перешедшего к ней по наследству, 1564 // ЛГИА.

3. Жалоба пана Василия Парфеновича и его сына на Василия Даниловича, что тот якобы выгнал из дома жену Анастасию с общим ребенком, 1556 // Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне: в 23 т. Т. 21: Акты Гродненского земского суда. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина. 1894. С. 127–128.
4. Запись об опекунстве над панею Аленою Миницкое, урожд. Юрьевское, пана Григория Меницкого с передачею дома, угодий и проч. имущества, 1589 // ЛГИА.
5. Заявление жены Богуша Тарусы на заявление п. Матвея об отнятии людей из имения, 1556 // Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне: в 23 т. Т. 21: Акты Гродненского земского суда. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина. 1894. С. 200.
6. Заявление жены Ивана Красненского пани Алены на заявление п. Адама Войковича о наезде кгвалтом. б/д // Акты, издаваемые Комиссиею высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне: в 23 т. Т. 21: Акты Гродненского земского суда. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина. 1894. С. 158.
7. *Левицкий О. И.* Анна-Алоиза, княжна Острожская. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. 45 с.
8. Отложенье року на инший час в справе Яновое Викторовное Анны Илиничовны с кн. Романом Сангушкой о розные кривды имену ея Говеночам. 8 апреля 1558 г. // *Lietuvos Metrika (1555–1558) 37-oji Teismu bulu knyga.* Vilnius: Leidykla. 2010. 316 p.
9. *Пелипенко Т. И.* «Свободная женщина» Литовской Руси: к вопросу о социальном положении шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI веке // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 166–169.
10. *Пелипенко Т. И.* Положение шляхтянок в семье и обществе в Великом княжестве Литовском в XVI в.: дис. канд. ист. наук... (07.00.02.). СПб., 2019. 203 с.
11. Письмо вдовы воеводы Василия Тишковича Настасьи Андреевны зятю ея Александру Григорьевичу с жалобой на дурное отношение к ней его матери и просьбою заступиться за ее дочь перед свекровью, б/д // Архив Санкт-Петерб. Ин-та истории РАН.

12. *Сліж Н. У.* Гендэрная ідэнтыфікацыя шляхціча або што такое быць сапраўдным мужчынай у ВКЛ у XVI–XVII ст. // Кансрукцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф. Гродна, 23–25 крас. 2004 / пад. рэд. Н. У.Сліж. Мінск: Лімарыус, 2007. С. 135–142.
13. *Сліж Н. У.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI—XVII стст. Смаленск: Інбелкулт, 2015. 672 с.
14. *Старченко Н. П.* Публічність як домінанта культурної традиції: Волинь 2 половина XVI ст. // *Mediaevalia Ucrainica*. Ментальність та історія ідей. Київ: Akademia, 1998. Т. 5. С. 68–81.
15. *Старченко Н. П.* Честь як регулятор шляхетського повсякдення (Волинь останньої третини XVI — початку XVII ст.) // Український історичний журнал. Київ, 2012. №. 6. С. 25–39.
16. *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 301 с.
17. *Kuchowicz Z.* Wizerunki niepospolitych niewiast staropolskich XVI–XVIII wieku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1972. 460 s
18. *Sarceviciene J.* Idealusis moters modelis XVI a. II P. — XVII a. I P. Proginėje literaturoje Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštysteje. Vilnius: Versus aureus, 2000. 276 p.

Д. Л. Выслоужилова

г. Брно (Чехия)

Университет им. Масарика

И. А. Калугин

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ФИНСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ОТ РОССИИ В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XVIII ВЕКОВ

Цель данной статьи — проанализировать сведения о проявлениях политической зависимости трёх финно-угорских народов Поволжья от России: мордвы, мари и удмуртов. Продолжая современное направление исследования тенденций взаимоотношений центра и регионов, мы обратились к комплексу источников, который редко используется в данной теме, т. е. к запискам западноевропейских путешественников XVI–XVIII вв. При выявлении аспектов зависимости были выделены два основных момента: выплата дани и поставка финских воинов в русскую армию. Оба явления отмечались европейцами на протяжении нескольких веков, что позволило установить различия между восприятием путешественников XVI–XVII вв. и их последователями в XVIII в. Сказания иностранцев, несмотря на свою субъективную сущность, являются уникальным материалом для взгляда на события в России со стороны.

Ключевые слова: финно-угорские народы, сказания иностранцев, удмурты, мари, мордва, зависимость, дань, служилые люди.

Одним из первых сочинений, затрагивающих историю финно-угров Поволжья и Приуралья в сведениях европейских путешественников, является серия книг И. Н. Смирнова конца XIX века [27; 28; 29]. Со второй половины XX века появляются моно-

графии, изучающие уже отдельные финно-угорские народы глазами иностранцев. История мордвы отображена в трудах Н. Ф. Мокшина [21], В. А. Юрченкова [3; 35], В. А. Балашова [3]. Марийцы представляют научный интерес А. Г. Бахтина [4], С. К. Свечникова [26], Г. Н. Айплатова и И. Ф. Ялтаева [1]. Важным для удмуртской историографической традиции являются исследования М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина [10]. Особо следует выделить труды крупного специалиста в области этнологии А. Е. Загребина [15]. Данная статья является продолжением ряда исследований истории финно-угорских народов в записках иностранных путешественников XVI–XVIII вв. И. А. Калугина [16, 17]. Вместе с исследованиями, посвящёнными запискам иностранцев, в финно-угристикe развивается изучение вопроса политико-экономических взаимоотношений, в том числе проявлений зависимости этих народов от России. Анализ жизни служилого населения Поволжья является научной деятельностью Э. Л. Дубмана [13, 14], И. А. Натарова [14]. Мордовские князя и мурзы изучались в статье А. Н. Демидова [12], в работе которого приводится довольно пространная историографическая справка. Попытка предварительной оценки ясачного населения в его многообразии, в т. ч. поволжских народов, предпринята Г. Х. Самигуловым [25].

В науке к поволжским финнам принято относить мордву и марийцев. Однако, как верно подчеркнул М. Г. Атаманов, «если по языку и антропологическому типу удмуртам ближе всего коми, особенно коми-пермяки, то материальная и духовная культура близка с марийской» [2, с. 20]. Это же отражается в ряде записок иностранных путешественников XVI–XVIII вв., например С. Герберштейна [8], А. Гваньини [6], Эльзевира из Лейдена [34], Н. Витсена [5], Г. Ф. Миллера [20] и др., особенностью которых является смешанность сообщений об удмуртах, марийцах, мордве и перенос образа одного этноса на другой. Стоит сказать и про общую с давних времён «поволжскую» судьбу удмуртов, мордвы и марийцев. Отсюда становится более понятной необходимость изучения этого «тройственного союза» в совокупности. Это позволяет интерполировать ряд выводов, сделанных при изучении истории мордвы и марийцев, на удмуртов при наличии довольно скудной информативной базы.

Цель настоящего исследования — раскрыть, в чем выражалась зависимость финских народов Поволжья от России с точки зрения европейских путешественников XVI–XVIII вв.

В первую очередь нужно проанализировать военное проявление зависимости поволжских финнов. По сообщению П. Петрея, в XVI–XVII вв. мордовские князья, следуя вассальным обязательствам перед Москвой, выставляли свои воинские контингенты для участия в войнах: «у них свои собственные государи и князья, которые защищают их и правят ими <...>. Когда понадобятся великому князю и он позовёт их, они приходят поспешно, в числе стольких тысяч, сколько он захочет» [24, с. 30]. «Черемисская¹» знать аналогично поставляла русскому царю свои воинские формирования. Ж. Маржерет сообщал, что за свою службу поволжские финны получали ежегодное жалованье в размере от восьми до тридцати рублей [18, с. 149–150]. С. Герберштейн характеризует поволжских финнов как преимущественно пеших воинов, главным оружием которых был лук: «Почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытностью в стрельбе» [8, с. 214]. Казанский царь «может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых *черемисы* и чувашаи — весьма искусные стрелки» [8, с. 271]. Однако Ж. Маржерет [18, с. 149–150], Дж. Горсей [9, с. 281] в XVII в. и Дж. Перри [23, с. 282] в XVIII в. именуют поволжских финнов наездниками.

Как и С. Герберштейн, Ж. Маржерет обратил внимание на численность воинов у исследуемых народов. По его подсчётам общий контингент финской конницы составлял от двадцати семи до двадцати восьми тысяч [18, с. 149–150]. По всей видимости, эти воинские подразделения часто использовались для охраны границ Русского государства. С. Герберштейн [8, С. 134], Эльзевир из Лейдена [34, с. 57], А. Гваньини подчёркивают силу и храбрость служилой мордвы, которая успешно охраняла рубежи своей малой и большой Родины: «Это очень сильные люди, ибо зачастую храбро отражают даже набеги татар» [6, с. 57]. По сообщению

---

¹ Под черемисами в записках иностранцев наряду с марийцами часто выступали удмурты.

Н. Витсена, «*черемисы*» также являются непримиримыми врагами калмыков и крымских татар [5, с. 622].

Однако их деятельность не сводилась к пограничной службе. Поволжские финны участвовали в заграничных походах русской армии и воевали в Прибалтике [19, с. 180]. Дж. Горсей, затрагивая события Смуты в России, пишет, что государство было освобождено от поляков восстанием нескольких народов, среди которых были поволжские финны: «Собравшись в большое войско, они напали на поляков и поставили их в опасное положение: грабили, убивали и истребляли их, заставив поспешно бежать с тем, что они успели наgrabить и захватить. Так они очистили всю страну» [9, с. 138]. Стоит отметить, что в труде П. Петрея некоторые области Московии именуется княжествами [24, с. 178]. Среди них и мордовское княжество, что может свидетельствовать о силе мордовской национальной элиты и о её лояльности о которой пишет А. Олеарий: «Здесь (*г. Муром — Д. В., И. К.*) начало поселений мордовских татар, которые все покорны великому князю» [22, с. 355–356]. Однако московский великий князь остерегался «*черемисской*» воинственности и их возможного союза с кочевниками, потому служба «*черемисских*» мурз оплачивалась сверх установленного жалования. Дж. Флетчер описывает это так: «Последние (*т. е. «черемисские» татары — Д. В., И. К.*) очень много беспокоили русских царей, которые по этой причине остаются теперь довольными тем, что могут покупать у них мир, платя их мурзам или дивей-мурзам, т. е. начальникам их племён, ежегодную дань русскими произведениями, за что они со своей стороны обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах на некоторых известных условиях» [33, с. 111–112].

Однако в XVIII в, по сообщению. И. Г. Георги, мордовские, марийские, удмуртские ханы и дворянские семьи «...перевелись» [7, с. 26, 24, 48]. С этих пор, как утверждает Н. Витсен, поволжские финны «не принуждаются к участию в московитских военных походах» [5, с. 883]. Ч. Уитворт также подчёркивает, что за некоторыми исключениями они «никогда не поставляют рекрутов на войну» [31, с. 62]. Эти известия, по всей веро-

ятности, следует понимать, как то, что указанные народы перестали участвовать в войнах России под предводительством своей природной знати и в своих национальных формированиях, так как в XVIII в. в России происходят кардинальные перемены: централизация государства и унификация всей его системы. Иностранцы часто отмечают «вырождение» либо «выход из чести» национальной элиты поволжских финнов. Однако Г. Ф. Миллер в XVIII в. не просто упоминает об их участии в войнах на стороне России, а акцентирует внимание на том, что самые крепкие и физически развитые представители этих народов становились рекрутами, эти народы отдавали России своих лучших сыновей: «Из всех молодых людей сего народа в службу выбраны были самые лучшие, здоровые и способнейшие люди, а наипаче, когда я после того времени в Черемисских и Вотяцких деревнях ни одного не видал такого хорошего человека» [20, с. 97].

Европейские путешественники, будучи часто представителями торговых компаний, обращали внимание на «валюту», которая вывозилась из Поволжья в качестве дани. Её характер был во многом установлен природными условиями исследованных областей. Эти народы были «богаты драгоценными мехами» [34, с. 57] и «изобилуют мёдом, зверьями, рыбами и белками» [8, с. 162]. Именно дань мехом замечена в большинстве сведений иностранцев, таких как П. Петрей [24, с. 177], А. Гваньини [6, с. 17], С. Герберштейн [8, с. 134] и Н. Витсен [5, с. 297]. П. Петрей и Н. Витсен подробно описывают, что для этой цели использовались меха «рысьи, куньи, волчьи, беличьи и горностаевые» [24, с. 177], Н. Витсен дополняет ещё бобровую струю [5, с. 297]. Меховая дань была выплачивана согласно А. Гваньини [6, с. 17] и П. Петрею ежегодно [24, с. 177]. Рядом с пушниной Дж. Флетчер [33, с. 142], Г. Грунд [11, с. 114] и Н. Витсен [5, с. 297] выделяют у удмуртов и марийцев мёд, воск и другие продукты пчеловодства. Интересным считаем замечание П. Петрея, что объём отправляемых в Москву выплат зависело «от доброй воли» [24, с. 177] *черемисов*. Великий князь московский не хотел «притеснять» [24, с. 177] их слишком жестокой данью, чтобы *черемиса* не сговорилась против него с другими татарскими князьями. Со-

гласно П. Петрею, правители Московии понимали силу *черемисы*, которая могла выставить 20-тысячное войско, потому размер дани был номинальным [24, с. 177]. Похожую информацию приводит и Дж. Флетчер, по его сведениям *черемиса* больше остальных сопротивлялась власти русских царей, которые теперь «довольны, что могут покупать у них мир» [33, с. 111–112].

Сведения путешественников 18 века складываются в совсем иную картину. Дань русским царям в виде мехов и мёда из трудов иностранцев за редкими исключениями исчезает. Пушнина остаётся в сведениях Г. Ф. Миллера, где она выступает в торговых операциях: её меняют на «ножи, ножницы, мелкие фарфоровые куски, рульной табак и другие ремесленные товары» [20, с. 104]. Так же исключение находим в сочинениях И. Г. Георги [20, с. 7, 27, 96], которые выделяют некоторые черемисские деревни в Кунгурском уезде, где вместо подушных денег платят подати куницами. «Здоровый и бодрый человек даёт по две куницы, а немощные и старые только по одной. Ежели же им оных куниц натурою дать не можно, то берутся с них в казну по тамошней цене деньги, а именно по 40 копеек за каждую куницу» [20, с. 96]. Выплаты в меховом эквиваленте вспоминает кроме вышеприведённых источников лишь Ф. И. Страленберг: «Подати свои платят они лисицами, соболями и другими головами.» [30, с. 39]. Остальные изучаемые нами авторы подмечают, что налоги, собираемые из народов Поволжья не отличаются от тех, которые платят русские крестьяне [7, с. 21, 27, 32, 62, 96].

Итак, в XVI в. издревле обитавшие на Средней Волге финские народы оказались в зависимости от России. Она выражалась, прежде всего, в двух проявлениях. Первое — военное, когда присутствовала постоянная поставка финских воинов в русское войско. К примеру, для охраны границ или борьбы с неудобными Москве соседями, как это было в Ливонской войне. Финские полки даже способствовали сохранению государственного суверенитета России, что мы увидели в событиях Смуты. В XVI–XVII вв. поволжские финны под предводительством своей знати и в своих национальных подразделениях вели борьбу с врагами Москвы на всех фронтах. Однако в начале XVIII в. в России происходят кардинальные перемены. Произошедшая унификация, в

т. ч. и военная, изменила сложившуюся в XVI–XVII вв. систему. Это стало причиной исчезновения финских полков со страниц трудов иностранных путешественников. Однако Г. Ф. Миллер подчеркивал, что исследуемые народы не остались в стороне от рекрутских наборов и отправляли на войну самых крепких и физически развитых мужчин, тем самым отдавая России почти все свои народные силы.

Вторым важным проявлением является экономическая зависимость поволжских финнов. В трудах иностранных авторов XVI–XVII вв. содержится подробное описание ресурсной базы и экономического состояния Средней Волги. Путешественники характеризуют земли удмуртов, мордвы и марийцев, как изобилующие мёдом, дичью и мехами. Однако в XVIII в. в записках европейцев отмечен факт того, что «московский выход» стал осуществляться в виде денежных выплат. В конце XVII в. в Поволжье начался упадок бортничества. Из-за увеличения численности и плотности населения вырубались леса, застраивались и распахивались луга, что сказалось на сокращении объёмов производства воска и мёда, а также на снижении количества пушнины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айплатов Г. Н., Ялтаев И. Ф.* Марийцы в «Описании путешествия» Адама Олеария: историко-этнографические аспекты // Вестн. Чуваш. ун-та. 2014. № 3. С. 5–14.
2. *Атаманов М. Г.* Удмуртско-марийские этнические контакты на примере этнопонимов *одо* в Волго-Уральском регионе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. №. 4. С. 19–28.
3. *Балашов В. А., Юрченков В. А.* Зарубежная историография истории и культуры мордовского народа // Вестн. Мордовского ун-та. Саранск, 1993. № 1. С. 7–13.
4. *Бахтин А. Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-издат. комбинат, 1998. 192 с.
5. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария в трёх томах. Амстердам: Pegasus. 2010. 1806 с.
6. *Гваньини А.* Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет, 1997. 176 с.

7. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Ч. 1. СПб.: Имп. академия наук, 1799. 76 с.
8. *Герберштейн С.* Московия. М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. 703 с.
9. *Горсей Дж.* Записки о России XVI — начало XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
10. *Гришкина М. В., Владыкин В. Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при Совете министров УАССР, 1982. 176 с.
11. *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах. СПб.: Институт российской истории, 1992. 247 с.
12. *Демидов А. Н.* Служилая мордва в XVII–XVIII вв. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 34. С. 31–40.
13. *Дубман Э. Л.* Служилые люди Южного Средневожья в конце XVI — XVII вв. // Вестн. Самарского ун-та. 2013. № 8.2. С. 13–25.
14. *Дубман Э. Л., Натаров А. И.* Автохтонное служилое население Казанского края в Южном Средневожье в середине XVII — начале XVIII в.: миграции и расселение // Вестн. Самарского ун-та. Серия: История, педагогика, филология. 2017. № 23. С. 30–39.
15. *Загребин А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 324 с.
16. *Калугин И. А.* Образ марийцев в сочинениях западноевропейских авторов XVI–XVII вв. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых учёных, посвящ. 70-летию кафедры истории России Удмуртского гос. ун-та. Ижевск: ИКИ, 2017. С. 178–183.
17. *Калугин И. А.* Образ мордвы в записках иностранных путешественников XVIII века // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых учёных. Ижевск: ИКИ, 2019. С. 202–207.
18. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М.: Языки слав. культур, 2007. 552 с.
19. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэжгиз, 1937. 208 с.

20. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. академия наук, 1791. 99 с.
21. *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. 240 с.
22. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
23. *Перри Дж.* Записки капитана Перри о бытности его в России с 1698-го по 1713 год // Русский вестник. 1842. № 5–6. С. 264–312.
24. *Петрей П.* История о Великом Княжестве Московском. М.: Университет. тип., 1867. 355 с.
25. *Самигулов Г. Х.* Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен — практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 342–369.
26. *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.
27. *Смирнов И. Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. 1890. Т. 8, вып. 2. 308 с.
28. *Смирнов И. Н.* Мордва: Историко-этнографический Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 296 с.
29. *Смирнов И. Н.* Черемисы: Историко-этнографический // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. 1889. Т. 7. С. 2–212.
30. *Страленберг Ф. И.* Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1985. Т. 1. 444 с.
31. *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII в. М.: АН СССР. 1988. 110 с.
32. *Фальк И. П.* Записки путешественника академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России. СПб.: Имп. академия наук, 1824. Т. 6. 546 с.
33. *Флетчер Дж.* О государстве русском. М.: Захаров, 2002. 176 с.
34. *Эльзевир из Лейдена.* Описание России, изданное в 1630 году, в Голландии // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 54–64.
35. *Юрченков В. А.* Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1995. 285 с.

А. Л. Мусихин

г. Нижний Новгород (Россия)

РАСХОДНЫЕ ПАМЯТИ ЗЕМСКИМ ЦЕЛОВАЛЬНИКАМ — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ ПЕРИОДА СМУТЫ

В статье рассматривается письменный источник периода Смуты – расходные памяти вятским земским целовальникам 1613/14 г. В них содержатся уникальные известия об участии вятчан в освобождении Поморья от польско-литовской агрессии, против атамана Ивана Заруцкого в Астрахани, о денежных сборах с Вятской земли за лошадей и за хлеб ратным людям. Эти сведения позволяют расширить и скорректировать наши знания об этом периоде вятской истории.

Ключевые слова: Смутное время, земские люди, расходные памяти, Вятская земля, Поморье, Астрахань, польско-литовская агрессия, атаман Иван Заруцкий, лошадиный денежный сбор, хлебный денежный сбор

С момента учреждения государственного праздника День народного единства, отмечаемого 4 ноября в память об освобождении Москвы народным ополчением от польских интервентов в 1612 г., многократно усилилось внимание к истории России и отдельных её регионов периода Смуты. Поэтому необходимо расширение достаточно скудной источниковой базы исследований по истории Вятской земли периода Смуты [13].

В связи с этим к изучению данной темы должны привлекаться не только источники по социально-политической истории, но и источники социально-экономической направленности. Как показывает практика исследований, такие источники могут содержать фактические сведения о политических событиях в регионе, а их комплексный анализ позволяет делать конкретные выводы о социально-политической обстановке в регионе и в стране в целом [12]. Известна роль земского самоуправления в

преодоления Смуты. Поэтому важно рассмотреть хозяйственные документы, которые велись земскими органами власти в данный период.

Одними из таковых являются земские приходно-расходные книги. Среди вятских наиболее известна опубликованная А. С. Верещагиным расходная книга хлыновского земского старосты И.Репина 1678/79 г. [18]. В советское время была опубликована ещё одна вятская расходная книга этого же периода — книга земского целовальника Совьинской волости Слободского уезда 1674/75 г.¹ [17]. Известен также целый ряд приходно-расходных вятских земских (мирских) книг 1670-х — 1690-х гг., хранящихся в РГАДА [19, ф. 137, оп. 2, д. 86, 149, 151, 167, 170, 172, 174, 206, 217, 223, 286, 315, 334, 336].

На этом фоне почти незамеченным осталось использование фрагментов расходных памятей вятским земским старостам и целовальникам 1615–1617 гг. в работах И. Е. Забелина. Расходные памяти представляют собой отдельные подробные записи о различных расходах земских людей, которые, вероятно, позднее вносились в расходные книги. В одной из работ Забелин привёл сведения о посещении вятскими земскими людьми в Москве в 1616 и 1617 гг. князя Д. М. Пожарского, чтобы «челом ударить князю», для чего были сделаны подношения, расходы на которые и записаны в расходные памяти [10, с. 164–165]. В другой работе, описывая вотчинное хозяйство крупного боярина, Забелин также привёл несколько цитат из вятских земских расходных памятей 1615–1617 гг. о подношениях земских людей местным воеводам и дьякам [8, с. 15–16].

Сведения о посещении вятчанами князя Д. М. Пожарского были перепечатаны в местном издании [9] и использовались местными исследователями [15, с. 353–354]. Однако никто не задавался целью найти этот ценный источник, которым пользовался И. Е. Забелин. В работе «Большой боярин» он сделал некоторое указание на местонахождение использованных источников, которые были извлечены им «исключительно из столбцов и

---

¹ В заголовке статьи волость названа Совьевской, а уезд ошибочно именуется Вятским.

книг XVII-го ст., хранящихся в архиве Оружейной палаты и в Московском архиве министерства юстиции» [8, с. 5–6].

Оба эти архива в настоящее время находятся в составе РГАДА. Фонды бывшего МАМЮ очень обширны, и без дополнительных указаний пока не представляется возможным понять направление поиска в них подобных расходных памятей. Но фонд архива Оружейной палаты гораздо меньше размером и имеет хорошо организованные описи и указатели, позволяющие достаточно легко находить документы одного региона. В результате поисков в этом фонде документы, использованные Забелиным, не обнаружены, однако удалось найти одно дело, содержащее расходные памяти вятским земским целовальникам 7122 (1613/14) г.² [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922].

Дело представляет собой столбцы на отдельных разрозненных произвольно пронумерованных 41 листах. Края многих листов, особенно левый, раскрошились от плохих условий хранения, поэтому текст на них читается фрагментарно. После предположительного упорядочивания листов по принадлежности и хронологии становится понятно, что дело содержит фрагменты деловых архивов трёх вятских целовальников: неназванного земского целовальника Городского стана (Котельничский уезд) (3 листа), орловского станового земского целовальника Григория Вавиловича Назарьева (14 листов), чистянского (Слободской уезд) оброчного земского целовальника Якова Даниловича Чертищева (24 листа).

С избранием на престол в 1613 г. нового царя Михаила Романова смута в Российском государстве не закончилась. На Севере России продолжалась польско-литовская агрессия. В сентябре–ноябре 1613 г. польские, литовские, немецкие войска и русские воровские люди (около трёх тысяч человек) разоряли Вологодский, Белозёрский, Каргопольский уезды, по зимнему пути собирались «итти войною под Кирилов монастырь, изго-

---

² Выражаю глубокую благодарность А. А. Гагарину (Киров), С. В. Сироткину (Москва), И. С. Худякову (Кушва Свердловской обл.) за содействие в изучении этого дела.

ном, и в Каргополе, и на Белоозеро, и на Вагу». Чтобы противостоять им, Михаил Фёдорович издал указ о сборе по северным уездам ратных людей [6, с. 19–24 (№ 10)].

Об участии вятчан в военных действиях на Севере России до настоящего времени не было ничего известно. Расходные памяти позволяют несколько раскрыть этот вопрос. Вероятно, подобный царский указ о сборе ратников был направлен и на Вятку. 3 декабря 1613 г. упоминается о какой-то «московской грамоте, что привез с Москвы государеву грамоту Федот Выдрин» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 8]. Но возможно, Поморские уезды сами запросили помощь у Вятской земли, памятуя о том, что всего за несколько лет до этого такую же помощь у Севера просила сама Вятка. И тогда, в 1609 г., «шли люди ратные каргопольцы, устюжаны, вычегжаны, вымичи, сысоличи под Еранск и другие города Вятские от русских воров и литовских людей обороняти» [7, с. 269]. Отголоски помощи вятчан Поморью наблюдаются в двух записях чистянского целовальника Я. Д. Чертищева. Между 3 и 10 декабря 1613 г. в Хлынове он написал челобитную «на вологодцких ратных о отворотных денгах» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 8]. Вероятно, данную фразу следует понимать так, что за посланных на Вологду вятских ратников целовальник просил снизить/вернуть собранные ранее налоги. В расписке за взятые у этого же целовальника деньги слободской земский староста Гаврила Лаптев 11 декабря 1613 г. сообщал, что они потрачены «в отпуск сотнику ратных людей, которые посланы на Устюг против полских, литовских и немецких людей и против русских воров, наиму Захару Мокрого, сверх рядового наиму его от сотничества шесть рублей дватцат алтын, да диачку Ване Коро[б]еиникову рубль, на две подводы до Ношуля [ш]еснатцат алтын две денги» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 29]. Эта запись означает, что сотник Захар Степанович Мокрого (Мокрово), проживавший в Хлынове [5, с. 200; 18, ф. 1113, оп. 1, д. 4, л. 67об, 259об], нанял на Вятской земле людей на военную службу и отправил их с дьячком Иваном Коробейниковым в

Устюг через село Ношуль³ (традиционный путь с Вятки на Север России) на подводах. Таким образом, очевидно, что Вятская земля в этот период помогала Поморью в обороне от польско-литовской агрессии людскими ресурсами, и, очевидно, небезуспешно. Известно, что полностью Поморье было освобождено в 1618 г., но ещё в октябре 1617 г. в земской разводной росписи (раскладке налогов) всех вятских пяти городов имеется уникальное известие о покупке в Хлынове различных [19, ф. 396, оп. 1, д. 39421, л. 13а].

Для преодоления Смуты Российскому государству требовались не только людские ресурсы. В первые годы правления Михаила Романова в России сложилась очень тяжёлая финансовая обстановка. Чтобы хоть как-то выйти из такого положения, правительство вынуждено было вводить некоторые чрезвычайные налоги. Один из них, введённый в 1613 г., налог лошаадьми или эквивалентными деньгами, собиравшийся, вероятно, со всей страны [4, с. 12]. О сборе этого налога на Вятке также впервые узнаём из расходных памятей чистянскому целовальнику Якову Чертищеву. 27 декабря 1613 г. он записал, что на Вятке собирали «денги по государеве грамоте за кони». 1 января 1614 г. все оброчные целовальники ходили в Хлынове на поклон к дьяку Ивану Поздееву, чтобы он отсрочил сбор этого налога. Однако сбор «лошадиного» налога продолжался, и 10 января Чертищев сообщил, что деньги с оброчного Чистянского стана собраны. Он привёз их в Хлынов, но половину суммы («23 рубля с полтиною») положил в казну Хлыновского Никольского собора. А в конце февраля эти деньги забрали из собора «ис казны и принесли к себе в Слободцкой и по вытям розделили», то есть вернули назад налогоплательщикам. Размер этого налога на Вятке был такой же, как в Белозерье [2, с. 85 (№ 43)], «с сохи по десяти рублев» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 11–14].

Гораздо более крупным и тяжёлым стал другой налог, введённый правительством Михаила Фёдоровича в декабре–январе

---

³ В документальных источниках это первое упоминание села Ношуль. Несколько ранее, 19 марта 1613 г., это село упоминается в «Повести о явлении чудотворного образа Великоорецкого» [16, с. 260].

7122 г. — сбор хлебных запасов или денег за них ратным людям на жалованье. С Поморских уездов налог собирался деньгами из-за трудностей доставки оттуда хлеба [4, с. 18–19]. Расходные памяти впервые сообщают о введении этого налога на Вятской земле. Царский указ о сборе налога пришёл на Вятку, вероятно, в середине марта 1614 г. Целовальник из Котельничского уезда записал, что «месяца марта в 23 день ездил я, целовальник, в Хлынов старостою земьским и с мирскими людьми о мирском совете о шьстинатцати тысячах» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 15]. Как и с Поморских уездов, с Вятки налог взимался деньгами, и в первый год составил непомерную сумму в 16 тысяч рублей. Вероятно, мирской совет всей Вятской земли решил собирать его частями, сначала одну тысячу рублей, затем две тысячи. О дальнейших сборах расходные памяти не сообщают, но можно предположить, что вряд ли он был собран полностью. Так, например, с чердынцев этот налог собрать не удалось даже и в 7123 г., они дали отпор сборщикам налога. Всего с городов Новгородской чети, к которой относилась Вятка, к 7123 г. недоимка от оклада предыдущего года составила более 70687 рублей [4, с. 21–23]. Первая тысяча рублей была собрана уже к 18 апреля [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 22]. Следующие две тысячи собирались гораздо дольше. 27 июня слободской староста Г. Лаптев дал подробную расписку целовальнику Я. Чертищеву за взятые у него деньги: «...по государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамот[е] велено на Вятке собрать с посадов и с уездов со всех [тяг]лых, и с оброчных, и со лготных, и с церковных [зе]мель, и с карынских тотар за хлебные за[пасы] ратным людям, которые стоят в город[ех против] полских и литовских людей шестнацать ты[сеч руб]лев. И в то число собрав платили вятцк[ие] старосты земские и целовальники с Вятцких со всех две тысени рублей» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 32]. Необходимо отметить, что уже в следующем году сумма налога была сильно уменьшена, и, например, в 7126 (1617/18) гг. со всей Вятской земли этот же хлебный налог составил чуть более 3630 рублей [19, ф. 396, оп. 1, д. 39421, л. 29].

В 1613–1614 гг. на юге страны, в Астрахани, находились антиправительственные силы казацкого атамана И. М. Заруцкого. Об участии вятчан в походе против Заруцкого известно несколько больше. В вятской дозорной книге 1615 г. упоминаются пустые дворы, каждый хозяин которых «умер в Астрохани на государеве службе во 123-м (или 122-м) году» [5, с. 220, 224, 262; 19, ф. 1209, оп. 1, д. 1030, л. 131об]. Широко известна память от 2 апреля 1614 г. казанцу Сергею Москотиньеву, который должен был собрать на Вятке 300 человек ратных людей. В этой же памяти сообщается, что на Вятку был послан казанец Дмитрий Голохвастов для постройки 100 стругов «для государевы плавные службы». Все эти люди и струги надо было срочно отправить в Казань для формирования войск воевод князя И. Н. Одоевского и окольного С. В. Головина, выступавших в Астрахань против Заруцкого [20, стб. 334–335 (№ 107)].

Недавно появившиеся на официальном сайте Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН описи дел Астраханской приказной палаты [21] перечисляют несколько документов⁴, краткое описание которых в совокупности с расходными памятьми вятским целовальникам позволяет широко и наиболее точно осветить эти события. В указанной выше памяти Сергею Москотиньеву упоминается отписка, посланная воеводой И. Н. Одоевским вятскому дьяку И. Ф. Поздееву и городовому приказчику Ф. А. Рязанцеву с указанием, сколько, каких и с каким вооружением набирать ратников. Таких отписок сохранилось даже две, разных редакций, от 29 марта, где первоначально требуют 500 человек, и апрельская, где количество уменьшено до 300 ратников [14, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 14, 110]. О найме ратников «на государеву плавную службу» упоминается только в расходных памятях целовальнику Г. Назарьеву. К сожалению, этот лист сохранился не в полном объеме, но можно понять, что в записи идёт речь о найме на военную службу 16 человек, почти все имена которых читаются [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 2]. Посланный для найма ратных людей

---

⁴ Необходимо их подробное изучение и публикация.

С. Москотиньев в расходных памятях не упоминается, но сохранилась его отписка из Хлынова князю И. Н. Одоевскому, доставленная 6 мая 1614 г. В ней Москотиньев сообщал о затруднениях по доставке 300 ратников на стругах из Вятки из-за неблагоприятных погодных условий [14, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 135]. А уже 17 мая 1614 г. по указу царя Михаила Фёдоровича сам он был отправлен в Ногайскую орду к князю Иштереку с грамотой от воевод И. Н. Одоевского и С. В. Головина [3, с. 432 (№ 266)].

23 марта, в тот же день, когда мирской совет собирался обсуждать выплату хлебного сбора, впервые решали и вопрос «о стругах, что делать для государевы плавной службы». Уже с 30 марта в расходных памятях отмечается закупка различных материалов для строительства судов: металлические скобы, струговой лес и тёс, лыковые канаты, верёвки, лыко для конопачения судов, дрова для изготовления деревянных гвоздей, смола. Тогда же начали нанимать плотников «на судовую поделку» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 5, 10–10об, 15, 17, 19–21, 39]. Н. И. Костомаров сообщал без ссылки на источники, что «в Вятке... не могли найти стругов», поэтому «уже в мае» посылали «нарочных насчет неисправных городов» [11, с. 313 (примеч.)]. Однако в памяти С. Москотиньеву чётко указано, что на Вятке должны были «сделати сто стругов», а не найти их, что и было предпринято, о чём ясно свидетельствуют расходные памяти. Там также указывалось, что Москотиньеву надлежит ехать с ратными людьми в Казань «тотчас со льдом» [20, стб. 334–335 (№ 107)]. Задержка произошла не из-за стругов, а из-за погодных условий, о чём сообщал сам Москотиньев. Дмитрий Голохвастов указал более конкретную причину — струги и люди из северных Слободского и Шестаковского уездов не могли выйти, так как «Вятка стояла, а прошла Вятка апреля в 22 день» [14, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 77]. Уже 23 апреля «струги з берегу спихивали» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 19], а в Казань 90 стругов с 300 ратниками отправились, судя по отписке подьячего Михаила Ордынцева, 25 апреля. В ней же он сообщал о постройке «достальных» 100 стругов. Полностью суда, скорее всего, были готовы к концу мая, но денежные расчёты за их постройку производились ещё в июле–августе. Так, 30 июля плотник Фёдор Артемьевич Катаев, который «был

у судово-во дела с ся весны», когда «государевы суды делали на Вятке в плавную» службу, получил за это деньги от чистянского целовальника Я. Чертищева. А 8 августа орловский целовальник Г. Назарьев рассчитывался с другим становым целовальником Дмитрием Мосеевым «в государевых судах и в судовой [п]оделке» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 33, 35]. Посланный за судами из Казани Дмитрий Голохвастов трижды упоминается в памятях целовальнику Я. Чертищеву 4, 10 и 11 апреля, когда последний ходил в Хлынове к Голохвастову «челом ударить», и ещё один раз 29 августа, когда целовальники рассчитывались с кабацкими старостами за вино, взятое у них «на боярской приезд» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 17, 19, 41].

В расходных памятях в одно время с Дмитрием Голохвастовым, и даже чаще него, упоминается другой казанский дворянин Григорий Григорьевич Колединский. Впервые на Вятке он упоминается 10 апреля, в последний раз — 17 мая. Понятно, что его задачи были отличны от строительства судов, Колединский упоминается отдельно от Голохвастова, за исключением записи о расходе на вино. 1 мая в расписке Я. Чертищеву сообщаются расходы на отъезд Колединского, который был «на Вятке для государева дела» вместе с яранскими стрельцами. Для них было куплено четыре судна, нанято 18 гребцов и рулевых до Устюга. Сообщается также, что Колединский должен был везти «государеву казну» (очевидно, собранные налоги) и «колодников» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 10об, 19, 20, 22, 30, 41]. Вероятно, путь лежал в Москву, а такой маршрут был избран по причине опасности передвижения в низовьях Камы и на Волге.

Кроме текущих в расходной памяти от 2 марта 1614 г. целовальнику Я. Чертищеву упоминается одно из значительных событий Смутного времени, происходившее на Вятской земле в ноябре 1609 г. Тогда из Яранска на Вятскую землю пришли волжские казаки, стрельцы из казанских уездов, луговые черемисы и русские воры, и захватили Котельнич. Вятский воевода князь М. Ф. Ухтомский, «с Вятки собрав ратных людей и для береженья, чтобы те воры в иные города не прошли, пришел в Орлов, а в Орлове сжидаюсь со всеми ратными людьми; а как, господине, даст Бог с ратными людьми сождався, и на тех воров

пойду тотчас под Котелничь и учну над воры промышлять, сколко милосердный Бог помочи подаст» [1, с. 258–259 (№ 143)]. Позднее мятежники ушли обратно в Яранск. Фрагмент этого события и отразился в расходной памяти. Чертищев записал, что оброчные крестьяне, за которых он давал поручительство, подали ему челобитную о выплате вознаграждения «для орловския службы, что с Ухтомским со князем Михаилом в Орлове стояли» [19, ф. 396, оп. 1, д. 37922, л. 14]. Это первое независимое от приказных отписок свидетельство данного события. Ценность этой памяти также состоит в том, что в ней называются конкретные имена семерых рядовых участников события.

Таким образом, расходные памяти вятским земским целовальникам являются важным источником по социально-политической истории Вятской земли периода Смуты, предоставляя во многом уникальную информацию. Это позволяет расширить и скорректировать наши знания об этом периоде вятской истории. Данный документальный источник нуждается в комплексном изучении и публикации полного текста, так как кроме рассмотренной информации содержит некоторые уникальные данные о социально-экономической и повседневной истории края указанного периода. Эти расходные памяти предоставляют сведения о системе управления на Вятке, подтверждают наше наблюдение о существовании оброчных станов до проведения дозора 1615 г. [12, с. 323–324], и многое другое. Необходимо продолжить поиски использованных И. Е. Забелиным расходных земских памятей, нахождение которых позволит сделать наиболее точные и обоснованные выводы о месте этого вида источников в изучении истории, как Вятского края, так и всего Российского государства, и предоставит многие конкретные факты местной вятской истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. академии наук. Т. 2: 1598–1613. СПб.: Археогр. эксп. академии наук, 1836. 392+3+15 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. академии наук. Т. 3: 1613–1645. СПб.: Археогр. эксп. академии наук, 1836. 496+21 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. . Т. 3. 1613–1645. СПб.: Археогр. комис. академии наук, 1841 3+501+3+16+2 с.
4. *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М.: Имп. ОИДР, 1908. 234 с.
5. Дозорная книга посадов и тяглых деревень вятских городов и уездов... 1615 г. (последние фрагменты) [г. Хлынов, Слободской уезд, г. Шестаков с уездом] / публ. *В. А. Любимова*; науч. ред. *А. Л. Мусихин // Любимов В. А.* Старая Вятка. Поминая кварталы / Имена, даты, судьбы... / ред. *И. А. Любимова*. Вятка: Б. и., 2020. С. 193–282.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Археогр. комис. академии наук, 1846. Т. 2. 2+279+7+7+2 с.
7. *Доронин П. Г.* Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
8. *Забелин И. Е.* Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве (XVII век) // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. СПб., 1871. Т. 1. С. 5–514.
9. *Забелин И. Е.* Вятчане и князь Д. М. Пожарский // Тр. ВУАК. Вятка, 1912. Вып. 3. Отд. 3. С. 81.
10. *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1883. 325 с.
11. *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. 3. Московское разоренье // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии, исследования. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1868. Т. 6. 344 с.
12. *Мусихин А. Л.* Вятская оброчная книга – источник по истории Вятской земли периода Смуты // *Мусихин А. Л.* Вятка: символы и смыслы: в 2 т. Н. Новгород: Кварц, 2019. Т. 1. С. 320–330.
13. *Мусихин А. Л.* Смутное время на Вятке: историографич. обзор // *Мусихин А. Л.* Вятка: символы и смыслы: в 2 т. Н. Новгород: Кварц, 2019. Т. 1. С. 147–154.
14. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН).

15. Низов В. В. Население Вятского края в борьбе с польско-литовской агрессией в 1613–1634 годах // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров: КОНБ им. А. И. Герцена, 1996. Т. 2. С. 347–354.
16. Повесть о Великорецкой иконе святителя Николая и чудеса за 1551–1647 гг. / публ. прот. А. Г. Балыбердина // Обретение святых — 2014: сб. материалов VI Межрегион. церк.-науч. конф.: (г. Киров [Вятка], 18–19 окт. 2014 г.) / отв. ред. прот. А. Г. Балыбердин. Киров: Лобань, 2015. С. 244–280.
17. Преображенский А. А. Расходная книга земского целовальника Со-вьевской волости Вятского уезда 1674–1675 гг. // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 407–424.
18. Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина, 1678–1680 гг. / публ. и предисл. А. С. Верещагина // Тр. ВУАК. Вятка, 1905. Вып. 5–6. Отд. 2. С. I–XVIII, 1–105.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
20. Русская историческая библиотека. СПб.: Археогр. комис. академии наук, 1875. Т. 2. 10+2+20 с. + 1228 стб.
21. Фонд 178. Астраханская приказная палата (Документы о 1590–1628 гг. №№ 1–1000). Оп. 1, ч. 1 // URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2020/11/ф.-178.-оп.-1.-ч.-1.pdf>

И. Ф. Сергеевкова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИСТОРИЯ СТРАНЫ — ИСТОРИЯ ЗАВОДА: ВОТКИНСКИЙ ЗАВОД (1759–1950-е ГОДЫ)

Статья посвящена вкладу Воткинского завода в развитие промышленной и оборонной мощи России в период с конца XVIII до середины XX в. Системно прослеживаются основные этапы развития завода от казённого железоделательного до ультрасовременного многопрофильного, универсального предприятия. Содержащиеся в работе сведения могут быть использованы для углубленного изучения истории России и Удмуртии, способствовать патриотическому воспитанию молодёжи.

Ключевые слова: производство, кораблестроение, паровозостроение, станкостроение, артиллеристские орудия, производство товаров народного потребления.

Воткинский завод уже более 260 лет верой и правдой служит Отечеству. Сейчас Воткинский завод — ведущее предприятие страны в области ракетостроения и машиностроения.

Актуальность изучения истории завода связана с потребностью в поддержании культурной памяти поколений, т. к. история завода — это история города, история страны, история людей, работавших на предприятии. В истории завода отразились все поворотные моменты жизни нашей страны с XVIII по XXI в.

История завода получила отражение лишь в ряде публикаций местных краеведов И. А. Добровольского, В. Н. Ступишина и в книгах-альбомах, изданных по случаю юбилеев завода.

История завода началась в мае 1754 г., когда императрица Елизавета Петровна отдала «надёжной персоне» — генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-компанияи подпоручику и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову Гороблагодатские заводы. При условии — в течение 10 лет вернуть казне

стоимость этих заводов и в течение 5 лет удвоить производство железа [3, с. 14]. В 1757 г. Шувалов основал Серебрянский завод, а в 1758 г. премьер-майор Алексей Степанович Москвин с сотней Гороблагодатских мастеровых прибыл на р. Вотку. Место для строительства завода было выбрано удачное: в густых лесах, на некогда пустынном холмистом месте, на слиянии речек Вотки, Шарканки и Березовки. Рядом протекала полноводная Кама, по которой можно было доставлять чугун и вывозить железо и сталь.

Начать строительство завода пришлось с возведения самой большой на Урале земляной плотины длиной 685 м, полной высотой 10 м и шириной по гребню 43,7 м. В теле плотины были устроены шлюзы и вешняки для спуска избыточной воды. Запирали воду деревянные щиты, поднимавшиеся и опускавшиеся вручную. По деревянному ларю (желобу) вода стекала к водяным колесам. В книге «Очерки истории техники России с древнейших времен до 60-х годов XIX века» Воткинская плотина названа типичной для второй половины XVIII в. и отвечающей всем требованиям плотиностроительной техники [10].

Фабрики строились ниже плотины по обе стороны главного ларя на расстоянии 7 м друг от друга и вдоль каждой стены, обращённой к ларю, устанавливались водяные колёса, приводящие в движение заводские механизмы. Строился завод, в основном, силами приписных крестьян, на которых возлагались подсобные работы: они рубили лес, выжигали древесный уголь, заготавливали строительные материалы, выполняли все транспортные работы.

Для успешной работы первых 12 молотов Воткинского завода требовались 1440 годных приписных крестьян.

На самом заводе для выполнения технических работ и содержания в исправности фабричных устройств имелся особый класс мастеровых и рабочих. Они всецело принадлежали заводу и получали за свою работу жалование. Кроме того, «заводские люди» и обыватели пользовались определёнными в «Уставной грамоте Воткинского завода» льготами, довольно широкими по тем временам.

Мастеровые обязаны были отработать на заводе 35 лет, после чего увольнялись в отставку с назначением пенсии, что для России было большой редкостью. Заводоуправление обязано было заботиться и об устройстве, и пропитании семейств мастеровых. Кроме заработной платы, вплоть до отмены крепостного права, на заводе каждый работник получал бесплатно по одному пуду муки на ребёнка (мальчика до 15 лет, девочку до 18 лет), и по два пуда на жену и самого работника в месяц.

Из «Уставной грамоты Воткинского завода»: «...382 десятины 856 сажен (350,06 *га*) усадебной земли в том виде, как оно занято постройками, остаётся заводским людям в собственность безвозмездно. Из покосной земли 4072 десятины 2111 сажен (3733,16 *га*) состоящей в пользовании мастеровых и прочих нижних чинов, назначается уволенным в отставку... 532-м человекам в пожизненное и бесплатное пользование по одной десятине. Остальное количество покосов отдаётся в постоянное пользование нижним чинам и мастеровым, уволенным от обязательной заводом службы... в числе 6741 души. Из этого количества причитается им на каждую душу по 1260 сажен (0,525 *га*) [3, с. 14].

Строительство завода, а также заводской конторы, дома управителя, домов мастеровых и работных людей с усадьбами и огородами велось по утвержденному в заводе «Установленному порядку» и единому плану. «Установленный порядок» распространялся и за пределы завода на самую большую на Урале лесосеку и установленную водоохранную зону.

4 октября (21 сентября по старому стилю) 1759 г. в действие пущено два первых кричных молота. Так прошло рождение 62-го по счёту из Гороблагодатских заводов — Воткинского.

Плавка Гороблагодатского чугуна велась в кричных горнах на древесном угле. Чугун плавился и по каплям стекал на дно горна. При продувке воздухом кислород выжигал содержащийся в чугуне углерод и другие примеси. На дне горна скапливался мягкий ковкий металл — крица. Этот полуфабрикат — «уклад» били молотами, чтобы спрессовать металл и «выжать» из него шлак, потом рубили на куски. В зависимости от содержания углерода можно было получить мягкое железо или сталь.

На молотовых фабриках уклад снова нагревали и молотами придавали нужную форму и размер. У каждой заготовки проверяли также и прочность. За год титаническим трудом около 100 мастеровых и 1,5 тыс. приписных крестьян под руководством Москвина Воткинский завод с плотиной, красавцем-прудом длиной 18 км и маленьким заводским посёлком на его берегу был построен.

Завод при открытии был освящен в честь Дмитрия Ростовского, канонизированного незадолго до основания Воткинска. В 1760 г. в Воткинском заводе была освящена деревянная церковь во имя святителя. Сегодня на этом месте стоит Благовещенский собор, где был крещён в младенчестве Пётр Чайковский.

До революции Димитров день 21 сентября (4 октября по новому стилю) был на заводе праздничным. Символично, что через 260 лет главный праздник заводчан — День машиностроителя (последнее воскресенье сентября) — практически совпадает с днём рождения завода.

За первый год Воткинский завод изготовил 76617 пудов железа, которое обошлось ему в 30 коп. за пуд, а продавалось по 64 коп. Таким образом, Шувалов получил с завода 23000 чистой прибыли, потратив на постройку его 23725 руб.

Однако после смерти Шувалова его общий долг государственной казне составил 680420 руб. По указу Екатерины II от 25 ноября 1763 г. все Шуваловские заводы были взяты за долги в казну. С тех пор Воткинский завод стал казённым предприятием.

Фактическим строителем и безраздельным «хозяином» Воткинского завода оставался Алексей Степанович Москвин. Он не ограничился изготовлением кричного железа, уклада и стали, а почти сразу поставил на заводе производство листового железа. В 1765 г. на заводе была построена первая на Урале лудильная фабрика. Листовое железо тогда не прокатывалось, а в пакетах разбивалось плоскими молотами до требуемой длины, ширины и толщины. Листы затем чистили и покрывали полудой.

В 1765 г. воткинские мастера выполнили первый «государственный заказ» по изготовлению 13000 квадратных аршин бе-

лого листового железа для царскосельских дворцов. Такая технология производства листового железа на заводе сохранялась вплоть до 1810 г., когда талантливый механик-самоучка Лев Фёдорович Сабакин спроектировал и построил первый на Урале листопрокатный стан с чугунными валками, резко подняв объёмы производства. Необходимо отметить, что более 60 % железа, изготовленного на Воткинском заводе, шло за границу.

Позднее на заводе были изготовлены балки для потолочных перекрытий Зимнего дворца в Петербурге.

По мере развития российского военно-морского флота возросла потребность в якорях. Императрица Екатерина II подписала Указ, повелевающий «...якоря, сортовое, модельное и половое железо для всех казённых мест делать изволить на Камских заводах, под присмотром опытных офицеров из тех мест, откуда будут сделаны заказы...» [4, с. 26].

Якорная фабрика на Воткинском заводе была построена в 1782 г. С началом русско-турецкой войны за Крым, завод получил «спешный» заказ на изготовление якорей и других изделий для Черноморского и Балтийского флотов. Заказ был настолько важным, чтоковка якорей продолжалась и в праздничные дни, а вознаграждение рабочим исчислялось по особому тарифу, утверждённому высочайшим указом.

В 1798 г. открылась новая якорная фабрика. В XIX в. якоря ковали на 24-х заводах Урала, но 62 % якорей приходилось на долю Воткинского завода. Ими снабжали самые большие линейные корабли отечественного флота. Адмирал Павел Степанович Нахимов, в октябре 1847 г. испытавший якоря Воткинского завода, рапортовал командующему Черноморским флотом: «...якоря оказались совершенно соответствующими своему назначению... они держат надёжно в крепкий ветер и волнение» [4, с. 31]. Не случайно в 1850–1860 гг. завод был единственным поставщиком якорей военно-морскому флоту.

Ковались якоря артелью, состоящей из мастера, подмастерья, 2–5 работников и одного подростка «на посылках». На якорь в 20 пудов у артели уходило до 20 суток, на 280 пудовый (около 4,5 т) — до 200 суток. Всего же за 108 лет здесь изготовлено

более 18 тыс. якорей, в среднем по 188 якорей общим весом от 175 до 240 *т* в год.

Золотой «якорный век» навсегда вошёл в историю края. Это был подвиг, достойный памяти потомков. В 2006 г. был утверждён герб города Воткинска, в центре которого расположен серебряный якорь с золотым лавровым венком. В описании символики герба сказано: «Изображение якоря... служит указанием на их производство, составившее славу города в прошлом».

Первый памятник, отразивший заводское производство, был установлен на территории завода 16 июня 1840 г. Это был 167-пудовый якорь, который «удостоил ковать» Великий князь Александр Николаевич Романов, будущий царь-освободитель Александр II, при посещении Уральских заводов. Через несколько лет памятник перенесли к «иордани» — огороженному месту у начала плотины. В 1932 г. памятник — якорь с ярко выраженным монархическим содержанием пошёл на переплавку.

В 1959 г. к 200-летию юбилею Воткинского завода, историческая справедливость восторжествовала: в память о легендарном «царском якорю» в начале плотины установлен отлитый на заводе якорь весом более 2 *т*.

С 1913 г. в Сочи у здания Пушкинской библиотеки стоит фрагмент 5-тонного якоря с затонувшего русского корвета на веретене которого выбито: «Делан при Воткинском заводе 1787 года месяца июля 23 дня». В Приморском парке Сочи стоит ещё один воткинский якорь — конструкции «единорог». Его «двойник» украшает сегодня территорию завода. В Морском музее Клайпеды нашёл пристанище 136-пудовый якорь, выкованный на Воткинском заводе 1803 г.

Годы войны с Наполеоном стали настоящей проверкой прочности Российской державы. Весь уральский промышленный потенциал был положен на алтарь спасения Отечества. Воткинский завод в 1812–1814 гг. отправил русской армии 237621 пуд артиллерийских снарядов. Уровень производства здесь был признан эталонным и Воткинский завод стал центром проверки и отправки снарядов с других Уральских заводов.

В основе сложившегося характера Воткинского завода лежало стремление делать своё дело как можно лучше, доводить

мастерство до совершенства, заложенное ещё при строительстве Алексеем Степановичем Москвиным. Стержневые качества завода укреплял начальник Уральских заводов Андрей Фёдорович Дерябин, пригласив в Воткинск крестьянина-самоучку Семёна Ивановича Бадаева, который создал способ производства «бадаевской» стали, прославившей Российскую державу [1].

Этот характер поддерживали управляющие заводом Николаи Родионович Мамышев и Андрей Иванович Соколов, поощряя изыскания заводского инженера Петра Григорьевича Соболевского, положившего начало порошковой металлургии. Уроженец Воткинска Василий Александрович Семенников на родном заводе начал работы по переделу штейнов (продукта плавки сернистых медных руд) в червонную медь.

«Имея в виду одну лишь пользу», Владимир Ефимович Холостов строил на заводе вторую в России и первую на Урале мартеновскую печь, а Николай Гаврилович Славянов работал здесь над изобретением дуговой электросварки. Уроженец Воткинска Павел Матвеевич Обухов — изобретатель массового производства тигельной стали, пушки из которой не уступали крупновским.

Павел Петрович Аносов первым в России получил булатную сталь.

При горном начальнике Илье Петровиче Чайковском в Воткинске создаётся пудлингово-сварочное производство намного раньше, чем на других Уральских заводах. Завод производил до 450000 пудов железа и изделий из него: от часовых пружин и пробойных гвоздей до корабельных листов и 300-пудовых якорей.

Именно Илье Петровичу Чайковскому принадлежат слова, ставшие девизом воткинских мастеров: «...для исполнения одного нет ничего невозможного» [4, с. 40]. Эти слова стали напутствием для всех поколений Воткинска, которым в наследство передавался заводской характер.

По настоящему «век воды и пара» пришёл в Россию с воцарением Александра II. Новому самодержцу пришлось начать широкие преобразования. С конца 1850-х гг. в России набирает

обороты промышленный бум, а вместе с ним происходит стремительный рост пароходо- и паровозостроения, самым активным участником которого становится Воткинский завод.

В ноябре 1844 г. Главный начальник уральских заводов Владимир Андреевич Глинка сообщил горному начальнику Воткинского завода Илье Петровичу Чайковскому о повелении Государя «сделать соображение» о возможности строить на заводе железные пароходы. На это последовал решительный ответ И. П. Чайковского «...для исполнения оно нечего невозможного».

Решительность Ильи Петровича основывалась на точном расчёте, чёткой организации производства и уверенности в заводе и людях, которые на нём трудились. Для того, чтобы как можно лучше выполнить первый заказ — построить 80-сильный пароход, он отдал приказ завершить опыты по производству корабельного листа, составить смету и построить на заводе судовой верфь. Судовой верфь было решено построить с запасом — в расчёте на постройку 200-сильных пароходов. Просчитал И. П. Чайковский и нужное количество мастеров: необходимо 50 хороших кузнецов и 25 лучших слесарей. Проблема была со специалистами — их просто не было. Было решено пригласить англичан: корабельного строителя Карра, механика Джексона и двух мастеров по котельному и модельному делу [9, с. 141–146]. Воткинские инженеры и мастеровые быстро освоили премудрости пароходостроения, уже в 1853 г. надобность в заграничных специалистах отпала.

6 сентября 1847 г. на Воткинской верфи был торжественно заложен первый в России железный пароход. Он носил имя персидского города «Астрабад» и предназначался для плавания по Каспию. Весной 1848 г. «Астрабад» уже покачивался на Камской волне и ожидал окончательной достройки и ходовых испытаний. В 1866 г. для той же Каспийской флотилии были построены две канонерские лодки.

Горные начальники Василий Ипатович Романов и Александр Андреевич Иосса верно оценили, что завод вполне в состоянии не только клепать корпуса, заниматься изготовлением деревянных надстроек и отделкой салонов, но и оснащать суда

паровыми машинами собственного производства. Они предугадали будущий рост спроса на паровые машины и подготовились к нему: расширили листопркатное производство, увеличили количество паровых молотов, создали механическую мастерскую с 10 токарными станками, обзавелись первой паровой машиной и водяной турбиной.

Всего за первые 40 лет Воткинский завод построил около 100 речных и морских паровых судов. Всё зависело от государственных и частных заказчиков. Заказы не повторялись. В один сезон на «водяном дворе» и в эллинге рядом могли клепать пассажирский и буксирный пароходы, в другой — морскую шхуну, баркас, баржу, плашкоут или шаланду: руководство завода создало особое техническое бюро, где разрабатывались чертежи и спецификации для строящихся судов [5].

Подъём промышленного производства и рост внутреннего товарооборота в России Воткинский завод встретил во всеоружии. С конца 1880-х гг. он строил ежегодно 8–10, а в 1913–1918 гг. по 16–17 судов, увеличив производство железа в полтора, а стали — в три раза. В конце заводской территории р. Вотка была перекрыта перемычкой со шлюзом для прохода судов. Весной в половодье шлюз закрывался, и стапеля наполнялись водой. Построенные суда всплывали и через шлюз их выводили в Вотку, далее — в Сиву до Камы. В Усть-Речке, и позднее, в Галево пароходы по необходимости достраивались и испытывались [6, с. 27–39].

Завод открыл свои сборочные верфи в Тюмени, Феодосии и Архангельске, на р. Шилке в бассейне Амура и др. Туда по частям доставляли заказанные суда, а заводские мастерские проводили их окончательную сборку. Всего за 80 лет на Воткинском заводе построено более 400 судов 47 типов (пассажирские, нефтеналивные морские шхуны, буксирные и др.). Воткинские суда составили 90 % Камского флота. Пассажирские пароходы последней серии «Азия» по своему техническому совершенству и комфортабельности были последним словом речного пассажирского судостроения, опередили своё время и успешно эксплуатировались до середины 1960-х гг., пока их не заменили теплоходы.

Большие заказы Воткинский казённый завод получал на суда технического флота — землечерпательные снаряды и плавающие портовые краны грузоподъёмностью до 50 т. До 1917 г. было построено 18 земснарядов с часовой производительностью до 200 кубометров. Производство велось по чертежам воткинских конструкторов.

В начале XX в. в России было три основных завода по речному судостроению: Сормовский, Коломенский и Воткинский. Перспективы судостроения были очень заманчивыми, однако события 1917 г. и гражданская война поставили точку в славной истории воткинского судостроения.

Колокольня Петропавловского собора Петропавловской крепости в Петербурге, взлетая остроконечным позолоченным шпилем на 122-метровую высоту, олицетворяет победу России в борьбе за выход к Балтийскому морю и рождение второй столицы Российской империи. В 1857 г. правительство поручило найти мастеров для изготовления нового каркаса шпиля взамен сгоревшего от удара молнии. После всестороннего анализа технических возможностей Александру II доложили, что каркас шпиля можно сделать в Англии либо... на Воткинском заводе. «Изготовить немедленно на Воткинском заводе» повелел Александр II, помнивший свои впечатления от участия в ковке воткинского якоря.

В конце 1857 г. в Воткинск прибыл автор проекта металлического шпиля — учёный и инженер Дмитрий Иванович Журавский [11]. К этому моменту горный начальник завода А. А. Иосса уже перестроил часть производства. Но произвести 2600 пудов металла за 4 месяца, не прерывая других работ, было проблематично. Пришлось построить новый прокатный стан с более прочными шестернями, т. к. многие элементы шпиля были очень крупными. К 1 февраля 1858 г. необходимое количество железа было изготовлено, а Журавский подтвердил его безупречное качество. Пробную сборку провели на берегу Вотки. Ввысь взметнулась железная игла высотой 48,5 м, приведя в изумление рабочих завода и жителей посёлка.

2 мая 1858 г. каркас шпиля погрузили на три барки, и буксир «Лоцман» увёл их по Вотке, Каме и Волге до Твери. Далее

каркас везли по железной дороге. К установке шпиля приступили 30 июля, а 10 октября 1858 г. сложная и трудоёмкая работа была закончена. Ее стоимость составила 26662 руб. — в два раза ниже, чем просили английские специалисты. Все монтажные работы выполнили 29 воткинских специалистов. Старание и умение их были по достоинству оценены: горного техника И. Я. Девятова произвели в коллежские регистраторы, мастерам С. Пестереву и М. Пирожкову вручили серебряные медали «За усердие», мастеру Г. Ивукову дарована серебряная медаль для ношения на шее. Остальным выплатили по 15 руб. серебром.

А. А. Иосса получил перстень с бриллиантом, а Д. И. Журавский — чин полковника. Изготовленный и установленный в XIX в. воткинскими умельцами каркас шпиля Петропавловского собора в настоящее время находится в исправном состоянии, являясь образцом качества и выносливости.

Новый этап в истории завода начался в 1861 г., когда Морской технический комитет поручил Воткинскому казённому заводу производство броневых плит. Для чего пришлось построить на Каме в Галево первый в России бронепрокатный завод. Осенью 1863 г. завод произвёл первую партию броневых плит для защиты укреплений Кронштадской крепости. В сентябре 1865 г. завод катает броневые плиты для канонерских лодок «Русалка» и «Чародейка». Успехи превзошли все ожидания. Воткинские броневые плиты оказались настолько удовлетворительными, что военно-морское ведомство предпочло их английским. Показатели при испытаниях на растяжение образцов из воткинских броневых плит были в 1,5 раза выше, чем у английских. При стрельбе снарядами с расстояния 50 саженей по броневым плитам — преимущество также за воткинскими. Так Воткинский завод попал в элиту строителей военно-морского флота России.

Воткинской бронёй были надёжно защищены 4 крейсера (башенные фрегаты) и броненосец береговой обороны «Вице-адмирал Попов» на Чёрном море.

Бронепрокатный завод 9 лет производил броню для российского флота, позднее катал рельсы и крупный профиль для судов. Через 16 лет он был закрыт по причине неудачного распо-

ложения — его периодически затопляло внешними камскими водами. Всё оборудование было перевезено в Воткинск, где был организован листопрокатный цех.

Бурное развитие России во второй половине XIX в. потребовало радикального расширения транспортной системы. На помощь водным артериям пришли железные дороги, по которым, стремительно пробираясь в глубь страны, двинулись грузовые и пассажирские паровозы.

Горный инженер Владимир Александрович Алексеев, возглавивший паровозостроение, писал в Петербург: «Сильнейший из всех уральских заводов — завод Воткинский — обладает громадными средствами: превосходно устроенные листокакатальные, сварочные, паровые котлы и машины... огромное число механических станков — всё это может быть без малейших затрат пущено на дело паровозов. Если к этому добавить ещё 2500 мастеровых, отличающихся удивительным разнообразием работ, то мы увидим без сомнения успех в этом деле» [3, с. 72]. Веским аргументом было и то, что на заводе было отлаженное собственное производство паровых машин. Костяк мастеровых составляли воспитанники завода — выпускники двух малых горных школ и Окружного горнозаводского училища, где премудростям работы с металлом обучали целых 4 года.

Выполняя первый заказ Министерства путей сообщения, и не имея в достатке необходимой документации, специалисты завода разработали её сами.

В 1868 г. была оборудована первая паровозостроительная фабрика, а в 1871 г. 8 шестиколесных магистральных паровозов весом в 42,3 т и силой тяги чуть больше 3-х тыс. кг вышли на Московско-Курскую железную дорогу. Но ещё в сентябре 1869 г. два первых локомотива успешно прошли испытания на этой магистрали. В Санкт-Петербурге на Международной мануфактурной выставке воткинский паровоз показал с лучшей стороны: с поездом весом 260 т он развил скорость до 50 км в час. В 1874 г. завод подписал договор на постройку 100 паровозов и выпускал их по 12–14 ежегодно. Слава первооткрывателей строительства мощных магистральных паровозов принадлежит трём городам: Петербургу, Коломне и Воткинску.

Начало строительства Великого Сибирского пути (Транссибирской магистрали) потребовало резкого увеличения производства паровозов. В 1883–1898 гг. завод изготовил для Транссиба 45 четырёхколёсных паровозов и получил новый заказ на 120 паровозов. Пришлось строить самостоятельный паровозный цех и первую на территории современной Удмуртии железную дорогу — от Воткинска до пристани Галево на Каме. Готовые паровозы с завода уходили своим ходом и на Каме грузились на баржи. Товарные и пассажирские паровозы пополнили депо Самаро-Уфимской, Пермской, Мурманской, Закаспийской и др. железных дорог, ходили по магистралям от Сибири до пустыни Кара-Кум. Заказчиков привлекало то, что при высоком качестве паровозов, они имели самую низкую по России стоимость. Завод легко шёл на предлагаемые изменения и улучшения по просьбе заказчика, а также внедрял оригинальные инженерные решения. Поэтому им присваивали свою — воткинскую — серию. Два бестендерных танк-паровоза носили имена «Милковский» и «Троян»: так заводчане отдали дань уважения своим управляющим Константину Казимировичу Милковскому (1891–1897) и Павлу Аркадьевичу Трояну (1897–1902).

XX в. сулил широкие перспективы. Воткинский завод выпустил небольшую партию паровозов серии «Ы» для кавказских железных дорог. Конструкторами завода был разработан ещё более мощный паровоз серии «Е» типа 1-5-0. Всего за полвека завод построил более 650 магистральных паровозов разных серий. Дальнейшее производство паровозов остановили революционные события и гражданская война. Последний воткинский паровоз, до революции носивший имя «Князь Горчаков», исправно работал на внутризаводских путях вплоть до 1970 г.

Символом процветания России в конце XIX — начале XX в. стала Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны. Дорога протяжённостью 7416 км, в основном построенная всего лишь за 10 лет руками 8 тыс. русских строителей, объединённых в рабочие артели. Воткинский казённый завод принял активное участие в строительстве практически всех мостов Транссиба. Полное изготовление на заводе мостовых железнодорожных ферм с

установкой на местах началось в 1891 г. Мостовой цех на заводе не имел специального помещения, сборка мостовых ферм производилась под открытым небом. На заводе делались только простые операции: резка листов и профилей, сверление, развёртывание. Собирали окончательно на заклёпки только те узлы ферм, которые можно было перевозить. Полная сборка ферм и установка их на место были сложными операциями. Отдельные фермы, например, Хабаровского моста, были длиной до 150 м. Рабочих в мостовом цехе было от 400 до 600 чел., в зависимости от заказов. Из этого числа примерно до 75 % находилось в командировках на местах установки мостов. Сибирь и Дальний Восток подолгу были местами работы воткинских мостостроителей. Подсчитано, что по длине построенных им железнодорожных мостов в 1915 г. Воткинский казённый завод вышел на первое место в России. Это мосты через Каму в Перми, через Иртыш в Омске, через Обь в Новосибирске и, наконец, гигантский мост через Амур в Хабаровске. Мост имел 18 пролётов и общую длину 2600 м. Кроме этих мостов, завод построил много других на Волго-Вятской, Рязано-Уральской, Кругобайкальской железных дорогах, а также в 1907 г. — красавец Андреевский мост для Московской окружной дороги и его родного брата — Краснолужский мост.

Эмигрировавшие из России после Ижевско-Воткинского восстания воткинские мостостроители, принимали участие в сооружении знаменитого моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско (США).

Производство земледельческих орудий было ещё одним направлением деятельности Воткинского казённого завода, в очередной раз подтвердившим его универсальность.

Министерство земледелия в 1886 г. поручило изготовление плугов и других сельхозмашин Воткинскому казённому заводу, выбрав его из многих уральских заводов, как наиболее подготовленного. Для выполнения заказа был построен специальный цех. В 1896 г. был выпущен стотысячный плуг, который находится в экспозиции Политехнического музея.

Кроме плугов разных модификаций изготавливались в большом количестве другие сельхозмашины: соломорезки, молотилки, льномялки, корчевальные машины и др. Все изделия завода обладали высоким качеством, и это было отмечено рядом наград промышленных выставок в России и за рубежом.

Отметим, что штабом технической мысли завода было техническое бюро, находившееся в центре старой части завода в специально построенном добротном здании. Тогда ещё не было всевозможных проектных институтов. Все проекты делались на заводах-изготовителях. В сложных случаях заводы обращались к помощи втузов. Специалисты, которые давали консультации, выезжали на место и даже принимали прямое участие в проектах.

Техническое бюро работало с большой нагрузкой, т. к. завод всегда имел большой портфель заказов от государства и частных заказчиков по всем направлениям своей деятельности. В техническом бюро имелось 4 чертёжных: судовая, паровозная и мостовая, а также чертёжная по заводским технологическим и строительным проектам. Там разрабатывались рабочие чертежи и другая техническая документация, начиная от детальных чертежей для цехов и таких крупных проектов, как, например, Камский бронепрокатный завод, Галевский чугуноплавильный завод, Галевская железная дорога и др. Штат заводского технического бюро составлял 65–70 чел. Работу технического бюро возглавлял технический совет при горном начальнике, состоящий из основных руководителей завода и начальников цехов. Технический совет рассматривал все основные технические вопросы, возникающие в производстве.

События 1917 г. и гражданская война не пощадили Воткинский завод [8]. И «белые» и «красные» растаскивали его оборудование, «спасая» от противника. Особенно постарались представители новой власти: они требовали увезти всё, что можно было, без разбора, а остальное уничтожить. Члены заводского Делового совета считали необходимым эвакуировать лишь самое необходимое, главное оборудование, без чего было бы невозможно восстановить завод долгое время. К сожалению, точка

зрения нового начальства одержала верх. Из Воткинска было вывезено 284 вагона и подготовлено к вывозке 130 вагонов. Грузили всё без разбора: станки, части молотов, готовые изделия, мебель, лабораторное оборудование, тысячи книг фундаментальной заводской библиотеки, чертежи и другие документы из технического архива — всё, что в панике попадалось под руки. «Эвакуация» встретила ожесточённое сопротивление со стороны рабочих, которые понимали, к каким последствиям это приведёт. Они попрытали некоторые главные детали машин. Выводили из строя паровозы, даже устроили крушение, пустив на один из составов неуправляемый паровоз. Таким образом, 130 вагонов удалось сохранить, в них в основном был запас материалов: цветные металлы, чугун и мебель. Из отправленных без охраны 284 вагонов разыскать и вернуть на завод практически ничего не удалось, они затерялись в хаосе гражданской войны. Общий ущерб составил колоссальную для начала XX в. сумму — около 6 млн. руб. [7, с. 147–148].

Отметим, что Ижевский завод провёл эвакуацию по заранее составленному плану всего за двое суток. В 46 вагонах под охраной были эвакуированы лишь самые необходимые звенья заводской технологии, главные станки и машины. Колчаковцы так и не смогли восстановить производство винтовок. После освобождения все 46 вагонов вернулись в Ижевск. В кратчайший срок производство винтовок было восстановлено.

Больно ударило по заводу Ижевско-Воткинское восстание, поднятое местными рабочими против большевиков и исход восставших и их семей с Колчаком за Урал, в Сибирь и далее — на чужбину. Численность заводского персонала 1919 г. упала с 7771 чел. до 2300 чел. Из числа сотрудников технического бюро осталось 16 чел. После гражданской войны на завод вернулась лишь незначительная часть сотрудников. В 1930-е гг. многие из них были репрессированы [7, с. 220].

Лишь ремонтные работы, да преданность оставшихся воткинцев родному заводу поддерживали в нём едва теплившуюся жизнь. После двух пожаров в 1921–1922 гг. завод закрыли на консервацию. Работала лишь электростанция.

Ещё совсем недавно известный всей стране, выделявшийся из общего ряда высочайшей организацией производства, прекрасными инженерными и рабочими кадрами и современными технологиями, смело бравшийся за выполнение самых сложных заказов, завод в одночасье оказался никому не нужным. Что это было — месть за ожесточённое сопротивление, оказанное воткинскими рабочими большевикам, или недалёковидность?

Близилась полная ликвидация. В Уралсовнархозе пришли к выводу, что требующий больших затрат на восстановлении завод не имеет перспектив дальнейшего развития. Была создана комиссия по распределению материальных ценностей на другие предприятия страны.

Воткинский завод спасли его рабочие, обратившиеся в Москву к «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинину. На личной встрече с ним они доказали необходимость возрождения своего предприятия.

Группа учёных металлургов при обсуждении высказалась за восстановление предприятия. Решающее слово в защиту завода сказал крупнейший знаток металлургического производства, адъюнкт-профессор Петербургского, Томского и Уральского университетов Владимир Ефимович Грум-Гржимайло. Он знал опыт работы Воткинского завода и прекрасно знал его цену.

В июне и 1925 г. Воткинский завод был передан Акционерному обществу «Уралсельмаш» Уральского совнархоза. 9 сентября 1925 г. состоялся торжественный пуск восстановленного завода, готового выполнить первое задание новой власти — изготовить 5 тыс. молотилок и довести производство до 60 тыс. в год.

Начинать пришлось на голом месте — всё цеховое оборудование в 1923 г. было вывезено в Баку, по решению Уралсовнархоза. Уже в 1927 г. завод выпустил более 10 тыс. молотилок ручных и с конным приводом, увеличив производство к предыдущему году на 329 %. До 1931 г. на поля страны были отправлены 100 тыс. одно-двух лемешных плугов разной модификации, бороны, льномялки, соломорезки, орудья, корчевальные машины, молотилки, конные грабли, туковые сеялки и др. сельскохозяйственных машин.

Рядом с паровозами, пароходами, мостами конные грабли могли показаться не достойной внимания «мелочью». Но воткинские рабочие делали их с тем же прилежанием и мастерством, о чём говорят многочисленные золотые, серебряные и бронзовые медали «За отличное качество сельхозорудий», полученные на Российских и международных ярмарках.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, утверждённый в мае 1929 г., предполагал ускоренную индустриализацию страны, втянувшую в свою орбиту и Воткинский завод. В конце 1930 г. ВСНХ СССР передаёт его в распоряжение Всесоюзного объединения тяжёлого машиностроения и тем самым возвращает заводу статус высокотехнологичного многопрофильного предприятия.

31 декабря 1931 г. из ворот Воткинского завода вышел первый советский паровой экскаватор с объёмом ковша 1,5 кубометра и производительностью 250 кубометров в час. Вскоре воткинские экскаваторы вытеснили с карьеров и рудников американские «Марионы» и немецкие «Демаги», значительно уступавшие нашим по надёжности. Всего за 7 лет было выпущено 231 экскаватор. Конструкторы и технологи постоянно работали над его усовершенствованием. К 1935 г. вес экскаватора снизился на 20 %, а себестоимость почти вдвое. Впервые в СССР завод в 1934 г. освоил изготовление цельносварных котлов вместо клепаных. При этом себестоимость котла снизилась с 70 до 30 тыс. руб. По заказу Наркомвода была спроектирована новая модификация шагающего экскаватора для строительства каналов.

Для строительства электро-драг «американского» типа, что позволило бы увеличить добычу золота, советским правительством было выбрано два завода — Иркутский и Воткинский. На Воткинском заводе, вошедшем в 1933 г. в Управление «Главзолото», создаётся научный центр по дражному делу, подготовивший 30 специалистов. Заводчане спроектировали и изготовили две плавучие фабрики — драги увеличенной производительности, способные черпать золотоносный грунт с глубины до 70 м. Эти драги были отправлены в Пермскую область и на далёкие прииски «Лензолото», последующие работали на приисках «Амурзолото».

С 1935 г. завод начал строить первые в СССР железнодорожные подъёмные краны грузоподъёмностью 45 т, а с 1936 г. — мощные земснаряды (землечерпалки) для строительства канала имени Москвы и револьверные прессы для производства кирпича производительностью 40,5 тыс. шт. в смену.

Вернула свои позиции и заводская металлургия. Мартены ежегодно выдавали до 40 тыс. т стали, в т. ч. новых легированных марок — хромомарганцевых, кремнемарганцевых, хромистых. Металлурги сумели получить технически чистое железо содержанием железа 99,85 %, применяемое в электромашиностроении.

В конце второй пятилетки завод вернулся к привычному для него предельно напряжённому ритму работы, вновь став не просто нужным, а необходимым стране предприятием, способным в кратчайшие сроки решать любые конструкторские и технологические задачи, стремительно перестраивать производство под нужды народного хозяйства.

Подготовка к войне началась в СССР ещё в середине 1930-х гг. В 1936 г. из Наркомата тяжёлой промышленности был выделен и наделён огромными ресурсами Наркомат оборонной промышленности (НКОП), которому были переданы предприятия, имевшие ключевое значение для обороноспособности страны. Среди них оказался и Воткинский завод, у которого было два очевидных достоинства: во-первых, отличная производственная база и превосходный кадровый потенциал; во-вторых, он мог принять и разместить мощности эвакуируемых предприятий. Планы эвакуации материальных и людских ресурсов из зоны потенциальной эвакуации разрабатывались в стране ещё с 1928 г.

Приказ Наркома оборонной промышленности Михаила Моисеевича Кагановича от 11 марта 1938 г. гласил: «...Воткинский завод подчинить третьему главному управлению НКОП, присвоив ему № 235 и впредь именовать: завод № 235 Народного комиссариата оборонной промышленности».

В течение 1938–1939 гг. завод завершил производство экскаваторов, сдал заказчику земснаряды, прекратив судостроение,

производство по другим заказам гражданского машиностроения и приступил к освоению артиллерийского производства.

В помощь воткинцам из Мотовилихи была направлена группа специалистов под руководством инженер-полковника Дмитрия Ивановича Фирсова, который и возглавлял завод до середины 1941 г.

Первый заказ, поступивший на завод, касался производства пушки-гаубицы М-10 калибра 152 мм, корпусов 76-мм артиллерийских снарядов и авиабомб ФАБ 250-500.

В 1940–1941 гг. было произведено 542 гаубицы. В итоге, к началу войны завод отладил принципиально новое для себя производство, подтвердив высокую ответственность за качество продукции, её надёжность и сроки производства. Гаубица М-10 стояла на вооружении Советской Армии до конца 1950-х гг. Трофейные гаубицы М-10 использовались немцами и вплоть до 2000-х гг. стояли на вооружении финской армии.

В начале Великой Отечественной войны Наркомат вооружения передал заводу производство 45-мм противотанковой пушки 2243-А (знаменитой «сорокопятки» или «Аннушки»). Срок на освоение поставленный Наркоматом — три месяца, за срыв которого грозил расстрел. Основной проблемой на заводе была перестройка производства на массовый выпуск этих пушек. Главный инженер Е. А. Гульянц предложил смелое, но очень эффективное решение — остановить для перепланировки мощностей завод на 10–12 дней и представил Наркомату безупречные расчеты [3, с. 104].

Производство было остановлено. Были организованы замкнутые производственные участки в механических цехах и технологические потоки по командным деталям новой пушки, участки поточной сборки. Переставлено более тысячи единиц оборудования.

Это позволило в 8 раз увеличить ежемесячный выпуск пушек. Воткинский завод к концу 1941 г. дал фронту 1300 «сорокопятков», 325 гаубиц, 629 горно-вьючных минометов, 115 тыс. зажигательных авиабомб (ЗАБ-50 ТГ), около 90 тыс. артиллерийских снарядов, свыше тысячи зенитных прицелов и большое количество запчастей для артсистем. Но фронт требовал ещё и ещё.

Первый год войны был самым сложным. Кроме организации серийного производства, строительства новых корпусов необходимо было принять эвакуированных людей и оборудование. Только с Киевского завода «Арсенал» прибыло 1100 вагонов с оборудованием и более 2500 рабочих и специалистов. Затем прибыли эшелоны с подмосковного завода им. Буденного, с ленинградского завода «Большевик», со Сталинградского завода «Баррикады».

Ещё летом 1941 г. в районе железнодорожного вокзала началось строительство бараков для размещения эвакуированных. Необычной была и обстановка на заводе. Здания ещё не подведены под крышу, а станки уже работают. К концу года на заводе было введено в эксплуатацию 11 новых цехов и расширена электростанция.

За годы войны производственные площади завода увеличились в 2,2 раза, энергетическая мощность — в 2,5 раза, парк металлорежущего оборудования — в 2,5 раза, прессовое хозяйство — на 80 %. На заводе были спроектированы и изготовлены высокопроизводительные металлорежущие станки, большое количество металлургического оборудования, пущен первый в СССР цех по центробежному литью орудийных стволов. На заводе широко применяются такие важные технические новшества, как автоматическая сварка, глубокое сверление стволов, прокат высоко легированных сталей и быстрореза.

В сентябре 1942 г. в исключительно короткий срок завод освоил выпуск мощной прославленной 76-мм дивизионной пушки ЗИС-3 конструкции В. Г. Грабина. Эта пушка считается лучшей в своем классе. Немецкий специалист, консультант рейхсканцелярии, охарактеризовал её как «самую гениальную в истории ствольной артиллерии». В том же году организуется производство 45-мм корабельной пушки 21К для подводных лодок и минных заградителей, 45-мм модернизированной пушки «Верочка» для танков, 76-мм пушки для танков и самоходной артиллерийской установки СУ-76.

Для борьбы с немецкими танками «Тигр» и «Пантера» завод освоил более мощную 57-мм противотанковую пушку ЗИС-2 конструкции В. Г. Грабина. Для ускорения внедрения новой

пушки на заводе предложили использовать лафет от пушки ЗИС-3. Пушку ЗИС-2 и запасные части к ней завод продолжал выпускать до середины 1950-х гг.

Более 52000 артиллерийских орудий изготовил за годы войны коллектив Воткинского завода, что составило более 11 % от всех артиллерийских орудий, выпущенных в стране. Во Всесоюзном соревновании заводов Наркомата в период войны он занимал 22 раза классные места, дважды получал правительственные телеграммы председателя ГКО И. В. Сталина.

За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне в июле 1945 г. завод был награждён орденом Ленина, 16000 работников завода награждены орденами и медалями.

В 1950 г. завод осваивает выпуск 100-мм зенитной пушки КС-19 с гидравлическим следящим приводом и системой автоматического наведения от ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнём). Для организации производства приборов привода и автоматического управления на заводе были созданы механический и сборочный приборостроительные цехи. Зенитная пушка КС-19 выпускалась на заводе до 1958 г.

В первые послевоенные годы завод вернулся к многопрофильности. Наряду с производством военной продукции Воткинскому заводу поручали производство различной техники для народного хозяйства. Заводским мастерам пришлось вспомнить «эру воды и пара», т. к. заводу поручили выпуск локомотивов для сельского хозяйства. Это была уникальная энергетическая установка, сочетавшая в себе автономность (работала на любом виде топлива), компактность, мобильность и приличную мощность до 75 лошадиных сил. В год завод выпускал до 1,5 тыс. локомотивов в течение 10 лет.

Госплан также решил поручить Воткинскому заводу производство узкоколейных паровозов для лесозаготовителей. Эти паровозы выпускала только Финляндия и в СССР они попадали по репарации. Воткинским конструкторам пришлось самостоятельно разработать техническую документацию, при этом значительно улучшив технические возможности паровоза. Первый из 300 паровозов П-24 покатила по рельсам сборочного цеха в феврале 1947 г. Затем были разработаны паровозы ВП-1, ВП-2, ВП-

3 и ВП-4. В середине 1950-х гг. заводские конструктора разработали проект тяжёлого узкоколейного паровоза ВТ-1. В 1960-х гг. завод покинул последний паровоз ВП-4 из почти тысячи произведённых — эра воды и пара завершилась.

В 1957 г. на заводе был спроектирован узкоколейный тепловоз ТУГ-4. В этом же году заводу поручили изготовить узлы реактора для первого в мире атомного ледокола «Ленин».

Завод изготовлял по заказам топливной промышленности багерно-элеваторные машины для добычи торфа, подъёмные краны для строительства многоэтажных домов.

Следующим этапом в истории завода стало ракетостроение. Закономерно, что новые задачи, встающие перед страной, ставятся перед теми предприятиями, которые могут с ними справиться. За свою историю Воткинский завод не раз менял свою специализацию: пароходостроение, паровозостроение, строительство железнодорожных мостов, производство сложной промышленной и сельскохозяйственной техники, артиллерийских орудий. В истории завода отразились все этапы развития нашего Отечества, и всегда завод доказывал, что для него нет недостижимых целей. Уникальность Воткинского завода определяется его традициями. По словам Генерального директора Воткинского завода В. Г. Толмачева: «Традиции — такое же наследство, как корпуса, оборудование и награды предприятия. Их заложили наши предки, развили первые ракетостроители, а продолжаем мы с вами — те, кто сегодня держит марку Воткинского завода. На нас возложена уникальная, в чём-то даже великая миссия. И мы справимся, потому что у нас есть проверенный веками стержень — особый воткинский характер, привычка коллектива старинного уральского завода не отступать перед трудностями» [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А. Семён Иванович Бадаев. М.: Наука, 1971. 120 с.
2. Воткинские были (исторические очерки): 1759–1959 / [науч. ред. А. А. Александров; авт. кол.: В. Н. Ступишин и др.]. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. 246 с.

3. Воткинский завод. Вчера и сегодня. Воткинск: Ижевский полиграфический комбинат, 2010. 191 с.
4. Воткинский завод / под ред. В. Г. Толмачева. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 152 с.
5. Воткинское судостроение в творчестве краеведов П. Луппова, Ф. Стрельцов, В. Ступишин // Русский архив. 2018. № 1. С. 4–19.
6. *Добровольский И. А.* Река Кама в истории Воткинского завода (заметки конструктора). Воткинск: МП МИИЦ, 2014. 131 с.
7. *Добровольский И. А.* Воткинский завод на рубеже эпох (заметки конструктора). Воткинск: МП МИИЦ 2009. 300 с.
8. *Ефимов А. Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1980–1920. М.: Айрис пресс, 2008. 416 с.
9. *Максимова Е. В.* Пребывание английских специалистов на Воткинском заводе в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Ижевск, 22–23 сент. 2020 г.). Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 360 с.
10. Очерки истории техники в России. С древнейших времен до 60-х годов XIX века: (горное дело, металлургия, энергетика, машиностроение) / под ред. В. И. Остольского, А. А. Чеканова. М.: Наука, 1978. 374 с.
11. *Орловский Б.* Шеренга великих инженеров строителей и гидростроителей. Варшава: Наша Ксенгарня, 1971. 176 с.

Е. М. Буряк

г. Магнитогорск (Россия)

Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ УРАЛА В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В статье рассматривается система организации трудовых ресурсов в первые годы советской власти. Автор выделяет основные формы привлечения к труду (всеобщая трудовая повинность, трудовая армия и субботник), а также вторичное привлечение к исполнению трудовых обязанностей трудовых дезертиров. Несмотря на наличие законодательных актов, которые обязывали основные категории граждан работать, государство старалось поголовно привлекать к труду даже тех, кто не мог работать в силу физической нетрудоспособности или возраста. В своём стремлении максимально использовать население для восстановления экономики, власти не рассчитали эффективность применяемых мер. В результате, к концу 1921 г. система организации трудовых ресурсов оказалась, очевидно, неэффективной и подверглась изменениям.

Ключевые слова: военный коммунизм, всеобщая трудовая повинность, первая армия труда, субботник, трудовая политика.

Урал явился одним из первых регионов, где сравнительно быстро была установлена советская власть. Здесь интенсивнее, чем во многих крупных районах, было развернуто наступление на заводчиков и фабрикантов и раньше, чем где-либо в России, стала осуществляться национализация.

Уже в первые месяцы советской власти в регионе начался процесс катастрофического падения уровня производства. Это было связано, в том числе, с ликвидацией рынка рабочей силы. Соответственно одной из главных задач новой власти явилось восстановление трудовых отношений, утраченных в годы революции и войн. Основными формами организации труда в период

военного коммунизма явились: всеобщая трудовая повинность, субботники и трудовые армии.

В исследовании форм организации труда первых лет советской власти в разные периоды истории давали разные оценки. В целом, на современном этапе развития отечественной историографии преобладает, противоположная советской, тенденция оценки трудовых отношений рассматриваемого периода: экономическая целесообразность проводимых мер ставится под сомнение так же, как и использование их как основы дальнейшей организации труда в советской экономике. Исследователи признают иллюзорность эффективности коммунистического труда и высокой концентрации принуждения в общей системе трудовых отношений [5–7].

Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила труд обязанностью всех граждан республики: «не трудящийся да не ест» [9]. В конечном итоге, это означало распространение принципа привлечения к труду на все слои населения.

Следующий шаг в деле организации труда был сделан в сентябре 1918 г. Большевистским правительством было принято постановление, которое запрещало работнику отказываться от предлагаемой работы, в противном случае он терял пособие по безработице [14].

Первый же раздел Кодекса Законов о Труде 1918 г. был посвящен трудовой повинности. Установление трудовой повинности, прежде всего, по сравнению с правом на труд, определило общий принудительный характер, элементы которого утвердились в период расцвета военного коммунизма. Являясь документом обязательным для всех, кодекс распределял следующие категории населения по трудоспособности: 1) граждане, привлекаемые к трудовой повинности, 2) категории, вовсе не подлежащие трудовой повинности, 3) категории, временно не могущие выполнять трудовую повинность, 4) учащиеся всех школ. Таким образом, от трудовой повинности были реально освобождены только лица, утратившие трудоспособность в случае увечья, и лица старше 50-ти лет. Даже категория лиц, не достигших 16-ти лет, все-таки привлекалась к повинности, как категория «учащиеся всех школ».

В итоге, от трудовой повинности освободить могло только бюро специальной врачебной экспертизы. Те же, кто являлся трудоспособным по данной классификации, но уклонялся от работ, мог привлекаться принудительно. Медицинские комиссии, непосредственно принимавшие участие в процессе трудовых мобилизаций, действовали крайне неоднозначно и принимали порой совершенно необъяснимые решения. Как правило, признание человека больным или здоровым зависело от распоряжений волкомтруда (волостной комитет труда) и от потребности в рабочей силе. К примеру, в Пермской губернии рабочего сернокислотного завода признали годным, проведя формальную комиссию, по его словам «обернули кругом», несмотря на то, что он был совершенно непригоден для каких-либо работ [2, ф. 107, оп. 1, д. 64, л. 613].

В уральском регионе положение о мобилизации лиц от 16 до 50 лет повсеместно нарушалось. Так, в Пермской губернии широко распространенным явлением стало привлечение к трудовой повинности малолетних детей. Их посылали на работы вместо того, чтобы отправлять на занятия в школы, что являлось явным нарушением КЗоТа. Дети работали на молотьебе, очистке железнодорожных путей, снаряжали в подводы [2, ф. 363, оп. 1, д. 6, л. 3]. Газета «Советская Правда» рассказывала об эксплуатации подростков, учеников вагонных мастерских. Мастера и старшие рабочие не занимались обучением детей, а во время январских морозов заставляли ребят таскать доски, кирпичи. Отмечалось, что инспектор труда был прекрасно осведомлен об этих нарушениях, но никаких мер по ликвидации принято не было [15].

В разделе «О порядке предоставления труда» четко было сказано, что рабочий, которому предоставлена работа по его специальности, не имеет права от неё отказываться, в противном случае он нарушает Кодекс о труде и подвергается наказанию в виде штрафа. Единственное послабление: работник может заявить лишь о том, что он будет выполнять предоставленную работу временно, но, тем не менее, не отказываться от неё.

В марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП(б), где была принята новая Программа партии, следствием чего стало появление 10 апреля 1919 г. декрета «О всеобщей мобилизации». Данный

декрет касался мобилизации в армию и напрямую в нем не говорилось о всеобщей трудовой мобилизации, однако и программа, и декрет явились толчком для дальнейшей поголовной трудовой мобилизации населения, применения армейских принципов в труде и перехода к новому этапу развития трудовых отношений.

19 сентября 1919 г. СНК опубликовал постановление «Об использовании рабочей силы беженцев». Беженцы в семидневный срок после прибытия обязаны были зарегистрироваться в местных трудовых органах на тех же основаниях, которые содержались в постановлениях о проведении трудовой повинности среди трудоспособного населения. Для освидетельствования своей нетрудоспособности они проходили обязательный медицинский осмотр в бюро экспертизы. Не зарегистрированные беженцы лишались продовольственного пайка и всех видов социальной помощи, оказываемых государством. Действие данного декрета не распространялось только на категорию беженцев, находившихся в стадии реэвакуации [3, ф. р–7, оп. 1, д. 2, л. 1]. Через год, уже на основании приказа I РАТ (Революционная Армия Труда) от 14 декабря 1920 г. беженцы находящиеся на территории России в обязательном порядке должны были быть привлечены к трудовой мобилизации, с той лишь разницей, что они не поступали в распоряжение трудовой армии, а использовались на хозяйственных работах по месту жительства [2, ф. 363, оп. 1, д. 8, л. 199].

Таким образом, была сделана еще одна попытка увеличить ряды трудмобилизованных и использовать население страны с максимальной эффективностью.

Продолжением данной политики стал приказ о нормах труда и порядке расчета с военнопленными от 23 ноября 1919 г. Трудовые нормы выработки соответствовали Кодексу законов о труде 1918 г., более того, каждый заключенный должен был иметь на руках трудовую книжку, аналогичную тем, что получали трудобязанные граждане страны [2, ф. р–8, оп. 1, д. 25, л. 4]. Единственным существенным отличием труда военнопленного от обычного рабочего являлось наличие у первого и продовольственного пайка и заработной платы, которая переводилась на счет заключенного.

К 1919 г. трудовые мобилизации приобрели массовый характер. Постепенно мобилизациями были охвачены не только нетрудовой элемент, но и город, и деревня, и беженцы, и военнопленные. Государству удалось сконцентрировать в своих руках практически все свободные, незанятые ранее производственной деятельностью категории населения, еще более распространив метод поголовного привлечения к труду.

Производились и совершенно непонятые в своей целесообразности мобилизации сельского населения, причем в самое неподходящее время — посевные и сборы зерна. Так, в мае 1921 г. были мобилизованы крестьяне Еманжелинской станицы Челябинского уезда: «Они оторвали лучших работников от начатой ими работы по засеву яровых полей. Сев был в самом разгаре. Заранее были выданы семена. В результате — много десятин осталось не высеяно паров» [4, ф. р–172, оп. 1, д. 361, л. 34]. Управлять крестьянскими массами во время мобилизаций оказалось труднее и хлопотнее. Эту категорию трудармейцев привлекали к работам без особенной цели и часть времени крестьяне проводили именно в пересылках с одного места на другое. В результате производительность была крайне не высокой [13].

В январе 1920 г. прошел III Всероссийский съезд советов народного хозяйства, на котором было поднято огромное количество вопросов, суть которых сводилась к решению основных хозяйственных задач с помощью трудовых ресурсов, имеющихся в стране. В результате были приняты решения: о введении премий в натуральном или денежном исчислении, о трудовых книжках для всех рабочих, о введении в действие рабочих дисциплинарных судов [12]. Именно тогда была озвучена идея об использовании освобождающихся военных частей в хозяйственных целях. Таким образом, был создан прецедент для образования основных трудовых Армий. Тем более, что в армии уже к концу 1919 г. находилось более полумиллиона промышленных рабочих [8].

В 1920 г. было создано 8 трудовых армий, главной задачей которых явилось восстановление народного хозяйства страны, решение топливного и продовольственного вопросов, восстановление железнодорожной сети и вагонов, восстановление предприятий и производств, распределение продовольствия в районы

наиболее в нем нуждающиеся. Система управления трудовых армий слилась с системой комтрудов, и на армейских началах дисциплины и исполнительности приказов советским правительством было принято решение выполнять трудовые задачи, стоявшие перед страной.

Еще одной формой коммунистического труда были объявлены субботники, первые из которых состоялись 12 апреля и 10 мая 1919 г. В дальнейшем они получили широкое распространение по всей стране и являлись неотъемлемой частью трудовой политики государства. Появившись как добровольное желание поработать дополнительно для восстановления государства, они тут же превратились в часть системы принудительного труда.

Организаторами субботников подчеркивалось, что это «форма коммунистического труда», соответственно и инициатива по их организации должна исходить от наркомов. По установленным нормам субботник должен был длиться не более трех-четырёх часов в день, однако в положении о субботниках имелся пункт, который оговаривал возможность продления субботника на более длительный срок «по распоряжению организатора субботника и по соглашению с администрацией» [10]. В результате, высокие нормы выработки достигались отнюдь не за несколько часов, а за обычную рабочую смену.

К участию в субботниках было привлечено всё население страны. Примером для всех граждан должны были стать рядовые члены партии, обязанные участвовать в субботниках не менее двух раз в месяц. Уклонявшихся или некачественно выполнявших работу, могли привлекать к суду, как нарушителей партийной дисциплины» [10].

Отдельно рассматривалась возможность проведения женских и детских субботников. Наркомпросвещения внес предложение агрономическим железнодорожным отделам организовать при школах, колониях и станциях детские воскресники по сбору грибов.

С 1920 г. начали проводиться трудовые воскресники. Система их проведения теперь уже совсем не была похожа на добровольную инициативу трудящихся. Регламентированы были не

только сроки проведения и виды работ, но и сам порядок проведения работ.

Субботники перестали носить массовый добровольный характер уже к концу 1920 г. и их количество резко стало сокращаться. И если в 1919–1920 гг. речь шла о сотнях субботников по советским губерниям, то уже в 1921–1922 гг. их количество сократилось до десятков. Главная причина подобного явления заключалась в потери самой сути понятия субботника, как формы труда рабочих, которые производили дополнительные работы добровольно. Именно принцип добровольчества позволял быть этому явлению столь массовым, популярным и поэтому уникальным в тот самый момент, когда вся страна была охвачена трудовыми повинностями и принудительными трудовыми мобилизациями.

28 июля 1920 г., выступая на Всероссийском совещании по всеобщей трудовой повинности, председатель ВСНХ РСФСР А. И. Рыков отмечал, что, несмотря на то, что в целом улучшаются показатели по уровню жизни в стране, работа фабрик и заводов продолжает ухудшаться. Однако причину такого положения нужно было искать, по словам А. И. Рыкова, прежде всего в нехватке рабочей силы, которой мало того, что не хватает, так она еще не обеспечена продовольственным пайком. Советская Россия, по мнению А. И. Рыкова, «дошла до такого периода своей организации, что каждый шаг на трудовом фронте должен теснейшим образом быть связан с организацией профсоюзов и комтрудов, как органов, призванных к организации рабочих» [11]. В ходе совещания было установлено, что необходимо, прежде всего, менять методы привлечения рабочей силы и пересмотреть всю организационную систему учета и распределения трудовых ресурсов, поскольку существующая система не соответствует требованиям времени.

Примечательно, что на Урале до образования Первой трудармии по данным на 9 января 1920 г. рабочие Пермской губернии получали на 1 чел. в неделю муки — 24 фунта, шахтеры — 36 фунтов. При выполнении в месяц 25 рабочих смен выдавался дополнительный паек — 12 фунтов муки. Более того,

каждому рабочему выдавали по 4 фунта мяса. В Екатеринбургской губернии рабочие получали по 36 фунтов муки, а члены семьи — 25 фунтов. В январе 1920 г. рабочие получили по 7,5 фунтов мяса [16, с. 12]. Таким образом, очевидно, что рабочие губерний Урала до образования I РАТ были обеспечены продовольствием лучше. А неспособность государства снабжать экономически активное население элементарными продуктами питания ставило под сомнение целесообразность и эффективность политики большевиков. Это выразалось не только в экономическом кризисе, но и в нарастании недовольства народа.

Таким образом, уже в середине 1920 г. в разгар массовых трудовых мобилизаций был поднят вопрос о несостоятельности существующей системы и её неспособности спасти положение.

Одним из показателей принудительного характера и неэффективности созданной системы трудовых отношений явилось массовое трудовое дезертирство. Что бы как-то справиться с ситуацией, к концу 1920 г. на территории подчиняющейся совету Первой Армии Труда были открыты уездные подотделы принудительных работ без содержания под стражей. К примеру, в Екатеринбургской губернии был открыт центральный концентрационный лагерь № 1. При нем были открыты мастерские: сапожные, слесарные, кузнечная, столярная, и др., составлена библиотека и даже ставились спектакли заключенными. Была открыта колония для детей заключенных. Более того, в лагере велась культпросвет работа с заключенными [3, ф. р–8. оп. 1, д. 50, л. 119]. В Челябинске существовал дом лишения свободы, в котором содержались лица самых разнообразных профессий, начиная от чернорабочих и заканчивая госслужащими, осужденных за различные преступления на срок от нескольких месяцев до 15 лет [4, ф. р–363, оп. 2, д. 3, л. 130]. Примечательно, что 14 осужденных из 42 были хлеборобами. Они были использованы как часть трудового населения республики.

Наркомюст присылал в губернские карательные отделы предложения по созданию массового рабочего подъема и энтузиазма среди заключенных, для достижения основной цели — максимально увеличить производительность их труда. Заклю-

ченных, не обладающих никаким ремеслом, включая подследственных, предлагалось использовать на сверхурочных работах [2, ф. р-410, оп. 1, д. 60, л. 108]. Количество подобных лагерей в годы военного коммунизма исчислялось единицами, однако они стали способом повторного использования дезертиров труда в выполнении трудовых мобилизаций.

К 1921 г. неэффективность трудовой политики, созданной советским правительством на основе принуждения стала очевидной. К примеру, деятельность Первой революционной армии труда оказалась убыточной для государства. За все время существования I РАТ работало в месяц в среднем 21,6 % трудармейцев, из них на экстренных работах находилось 2,9 % рабочих. То есть реально на работах по трудовым заданиям находилась только 1/4 часть трудармии. Чем же были заняты остальные 3/4? Только на обслуживание трудовых частей требовалось 35 % трудармейцев! В командировках, отдыхающих от караула, посещающих школы, курсы, лекции, бани, неработающих из-за отсутствия инструмента, неработающих из-за проведения дезинфекции насчитывалось около 17 %. Выделяя из этих не работавших категорий здоровых, работоспособных, снабженных всем необходимым, получаем около 1/3 трудармейцев [1, ф. 25892, оп. 1, д. 59, л. 253].

Таким образом, широкое применение армии, поголовное привлечение к труду населения и принуждения в рамках государственной трудовой политики, возможно, было только в условиях экономических и политических кризисов. Но данные меры не могли быть использованы в общегосударственном масштабе в качестве основы организации трудовых ресурсов. Трудовая политика советского государства первых лет в отсутствие экономических стимулов к труду, основанная на мерах «концентрированного насилия», в форме милитаризации производства, введения рабочего контроля и национализации, организации системы дисциплинарных судов, приравнивании дезертира труда к дезертиру фронта, создании концентрационных лагерей, достигла своей цели – мобилизации народного хозяйства для упрочения власти советов. Однако даже такими усилиями не удалось выйти из глубочайшего хозяйственного и экономического кризиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военный архив (РГВА).
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
4. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
5. *Борисова Л. Б.* Трудовые отношения в советской России (1918–1924гг.). М., 2006.
6. *Буряк Е. М.* «Пришли с победным вольным кличем полки войны на фронт труда...»: опыт выживания труд- армейцев на Урале в годы военного коммунизма // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. сб. конф. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2018. С. 264–273.
7. *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006.
8. История пролетариата СССР. 1935. № 1. С. 225.
9. Конституция РСФСР. 1918 г. М., 1918. Ст. 18.
10. Правда. 1920. 6 июля.
11. Правда. 1920. 30 июля.
12. Резолюции третьего Всероссийского Съезда народного хозяйства. М., 1920. С. 25–30.
13. Серп и молот. 1920. № 2–3. 21 апр. С. 5–6.
14. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 64. Ст. 704.
15. Советская правда. 1921. 4 янв.
16. Советские архивы. 1966. № 2. С. 12.

О. Г. Клецкина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УДМУРТИИ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1920-х ГОДОВ И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ

Становление Удмуртии как самостоятельного региона России связано с выделением из состава РСФСР Вотской автономной области. Статус автономии предоставил местным Советам, учрежденным в границах области, городов, уездов и волостей, право на формирование обособленных от общегосударственных средств Республики местных бюджетов, призванных обеспечивать финансовыми ресурсами расходные полномочия органов Советской власти на местах. Финансовый потенциал провозглашенной автономии удмуртов создавался в первую половину 1920-х гг. в условиях сложной экономической ситуации, однако усилия местных Советов и финансовых органов области при поддержке РСФСР позволили аккумулировать в местных бюджетах налоговые и неналоговые доходы для решения неотложных задач территориального развития. Так новый регион России отстоял свое право на существование. В статье приведены статистические данные, отражающие структуру консолидированного бюджета Вотской автономной области, а также показаны особенности распределения расходных обязательств в составе бюджета областного города и бюджета области. Другим аспектом исследования выступили решения финансовых органов и исполнительных комитетов местных Советов по вопросам формирования бюджетного потенциала автономной области и межбюджетных отношений. Автором статьи рассмотрены основные направления работы ответственных советских работников по совершенствованию деятельности финансовых институтов области и исполнению расходных обязательств, отнесенных на местные средства.

Ключевые слова: общегосударственные средства, местные бюджеты, областной финансовый отдел, консолидированный бюджет, местные налоги, профицит.

Исследование деятельности государственных институтов по формированию и поддержанию финансового потенциала автономного образования РСФСР, учрежденного на национально-территориальной основе в начале 1920-х гг., следует признать актуальным, так как выбранное направление научной работы позволяет раскрыть порядок принятия и основное содержание управленческих решений по вопросам государственных и местных финансов, обеспечивших становление и развитие Удмуртии как самостоятельного региона России. Изыскания по поднимаемой проблеме способны дать точное представление о специфике бюджетных процессов, протекавших в границах административно-территориальных единиц региона и области, описать характер межбюджетных отношений, сложившихся в системе местных бюджетов автономной области и выстраивавшихся при взаимодействии областного бюджета с общегосударственным бюджетом. Представленная статья опирается на изученные письменные источники, сосредоточенные в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики [1], и опубликованные работы по некоторым вопросам организации деятельности местных органов власти и управления на территории Удмуртии в 1920-е гг. [2; 3] Целью настоящего исследования выступает рассмотрение исторических фактов, отражающих усилия местных органов власти по нахождению способов финансирования полномочий, наказов избирателей, реализация которых была возложена на местные Советы Вотской автономной области (далее — ВАО) и их исполнительные органы в первую половину 1920-х гг.

Управление финансов области и областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее — облисполком) несли основную ответственность за решение финансовых вопросов в границах ВАО. Облисполком в порядке надзора имел право рассматривать бюджет Ижевска [1, ф. р–195, оп. 6, д. 22, л. 104]. В связи с этим инте-

ресно изучить порядок проработки вопросов бюджетной политики на заседаниях облисполкома. Архивные документы свидетельствуют, что для обсуждения бюджета на заседания Президиума облисполкома приглашали представителей заинтересованных государственных органов. Например, 25 декабря 1922 г. в работе Президиума облисполкома наряду с постоянными членами руководящего органа исполнительного комитета участвовали приглашенные от финансового отдела области (Васильев), Правления Ижзаводов (Иванов), областного отдела народного образования (Никитин), областного ОГПУ (Хлебников), областной прокуратуры (Иванов) [1, ф. р-234, оп. 1, д. 114, л. 2]. Совместная работа представителей разных ведомств приводила к разработке согласованных решений и повышала авторитет облисполкома в глазах жителей области.

Финансовый аппарат ВАО состоял из областного финансового отдела и трех уездных финотделов: Глазовского, Ижевского и Можгинского [1. ф. р-195, оп. 1, д. 229, л. 114]. Областным финансовым отделом для выстраивания отношений с уездными финансовыми отделами применялись методы административного воздействия, призванные обеспечить исполнение отданных поручений. В условиях целенаправленного сокращения денежной эмиссии советских знаков (1923 г.) слабое выполнение установки о немедленном взыскании недоимок по прямым и косвенным налогам, в том числе путем составления описи и продажи имущества нерадивых налогоплательщиков, воспринималось заведующим областным финансовым отделом Г. В. Васильевым как манкирование прямыми обязанностями [1, ф. р-234, оп. 1, д. 101, л. 161]. Работа в финансовых органах требовала не только особого усердия при выполнении порученного дела, но и специальных знаний, в том числе в области котировок. Так, при пересчете советских рублей в твердую валюту — «золотые рубли» — следовало указывать источник котировки. В 1923 г. было предусмотрено пять ориентиров с соответствующими унифицированными записями. Вольной бирже соответствовала запись «3 р. по курсу ВБ», котировальному курсу — «3 р. кот. комиссии», товарному индексу Госплана — «3 р. по оптовому индексу Госплана», товарному индексу института экономических

исследований — «3 р. по Всероссийскому индексу конъюнктурного института», курсу червонцев — «3 р. по курсу банкнот» [1, ф. р-234, оп. 1, д. 101, л. 86].

Многочисленные циркуляры, спускаемые сверху, не могли быть выполнены без добросовестного отношения служащих областного финансового отдела к должностным обязанностям. Заведующий налоговым управлением А. М. Решетников в феврале 1923 г. издал распоряжение, призванное урегулировать порядок работы с входящими документами. Для поступающей в управление корреспонденции был установлен специальный маршрут, согласно которому зарегистрированные входящие документы сначала направлялись к руководителю для проставления резолюции, затем содержание резолюции вносилось в журнал регистрации документов и только после этого корреспонденция с изложенными в резолюции указаниями передавалась исполнителям под расписку. Бумаги срочного характера требовалось исполнять в течение 48 часов, на исполнение остальных поручений отводилось 3–4 дня [1, ф. р-234, оп. 1, д. 101, л. 75]. Таким образом, финансовый потенциал автономии создавался при помощи мер, содействующих выстраиванию конструктивной работы служащих финансовых органов.

Работы по финансовому планированию расходов бюджетной системы ВАО предполагали подготовку росписи расходных полномочий на краткосрочную перспективу. Согласно финансовой оценке, проведенной на второе полугодие 1923–1924 финансового года, для выполнения расходных полномочий по всем бюджетам ВАО необходимо было сформировать доходную часть консолидированного бюджета области в размере более 1,5 млн руб. [1, ф. р-195, оп. 1, д. 153, л. 314] Статистические данные о планировавшихся в структуре консолидированного бюджета ВАО расходах и доходах на второе полугодие 1923–1924 представлены в табл. 1. Из табл. 1 следует, что прогнозируемые доходы консолидированного бюджета области были меньше сумм, требуемых для реализации расходных полномочий, и оценивались в размере свыше 574,8 тыс. руб. [1, ф. р-195, оп. 1. д. 153, л. 315].

Таблица 1

Финансовая оценка расходов и доходов консолидированного бюджета ВАО на второе полугодие 1923–1924 финансового года

Местный бюджет	Сумма расходов (план), руб.	Сумма доходов (план), руб.
Консолидированный бюджет области, из него:	1514392,49	574818,95
областной бюджет	606025,36	278437,20
бюджет города Ижевска	155765,00	122947,08

Как видим, все местные бюджеты в составе планируемого консолидированного бюджета ВАО были сведены с дефицитом, причем самый минимальный разрыв между планируемыми расходами и ожидаемыми доходами был характерен не для бюджета области, а для бюджета областного города [1, ф. р–195, оп. 1, д. 153, л. 342–343]. Работники финансового аппарата предполагали, что в прогнозируемый период структура доходов бюджета Ижевска будет представлена поступлениями от местных налогов и сборов, оброчных статей и надбавок к промысловому налогу. Также в общей сумме ожидаемых доходов учитывалась свободная наличность, отнесенная на второе полугодие 1923–1924 финансового года [1, ф. р–195, оп. 1, д. 153, л. 315]. В числе источников бюджетных доходов рассматривались доходы от коммунального хозяйства, нуждавшегося в инвестиционных вливаниях.

Областной отдел коммунального хозяйства осуществлял управление муниципализированными заданиями, многие из которых находились в разрушенном или недостроенном состоянии. Поэтому отдельные муниципализированные строения в целях предотвращения их дальнейшего разрушения были сданы в

аренду «на условиях их ремонта и восстановления» [1, ф. р–195, оп. 1, д. 155, л. 109]. Иначе к решению аналогичной проблемы подошел Ижевский городской Совет, который инициировал продажу муниципализированных жилых зданий, придя к выводу, что доходы от квартирной платы не покрывают затраты на ремонт жилых домов. Плановые работы по ремонту муниципализированного жилого фонда в Ижевске предусматривали замену сгнивших венцов, перестилку полов, перекладку русских печей, перекрытие деревянных крыш, ремонт и окрашивание железных крыш [1, ф. р–234, оп. 1, д. 405, л. 11–12]. Усилия местных органов власти по сдаче в аренду и продаже муниципализированного жилого фонда давали бюджетной системе поступления от использования муниципальной собственности, но они не являлись значительными.

Облсполком, планируя бюджет на второе полугодие 1923–1924 г., ожидал, что основным источником финансирования дефицита местных бюджетов автономной области выступают дотации из центра [1, ф. р–195, оп. 1, д. 153, л. 342–343]. Следовательно, в реальности местные бюджеты не обладали полной финансовой самостоятельностью, так как не располагали финансовыми ресурсами, достаточными для покрытия всех необходимых расходов.

Финансовые механизмы, появившиеся в период новой экономической политики, побуждали исполнительные комитеты местных Советов быть активными участниками рынка ценных бумаг. Например, своеобразным источником пополнения бюджетных доходов автономной области могла стать ссуда, предоставляемая по итогам размещения среди населения облигаций выигрышного займа. Её размер определялся в пределах 10 % от общей суммы вырученных средств. Ссуда имела целевое назначение, поэтому в 1923 г. её можно было направить исключительно на финансирование коммунального строительства в городах, а именно: «восстановление, капитальный ремонт, расширение коммунальных предприятий и сооружений» [1, ф. р–195, оп. 1, д. 111, л. 8]. Местным Советам были доступны кредитные средства. При Госбанке действовал отдел коммунального кредита, осуществлявший выдачу местным органам долгосрочных

ссуд сроком до 15 лет на развитие предприятий местного хозяйства и краткосрочных ссуд для «подкрепления оборотных средств по местному бюджету» [1, ф. р–195, оп. 1, д. 111, л. 29]. Некоторые источники бюджетных доходов, появившиеся в результате деловой активности местных органов власти, имели целевое назначение. Деятельность местных органов власти по развитию страхования могла содействовать увеличению доходных статей и развитию целевого бюджетного финансирования. Бюджетное законодательство предписывало 20 % от чистой годовой прибыли Госстраха передавать в распоряжение местных Советов для организации борьбы со стихийными бедствиями [1, ф. р–234, оп. 1, д. 114, л. 48].

Наиболее востребованным способом покрытия дефицита являлись трансферты из общегосударственного бюджета. Так, в рамках межбюджетных отношений СНК РСФСР под председательством А. И. Рыкова выделил Ижевскому городскому Совету 15000 руб. в мае 1924 г. из резервного фонда СНК РСФСР «для усиления школьного фонда» [1, ф. р–234, оп. 1, д. 400, л. 36].

Местные органы власти, получившие ограниченную финансовую самостоятельность, обязаны были направлять местные средства на содержание сельских советов и волостных исполкомов, школ первой ступени, лечебных заведений, милиции, народных судов и исправительных заведений, а также покрывать расходы по сельскому хозяйству и найму, освещению, водоснабжению, ассенизации помещений, предназначенных для расквартирования войсковых частей Красной Армии [1, ф. р–234, оп. 1, д. 112, л. 25]. Остальные нужды местного сообщества финансировались при наличии средств. К примеру, в Ижевске работы в области городского благоустройства до 1923 г. не имели регулярного характера. По оценке заведующего Ижевским городским отделом местного хозяйства (далее — горместхоз) И. С. Вотякова, первые ассигнования по сметам на нужды городского благоустройства были произведены в 1923–1924 финансовом году [1, ф. р–176, оп. 1, д. 23, л. 10, 12].

Установление местных налогов сопровождалось на местах обсуждением вопросов целесообразности введения тех или иных

налогов. В областном финансовом отделе в феврале 1924 г. рассматривался вопрос об исключении из местного обложения отдельных налогов, так как по одним налогам отсутствовали объекты обложения, а по другим — идущие в бюджет поступления не окупали расходы по их взиманию. По мнению управления областного финансового отдела, в регионе отсутствовали объекты обложения по таким видам местных налогов, как налог с перевозного промысла, промышленных садов и огородов, имуществ, получающих особые выгоды от вновь осуществляемых мероприятий [1, ф. р–234, оп. 1, д. 353, л. 5]. Для исчисления налога с промышленных садов и огородов за десятину облагаемой площади принимали 125 деревьев в возрасте плодоношения [1, ф. р– 34, оп. 1, д. 114, л. 10]. Налог с имуществ, получающих особые выгоды от вновь осуществляемых мероприятий длительного назначения, предназначался для усиления коммунального бюджета и предполагал следующие случаи его установления: 1) замощение улиц; 2) прокладка водопроводных, канализационных и электрических магистралей, присоединение домовладений к существующим магистралям; 3) проведение трамвайных магистралей; 4) устройство тротуаров, проведение новых и ремонт старых дорог, подъездных путей, мостов; 5) укрепление или засыпка оврагов, укрепление берегов, осушение топких мест в городах; 6) разведение садов, парков и скверов, устройство бульваров. Налог распределялся между всеми домовладениями и торгово-промышленными предприятиями, на которые распространялись выгоды от осуществленных мероприятий [1, ф. р–195, оп. 1, д. 111, л. 1]. В дополнение к местным налогам, по которым в области не была выявлена налоговая база, налоговые органы считали затратным взимание налогов с велосипедов, яхт, моторных лодок, самовозных экипажей, строений, мелкого скота и других домашних животных [1, ф. р–234, оп. 1, д. 353, л. 5]. В денежной оценке на 1922–1923 финансовый год сбор с велосипеда составлял 200 руб., яхты (экипажа, моторного судна) — 400 руб. Налог со строений, находящихся в пределах городских поселений, исчислялся в размере 1 % от стоимости строения и уплачивался один раз в год [1, ф. р–234, оп. 1, д. 112, л. 24]. По

решению Президиума облисполкома от 25 декабря 1922 г. предельная ставка налога, собираемого с головы мелкого скота, составляла 100 руб. [1, ф. р–234, оп. 1, д. 114, л. 2].

В то же время по некоторым местным налогам руководство области считало целесообразным провести повышение налоговых ставок, а именно: с крупного рогатого скота, лошадей и выездных экипажей [1, ф. р–234, оп. 1, д. 353, л. 5]. Безусловно, в первую половину 1920-х гг. производственная деятельность многих единоличных крестьянских хозяйств не обходилась без применения лошадей. Информация о конском поголовье в Ижевском уезде представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Динамика конского поголовья в Ижевском уезде
в период с 1921 по 1923 г.**

Год	Взрослые лошади	Молодняк
1921	20401	6265
1922	15762	4216
1923	19244	3695

Данные табл. 2 показывают, что в начале 1920-х гг. конское поголовье в Ижевском уезде постепенно сокращалось [1, ф. р–234, оп. 1, д. 29, л. 37].

Наличие местных бюджетов на уровне уездов области содействовало политической мобилизации сельского населения, большей вовлеченности селян в деятельность уездных Советов. В работе Ижевского уездного съезда Советов в ноябре 1924 г. приняли участие 42 делегата [1, ф. р–195, оп. 6, д. 4. л. 363]. В 1926 г. Ижевский уезд состоял из 12 волостей с численностью населения 222672 чел., объединенных в 39726 дворов. Для сельских районов области весьма актуальными являлись вопросы создания объектов социальной инфраструктуры. В Ижевском уезде с достаточно большой численностью сельского населения больницы размещались только в четырех волостях [1, ф. р–176, оп. 1, д. 29, л. 20, 52].

О реальном финансовом потенциале ВАО можно судить по показателям консолидированного бюджета за 1924–1925 финансовый год (табл. 3).

Из данных табл. 3 следует, что профицит областного бюджета превышал 129 тыс. руб., тогда как профицит бюджета областного города составлял 3,8 тыс. руб. [1, ф. р–195, оп. 1, д. 229, л. 1].

Таблица 3

**Исполнение консолидированного бюджета ВАО
за 1924–1925 финансовый год**

Местный бюджет	Сумма расходов (факт), руб.	Сумма доходов (факт), руб.
Консолидированный бюджет области, из него:	2999608	3204835
областной бюджет	1074489	1203611
бюджет города Ижевска	343134	346935

В структуре затрат консолидированного бюджета расходы по коммунальному хозяйству и на пути сообщения составили 4,96 % и 1,32 % соответственно. РСФСР предоставила области пособие в размере 11,7 тыс. руб. на дорожное строительство [1, ф. р–195, оп. 1, д. 229, л. 11]. Наибольший удельный вес в структуре доходов консолидированного бюджета имели следующие источники: пособия из общегосударственных средств (33,6 %), доходы по коммунальному хозяйству (6,2 %), пособия из запасного фонда (5,0 %), местные налоги и сборы (3,9 %). На долю займов пришлось не более 0,2 % платежных средств консолидированного бюджета ВАО [1, ф. р–195, оп. 1, д. 229, л. 129].

Платежеспособность системы местных бюджетов к середине 1920-х гг. во многом была достигнута благодаря денежной политике, проводившейся в СССР с целью укрепления национальной валюты и придавшей рублю высокую покупательную способность по сравнению с иностранными валютами. В июне 1924 г. фунт стерлингов стоил на вольном рынке в Москве 8 руб. 35 коп., доллар США — 1 руб. 90 коп. Информация о валютном курсе поступала в губернские и областные финансовые органы из Валютного управления НКФ СССР [1, ф. р–195, оп. 6, д. 4, л. 95].

Неизбежными расходами бюджетной системы выступали затраты на содержание штата налогового аппарата. В 1924–1925 финансовом году Ижевский городской Совет выделил 998 руб. 55 коп. на содержание трех сборщиков местных налогов. Ежемесячная заработная плата одного сборщика местных налогов, тарифицированного по второму разряду, составляла 28 руб. 75 коп. [1, ф. р–234, оп. 1, д. 406, л. 59–60].

Система местных бюджетов несла на себе серьезную социальную нагрузку. Еще в декабре 1921 г. были установлены меры по социальному обеспечению членов семей лиц, призванных в ряды Красной Армии. По состоянию на июнь 1924 г. из бюджета Ижевского городского Совета выплачивались пенсии нетрудоспособным членам семей красноармейцев и краснофлотцев, находящихся на строевом довольствии. При расчете размера пособия учитывалось количество нетрудоспособных членов семьи. Семье военнослужащего с одним нетрудоспособным выплачивали 5 руб., с двумя нетрудоспособными — 8 руб., тремя и более нетрудоспособными — 12 руб. [1, ф. р–234, оп. 1, д. 400, л. 14–15].

В 1924–1925 финансовом году Ижевский городской Совет осуществил расходы по выплате пенсий инвалидам, семьям инвалидов войны и военнослужащих в размере 21403 руб. Всего социальную поддержку в указанный период получили 328 чел. Пенсия инвалидов первой группы составляла 15 руб., второй — 10 руб., третьей — 7,5 руб. Инвалидами первой группы по заключению врачебно-контрольной комиссии признавались «утратившие трудоспособность 100 % и нуждающиеся в постоянном уходе». К инвалидам второй группы относили лиц с утратой трудоспособности на 65–100 %, к третьей группе инвалидности — на 40–65 % [1, ф. р–234, оп. 1, д. 405, л. 35–36].

Местные органы власти целенаправленно вовлекались центром в работы по долгосрочному планированию. Госплан РСФСР регулировал вопросы капитального строительства в масштабах Республики с определением перспектив развития на десятилетие, взаимодействуя с губернскими и областными структурами государственного управления. В октябре 1925 г. областная плановая комиссия ВАО под руководством Никифорова

определила сооружение водопровода и канализации в качестве первоочередных задач капитального строительства в Ижевске [1, ф. р–176, оп. 1, д. 23, л. 41, 43]. Таким образом, население областного города нуждалось в современной коммунальной инфраструктуре, но из-за ограниченности бюджетных средств могло рассчитывать на её создание в отдаленной перспективе. Например, в 1925 г. общая протяженность улиц Ижевска достигала 100 км. Ижевский городской Совет выделял на замощение улиц незначительные средства, позволявшие за сезон замостить не более одного километра дорог [1, ф. р–177, оп. 1, д. 156, л. 63].

Местные бюджеты встраивались в финансовую систему страны и для решения многочисленных проблем коммунального хозяйства. По указанному направлению деятельности местные Советы контролировались НКВД. Вопросами развития коммунального хозяйства в масштабах РСФСР занималось Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР, во главе которого в 1922–1925 гг. стоял член коллегии НКВД М. В. Земблюхтер. Нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов усматривал первостепенную задачу в правильном распределении кадрового потенциала коммунальной отрасли в масштабах РСФСР [1, ф. р–176, оп. 1, д. 23, л. 39–40]. На этом основании НКВД РСФСР собирал информацию о заведующих губернскими и областными отделами местного хозяйства, уведомляя местных руководителей, что кадровая политика проводится для «более полного учета ответственных работников местных органов ведомства НКВД с целью более правильного и целесообразного их использования, своевременного выдвижения и планомерности работы по перегруппировке работников и усилению наиболее слабых аппаратов местных органов» [1, ф. р–195, оп. 6, д. 14, л. 50]. Результаты деятельности заведующего отделом местного хозяйства ВАО П. И. Обухова, занимавшегося вопросами коммунального хозяйства в период с 1922 по 1925 г., оценивались местными руководителями положительно, заведующий характеризовался как незаменимый специалист [1, ф. р–195, оп. 6, д. 14, л. 54].

Наказы избирателей для Ижевского городского Совета «являлись основой всей практической работы» представительного органа [1, ф. р–177, оп. 1, д. 262, л. 2]. Депутаты Ижевского городского Совета развитие городской инфраструктуры усматривали в замощении улиц и базарных площадей, проведении водопровода, увеличении и улучшении электроосвещения, усилении противопожарных мероприятий, расширении общественных садов, доступных для масс [1, ф. р–177, оп. 1, д. 223, л. 58, 60–61]. Деятельность по озеленению городской территории выступала составляющей многих мероприятий. К примеру, новый советский праздник «День леса» был воспринят в Ижевске как повод для благоустройства городской территории. Работы горместхоза в мае 1925 г. предусматривали посадку деревьев на свободных площадях и проведение работ по огораживанию саженцев [1, ф. р–234, оп. 1, д. 405, л. 10].

Высокий показатель выполненных наказов избирателей достигался благодаря ответственности депутатов Ижевска и финансовой устойчивости городского бюджета, который за 1925–1926 финансовый год был исполнен с профицитом: «в доходной части составлял 865850 руб. и в расходной части по фактическому расходу — 791584 руб.» [1, ф. р–195, оп. 6, д. 22, л. 104]. Остаток денежных средств, сформировавшийся по итогам 1925–1926 финансового года, депутаты включили в доходную часть бюджета предстоящего года. В течение бюджетного периода Ижевск получил субсидию из центра в размере 100 тыс. руб. на школьное строительство, передав по решению облисполкома 25 тыс. руб. в областной бюджет для организации школьного строительства в деревне. Таким образом, межбюджетные отношения в границах автономной области допускали перераспределение идущих из Москвы целевых дотаций в пользу вышестоящего регионального бюджета без изменения их целевой направленности. [1, ф. р–195, оп. 6, д. 22, л. 104].

Бюджетная политика, приводившая к постепенному решению проблем территориального развития, положительно сказывалась на демографической ситуации в областном городе.

Ижевск в 1925 г. продемонстрировал положительный естественный прирост: на 1312 рождений приходилось 646 смертей [1, ф. р–177, оп. 1, д. 222, л. 22].

О результативности бюджетной политики в ВАО можно судить по материалам государственного финансового контроля, проведенного заместителем заведующего областным финансовым отделом Ефимовым и заведующим подотделом государственного финансового контроля Лукиным. Внутренний аудит установил, что за период с 1924 по 1928 г. в бюджетной системе ВАО были допущены следующие ошибки: «производство расходов не по прямому назначению», перерасход бюджетных средств против утвержденных смет, осуществление расходов за счет других сметных подразделений [1, ф. р–177, оп. 1, д. 263, л. 108, 110]. Допущенные нарушения, как правило, были продиктованы пересмотром приоритетов в бюджетных расходах.

Итак, деятельность местных органов власти по вопросам бюджетной политики в ВАО строилась в рамках ограниченной финансовой самостоятельности. Москва стремилась пресечь иждивенческие настроения на местах, предоставив местным Советам и исполкомам возможность получения бюджетных доходов от эффективного управления местным хозяйством, муниципальной собственностью, использования ресурсов финансового рынка. Несмотря на осуществленное в рамках бюджетной системы РСФСР закрепление за местными бюджетами конкретных расходных полномочий, местные органы ВАО выделяли по приоритетным для автономной области расходам суммы, превышающие сметные ассигнования, или средства, изначально предназначенные для покрытия других бюджетных расходов. Профицит бюджетных средств, устойчивость бюджетной системы в ВАО достигались при помощи межбюджетных трансфертов, поступавших из бюджета РСФСР и перераспределявшихся в рамках бюджетной системы автономной области. Финансовый потенциал ВАО поддерживался посредством принятия управленческих решений по вопросам кадрового потенциала, повышения ответственности служащих финансовых органов, организации делопроизводства в финансовом аппарате, увеличения бюджетных доходов путем пересмотра налоговых ставок, сокращения

расходов на взимание местных налогов и сборов, использования привлеченных кредитных средств и бюджетных дотаций. Способность участников бюджетного процесса исполнять местные бюджеты с профицитом при обязательном выполнении спущенного сверху требования о финансировании неотложных расходов и периодическом изыскании средств на реализацию отдельных мероприятий в рамках задач территориального развития содействовала становлению Удмуртии как самостоятельного региона России в первую половину 1920-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).
2. *Зубкова О. Г.* Городское благоустройство как одно из направлений деятельности Ижевского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов Вотской автономной области в период с 1922 по 1930 г. // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2015. Т. 27. Вып. 1. С. 53–63.
3. *Клецкина О. Г.* Организационные основы деятельности местных финансовых органов народного комиссариата финансов в начале 1920-х годов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2017. Т. 25. Вып. 1. С. 30–37.

В. В. Филатов

г. Магнитогорск (Россия)

Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова

УДМУРТСКИЕ ЕДИНОЛИЧНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х — 1930-х гг.

В статье проанализировано состояние удмуртских единоличных хозяйств на протяжении второй половины 1920-х – 1930-х гг. Данная проблематика пока еще не полностью освящена как в исторической, так и экономической литературе. На основе различных источников и литературы предпринята попытка восполнить недостающие знания по весьма актуальной теме. Исследование выявило, что аграрная политика советского государства тех лет была направлена на ликвидацию единоличных хозяйств и создание в сельском хозяйстве только колхозно-совхозного производства. Численность крестьян-единоличников резко уменьшилась. Наиболее трудолюбивые сельские жители были раскулачены и высланы за пределы области. Политика заготовок, налогообложения, самообложения, обязательного страхования, займы и другие меры вынуждали крестьян прекращать ведение своего хозяйства. Все это вело к сокращению посевов и уменьшению количество скота в этих хозяйствах.

Ключевые слова: единоличные крестьянские хозяйства, Удмуртия, раскулачивание, земледелие, животноводство, налоги.

Актуальность исследования объясняется тем, что в исторической науке еще остаются темы не полностью изученные. Одной из таких проблем является анализ деятельности удмуртских единоличных хозяйств в постнэповский период и в годы коллективизации. Завершение новой экономической политики, хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. окончательно определили отношение власти к индивидуальному хозяйству. На долю удмуртских крестьян, как и всех сельских жителей, выпала нелегкая доля. В связи с коллективизацией крестьяне лишились своей земли. Переход к

социалистическому хозяйствованию ограничивал их возможности для дальнейшего развития. Массовая коллективизация определила магистральный путь развития села. Раскулачивание вывело из сельского социума наиболее предприимчивых, состоятельных крестьян. В конце 1930-х гг. практически не осталось селян, самостоятельно распоряжавшихся землей. Все аграрные преобразования советской власти направлялись на развитие колхозно-совхозного производства.

Начало изучению единоличных крестьянских хозяйств было положено в трудах удмуртских ученых К. И. Шибанова, К. И. Куликова, Г. А. Никитиной, Н. И. Хитриной, и др. [3; 5; 6; 7; 12; 16; 20]. Научная новизна данного исследования состоит в анализе и систематизации в основном новых источников и литературы. Развитие единоличных крестьянских хозяйств Удмуртии изучено в сравнении с другими субъектами Уральского экономического района, прежде всего, с Уральской областью. Это позволило определить специфику удмуртского единоличного хозяйства. На основе расчетов автора в первую очередь анализу подвергнуты динамика и темпы спада экономического развития этих хозяйств. Выявлены меры властей по окончательной ликвидации единоличных хозяйств.

В течение 1920-х — 1930-х гг. территориальные границы и наименование Удмуртии неоднократно менялось. Территориальные рамки исследования включают до 1932 г. Вотскую автономную область, затем до 1934 г. — Удмуртскую автономную область и с 1937 г. — Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. До 1934 г. Сарапульский округ (район) входил в состав Уральской области, а в дальнейшем — в Кировский край (область). В 1937 г. он был присоединен к Удмуртской республике. Поэтому условно данное исследование можно разделить на два этапа: середина 1920-х — 1933 гг. и 1934–1939 гг. Это позволит раскрыть особенности Вотской области и Удмуртской автономии.

После решений директивных органов о переходе к кооперированию, а затем к коллективизации количество индивидуальных хозяйств стало резко уменьшаться. Если в 1927 г. в Вотской области насчитывалось 120,7 тыс. единоличных хозяйств, то в

1933 г. — 44,7 тыс. (уменьшение в 2,7 раза), тогда как в Уральской области из 1240,3 тыс. хозяйств осталось 331,5 тыс. (сокращение в 3,7 раза) [8, ф. 1562, оп. 73, д. 102, л. 41, 55, 55об; оп. 82, д. 272, л. 61; 19, ф. 234, оп. 1, д. 1605, л. 2об]. В 1934 г. в Удмуртии имелось уже 23,8 тыс. хозяйств, в 1937 г. — 10,4 тыс., а в Свердловской области — 107,5 тыс. и 41,4 тыс., тогда как в Челябинской области — 71,4 и 10,4 тыс. единоличных хозяйств соответственно [8, ф. 1562, оп. 73, д. 102, л. 57; оп. 82, д. 272, л. 2, 14–15, 22–24, 38, 39, 41, 44, 55, 61; ф. 4, оп. 31, д. 30, л. 41; 2, ф. 1813, оп. 1, д. 886, л. 4об; 9, ф. 485, оп. 12, д. 36, л. 38]. По итогам Всесоюзной переписи 1939 г. среди сельского населения Удмуртии крестьяне-единоличники составляли 2,5 %, как и в Пермской области, тогда как в Свердловской области — 1,5 % и Челябинской области — 1,2 %. Удмуртских единоличников в сельской местности насчитывалось 11781 чел. [1, с. 91, 98–99, 142, 246, 301; 4, с. 37].

К сокращению единоличных хозяйств привело и раскулачивание. Из 119 тыс. хозяйств Вотской области раскулачиванию подверглось 5 %. В этой области в начале 1930 г. раскулачили 7436 хозяйств (6,1 % от всех дворов). По другим данным, их количество доходило до 8,5 тыс. Однако из этого количества при проверке восстановили в правах 38,8 % хозяйств. В Базезинском ероесе после раскулачивания восстановили 71 % семей, в Глазовском — 58,9 %. В связи с этим, доля раскулаченных понизилась до 3,7 % [19, ф. 195, оп. 6, д. 33, л. 184об; 7, с. 168]. В Уральской области в 1930 г. из всех 15,2 тыс. семей, намеченных к раскулачиванию, в Сарапульском округе предполагалось раскулачить 1100 семей [18, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 105].

По наличию земли удмуртские единоличные хозяйства были неодинаковы. Накануне коллективизации в Вотской области начался передел земельного фонда. Если до передела 1929 г. удмуртские так наз. кулацкие хозяйства обладали 42,6 % хорошей земли, 26,4 % — средней и 31 % — плохой земли, то после передела — 4,9 %; 17,3 % и 77,8 % соответственно. Изменения коснулись и беднейших хозяйств. До 1929 г. они имели четверть хорошей земли, треть — средней, а остальная часть приходилась на

плохую землю. После передела количество хорошей земли у бедняков возросло до $1/3$, средней — до $2/5$ [16, с. 68].

Как отмечала Г. А. Никитина, землеустроительно-передельная кампания 1929 г. означала слом уравнилельно-передельного механизма удмуртской общины. Земельные переделы предыдущего периода были призваны, по представлениям крестьян, восстановить справедливое наделение землей, создать равные экономические возможности для всех общинников, а передел 1929 г. был направлен на социальный раскол деревенского общества [7, с. 38]. Возникновение «Лудорвайского дела» о массовой наказании крестьян за потраву окончательно определило судьбу удмуртских зажиточных крестьян [19, ф. 30, оп. 5, д. 7, л. 1; 5].

После первых неудач с массовой коллективизацией с весны 1930 г. несколько смягчились условия получения земли для неколхозников. Хотя в Постановлении ЦИК и СНК СССР «О мерах содействия расширению площади посева в единоличных хозяйствах» заявлялось о приверженности Закону о землеустройстве и землепользовании, но одновременно упоминалось о том, что единоличные хозяйства, вышедшие из колхоза или не вошедшие в колхоз, не должны получать неудобные земли, если за пределами коллективного поля есть возможность отвода близко расположенных и удобных земель. При этом запрещалось уменьшение размеров земельных наделов единоличных хозяйств [10]. Однако, как и раньше, при отводе земельных участков единоличникам доставались земли, совершенно непригодные для проведения сельскохозяйственных работ [18, ф. 4, оп. 8, д. 405, л. 19об].

Если в 1927 г. обеспеченность посевом одного единоличного хозяйства Вотской области составляла 4,93 га, а в Уральской области — 4,59 га, то в 1933 г. — 4,3 га и 1,3 га соответственно. В 1934 г. посевные площади удмуртских единоличников возросли до 6,35 га, а в Свердловской достигли 1,18 га, в Челябинской области — 1,01 га. Но в 1937 г. ситуация изменилась. Единоличники в Удмуртии имели уже 0,95 га, свердловские — 0,26 га и челябинские единоличники — 0,1 га [15, с. 221–222].

Анализ размеров посевных площадей индивидуальных хозяйств показывает, как проводилось вытеснение единоличников из экономической жизни села. Вместе с уменьшением численности единоличных хозяйств сокращались и посевные площади. При этом размеры посевов становились все меньше и меньше в силу внеэкономического принуждения. Одновременно с ростом посевов государственных и коллективных хозяйств началась ликвидация единоличных подворьев. При этом данный процесс на Урале осуществлялся более ускоренными темпами, чем в стране. Однако в регионе перераспределение земли проходило неодинаково: быстрее в Уральской области и медленнее в Удмуртии.

Посевы зажиточных хозяйств передавались в колхозы. Середняки и бедняки при вступлении в колхоз добровольно сдавали свои участки в коллективное пользование. Оставшиеся единоличники находились в тяжелейшем положении в связи с жесткими экономическими ограничениями по всем направлениям их жизнедеятельности.

Сокращение посевов у единоличников шло параллельно с уменьшением зерновых площадей, причем посевы хлебных культур снижались более быстрыми темпами. Чтобы выжить в непростых условиях экономической изоляции, крестьянам приходилось сократить посевные площади зерновых и обратить свое внимание на картофель и овощи. Теперь уже не было необходимости заниматься кормовыми культурами: скота осталось немного. Техническим культурам также не отдавалось предпочтение, когда стоял вопрос выживания. С одной стороны, ограничения единоличных посевов проводили властные структуры на местах, а с другой, и сам крестьянин уже не мог позволить себе содержание большого участка.

С помощью индивидуального хозяйства сформировалось колхозное животноводство, и часть скота единоличников получили государственные хозяйства. Для этого принимались разнообразные меры внеэкономического воздействия. Численность хозяйств единоличников, имевших скот, позволяет увидеть реальные изменения в благосостоянии крестьянства. Основные тенденции в этом направлении за 1927–1933 гг. свидетельствуют о том,

что положительных результатов было не так уж и много. В Уральской области без скота находилось от 5,6 % (1929 г.) до 18,7 % (1932 г.) единоличных хозяйств. В расчете на одного едока в Вотской области в 1926/27 г. не имели скота 6,2 % хозяйств, в Уральской области — 8,1 %. В 1927 г. в Вотской области скот не держало 2,7 % хозяйств, а в 1928 г. этот показатель уменьшился до 1,9 %. Без рабочего скота в Уральской области в 1927–1929 гг. было каждое пятое хозяйство единоличника. В Вотской области рабочий скот в 1927–1928 гг. не имело каждое десятое хозяйство, тогда как в 1926–1927 гг. — каждое третье единоличное хозяйство. В Уральской области в 1925–1929 гг. примерно у каждого четвертого единоличного хозяйства было две головы рабочего скота, тогда как в Вотской области в 1927–1928 гг. — у каждого пятого хозяйства [14, с. 63, 65].

По обеспечению скотом удмуртские единоличные хозяйства выглядели следующим образом. Если в 1927 г. на хозяйство приходилось в среднем 0,96 лошади, 1,26 голов крупного рогатого скота, 0,44 свиньи, то в Уральской области положение было лучше — 1,7; 3,23 и 0,9 голов соответственно. В 1934 г. единоличник Удмуртии обладал 0,74 лошадьми, 1,23 головами КРС и 0,47 свиней, тогда как свердловские единоличные хозяйства имели в наличии 0,36; 0,77 и 0,22 голов, а челябинские единоличники — 0,22; 0,75 и 0,05 голов соответственно. В 1937 г. количество скота в единоличных хозяйствах Удмуртии резко сократилось: стало всего 0,27 лошадей, 0,44 голов КРС и 0,27 свиней. В Свердловской области — 0,23; 0,54 и 0,16 голов, а в Челябинской области — 0,18; 0,87 и 0,06 голов скота соответственно [14, с. 261–262]. В стране проводилась целенаправленная политика по разорению единоличных хозяйств. В силу различных преград единоличник не мог полноценно заниматься скотоводством. Государством предпринимались все меры по переходу единоличника в колхоз. Непомерные налоги, высокие заготовительные задания, необеспеченность кормами вынуждали крестьянина отказаться от животноводства.

Единоличные хозяйства за невыполнение обязательств по заготовкам ожидала судебная ответственность [17, ф. 16, оп. 1, д. 1873, л. 48]. В 1935 г. в Удмуртии из 1114 *т* недовыполненных

хлебопоставок 93,9 % приходилось на единоличные хозяйства [19, ф. 711, оп. 2, д. 10, л. 20]. Чтобы получить больше хлеба единоличникам даже оказывалась помощь в молотье и отправке на приемные пункты, а если это не помогало, то привлекали к судебной ответственности глав семей [19, ф. 711, оп. 1, д. 4, л. 23].

В Удмуртии слабый ход мясopоставок объяснялся отсутствием концентратов и грубых кормов. Командированный в Можгинский район на заготовки осенью 1937 г. управляющий Удмуртской конторой «Союззаготшерсть» докладывал в вышестоящие органы, что «при беседе с колхозниками и единоличниками неплательщиками мяса они говорят, что платить нечем, нет скота, да, верно, у некоторых нет, но у некоторых и есть корова, но последнюю корову не дает» [19, ф. 772, оп. 1, д. 88, л. 122об]. Так складывались отношения заготовителей с единоличниками. Они готовы были забрать и последнюю корову.

Важным источником пополнения бюджета являлась налоговая система, направленная, прежде всего, против единоличников. Нормы доходности единоличных хозяйств в Уральской области были различны. По посеву минимальные нормы доходности десятины земли в Сарапульском округе равнялись 36 руб., а максимальные нормы были установлены в горнозаводской зоне (в Тагильском и Свердловском округах) — 48 руб. Налог требовалось уплатить: к 1 октября 1929 г. — 30 % годового оклада, к 15 декабря — 50 % и к 1 февраля 1930 г. — 20 %. Для хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, сроки были ограничены — до 1 октября 1929 г. — половину оклада и к 15 декабря — остальную часть. Одновременно с учетом источников доходов, привлекаемых к обложению сельхозналогом, проводился учет и объектов окладного страхования [13, с. 41–49].

С каждым годом налоги с единоличников возрастали. По Постановлению ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственном налоге на 1935 год» средние нормы доходности для единоличных хозяйств в Уральском регионе выглядели таким образом. Наивысшую норму доходности гектара посева

зерновых в Уральском регионе имели хозяйства Удмуртии — 80 руб., а наименьшую в Оренбургской области — 60 руб. По огородам и бахчам вновь первенствовала Удмуртия — 700 руб., и меньшую доходность определяли в Оренбуржье и Башкирии — 600 руб. Норма доходности от головы лошади самой высокой была в Удмуртии — 150 руб. Она на 1/5 превосходила показатели РСФСР, тогда как в Башкирии норма равнялась 110 руб. То же самое наблюдалось и по коровам — высшая доходность в Удмуртии составляла 110 руб. (в РСФСР — 105 руб.), а в Башкирии 60 руб. — разрыв достигал почти 2 раза [11]. Как видно из приведенного документа, самые тяжелые времена наступили для удмуртских крестьян, имевших нормы обложения, поставившие их на грань выживания.

Таким образом, аграрная политика советского государства была направлена на скорейшую ликвидацию крестьянских единоличных хозяйств. Эти хозяйства были поставлены в такие условия, что не могли самостоятельно решать насущные задачи по производству продуктов питания, иметь излишки продукции на реализацию, более совершенные орудия труда, не говоря о какой-либо технике. Из года в год посевы единоличников неуклонно сокращались, не хватало средств на проведение элементарных агротехнических мероприятий. Кормовых культур не доставало, что неминуемо вело к уменьшению поголовья скота, падежу, снижению его качественных характеристик.

В статье проанализирована лишь незначительная часть тяжелейшего положения удмуртских единоличных крестьян. Усиление налогового нажима на единоличные хозяйства направлялось на быстрейшее вовлечение крестьян в колхозы. Сельскохозяйственный налог ограничивал возможности развития индивидуального хозяйства. Сдача сельскохозяйственного налога не учитывала изменение природно-климатических условий, и в неурожайные годы производителям приходилось отдавать последние деньги. Сборы основных и дополнительных налогов, самообложение, обязательное страхование, займы и т. п. сопровождалось нарушением прав человека, применением репрессивных мер. Минимальные сроки

платежей и заготовок действовали на психику человека и не оставляли никаких надежд на льготы. Удмуртские единоличники в этом случае не являлись исключением среди других крестьян страны. Они влачили жалкое существование, разорялись, вынуждено вступали в колхозы и совхозы, или покидали деревню.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
3. История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
4. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
5. *Куликов К. И.* «Лудорвайское дело» и «Великий перелом» в Удмуртии // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. Ижевск, 1991. С. 109–169.
6. *Леконцев О. Н.* Коллективизация в Удмуртии (Вотской области) и Кировской области (Вятской губернии) в 1930–1933 гг. // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. №6. С. 82–88.
7. *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период (1917 — начало 30-х годов). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 220 с.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
10. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). 1930. № 24. Ст. 254.
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1935. № 15. Ст. 161.
12. Удмуртская Республика. Энциклопедия. Изд. 2-е исправ. и дополн. Ижевск: Удмуртия, 2008. 768 с.
13. Уральская новая деревня. 1929. № 15. С. 41–49.

14. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 264 с.
15. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия: Монография. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 260 с.
16. *Хитрина Н. И.* О проведении землеустройства в Удмуртии 1921–1929 гг. // Социально-культурные преобразования в Удмуртии в период строительства социализма (1917–1941 гг.). Ижевск, 1979. С. 54–68.
17. Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИ УР).
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).
19. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР).
20. *Шибанов К. И.* Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. 158 с.

С. К. Саркисов

г. Ижевск (Россия)

Центральный гос. архив Удмуртской Республики

ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ЛЫЖНОГО БАТАЛЬОНА НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТСКОЙ АССР В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

В статье излагаются исторические предпосылки создания добровольческих лыжных подразделений в Красной Армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Рассматривается процесс формирования 105-го легко-лыжного батальона из добровольцев Удмуртской АССР. Исследование выполнено на основе архивных источников, как опубликованных ранее, так и впервые введенных в научный оборот. Посвящается 80-летию формирования добровольческого батальона.

Ключевые слова: советско-финляндская война 1939–1940 гг., Красная Армия, РККА, лыжный батальон, добровольцы, Удмуртская АССР.

30 ноября 1939 г. началась советско-финляндская «зимняя» война. Боевые действия, хотя и без образования сплошной линии фронта, развернулись по всему периметру границы Советского Союза и Финляндии.

Основной удар Красная Армия наносила на Карельском перешейке между Балтийским морем и Ладожским озером, силами 7-й, а впоследствии и 13-й армий. На данном участке фронта находилась укрепленная оборонительная полоса из долговременных огневых сооружений и инженерных заграждений — так наз. «Линия Маннергейма», а также достаточно крупные силы прикрытия финнов. После неудачной попытки прорвать укрепления с ходу, предпринятой в декабре 1939 г., боевые действия на данном участке приняли позиционный характер. Красная Армия начала ряд мероприятий для методичного взламывания «Линии Маннергейма».

Иная ситуация складывалась на восточной границе Финляндии, севернее Ладоги, где наступали 8-я, 9-я и 14-я советские армии. Плотности войск здесь были намного ниже, чем на Карельском перешейке, поэтому сплошной линии фронта не существовало. Лесисто-болотистая местность и крайне малочисленная дорожная сеть во многом определили особенности действий сторон. Советские войска вынуждены были проводить автономные, разнонаправленные наступательные операции, без флангового взаимодействия соединений. Продвижение вглубь территории Финляндии велось вдоль грунтовых дорог, по которым могло осуществляться снабжение. При этом советские дивизии, оснащенные большим количеством техники, были в значительной степени лишены свободы маневра. Этим активно пользовалась противостоящая им финская сторона.

3 января 1940 г. уполномоченный Народного комиссариата обороны (НКО) в 9-й армии Никишев докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову: «Наши части по своей организации и насыщенности техникой, особенно артиллерией и обозом, не приспособлены к маневру и действиям на этом театре, они тяжеловесны и зачастую прикованы к технике, которая следует только по дороге. Кроме того, части действиям в особых условиях не обучены — леса боятся и на лыжах не ходят. Это слабое место белофинны нащупали и, используя свое преимущество в маневре, подвижности [за счет использования лыжников. — С. С.], знании местности и помощи населения, последовательно нападают на отдельные колонны и отдельные группы. Так, потрепав 163 сд [стрелковую дивизию], сейчас готовят то же с 44 сд и т. д. Если наши войска переходят к обороне, белофинны оставив небольшую сковывающую группу, остальные силы (до 2 батальонов) бросают на фланг и в тыл наших частей, где отыскав разрывы, занимают их, делают завалы и стремятся нанести огнем поражение, особенно конскому составу и обозу» [4, с. 254].

Действуя, главным образом, за счет высокой мобильности, хорошего знания местности и выучки, финские лыжники выходили на коммуникации советских соединений, отрезали их от

снабжения, блокировали эвакуацию раненых, больных и обмороженных красноармейцев. Таким образом, в декабре 1939 — январе 1940 г. финнам удалось частично или полностью окружить и нанести тяжелые потери войскам 18-й, 168-й сд и 34-й легкотанковой бригаде 8-й армии, 44-й, 54-й и 163-й сд 9-й армии [4, с. 9].

В качестве одного из основных способов противодействия тактике финнов, в упомянутом выше докладе предлагалось: «Пехоту и артиллерию поставить на лыжи... На ближайшую операцию в полку иметь особо облегченный лыжный батальон, а в батальоне роту как маневровое средство и ударную группу. Обучить войска технике передвижения и действиям на лыжах и специфическим элементам тактики... обходу флангов и окружению противника, а также преследованию» [4, с. 256]. Необходимо отметить, что широкое применение лыж предписывалось действовавшим на тот момент Полевым уставом РККА 1936 г., целая глава которого была посвящена особенностям ведения боевых действий зимой [1, с. 165–170]. Однако на практике многие пункты устава не выполнялись. В докладной записке наркому обороны К. Е. Ворошилову от 31 декабря 1939 г. командир одного из стрелковых полков 8-й армии полковник Раевский писал: «Удивительно мне слышать, что наши войска несут огромные потери и не имеют никакого успеха из-за того, что не умеют ходить на лыжах и не обучены лыжному делу. Как же это так случилось, почему же кто-то не выполнял Ваши неоднократные приказы о лыжной подготовке и почему же в войсках не выполняли требования ПУ-36 — глава десятая? Ведь в этой главе десятки раз и без конца напоминает о применении лыж. Почему же в войсках северных округов не овладели лыжным делом, когда им на все 100 процентов положено было выполнять требования ПУ-36 и других Ваших приказов? И почему же кто-то не подумал о заблаговременном завозе сюда лыж...» [4, с. 233].

Таким образом, не будет большим преувеличением сказать, что в начале советско-финляндской войны 1939–1940 гг. боеспособные лыжные части в Красной Армии отсутствовали, в то время как необходимость в них была высокой. Исправить ситуацию требовалось в кратчайшие сроки. Простейший способ —

выдача лыж в обычные стрелковые части в данном случае не годился, поскольку в Красной Армии применялся экстерриториальный принцип комплектования. Войсковых частей составленных из уроженцев определенных (например, северных) областей страны не существовало. В одной части могли служить как сибиряки и уралыцы, так и жители южных, малоснежных регионов Советского Союза — Украины, Закавказья, Средней Азии, мало знакомых с ходьбой на лыжах. Впрочем, немало таких бойцов было и среди уроженцев северных и центральных областей СССР.

В подобных условиях советское руководство пошло на экстраординарные меры. В конце декабря 1939 г. началось формирование лыжных эскадронов и добровольческих лыжных батальонов. Первые создавались на основе приказа Ставки Главного Командования № 0672 от 24 декабря 1939 г. из военнослужащих кавалерийских частей Киевского и Белорусского особых военных округов, хорошо владевших лыжами. Организационно лыжные эскадроны представляли из себя небольшие подразделения, штатной численностью 98 чел., вооруженных преимущественно автоматическим оружием [4, с. 237–238].

Одновременно в центральных и северных военных округах началось формирование лыжных батальонов на добровольной основе [3, с. 549]. На территории Удмуртской АССР было создано одно такое подразделение — 105-й отдельный легколыжный батальон [2].

Батальон состоял из трех стрелковых рот (каждая из которых была усилена отделением сапёров), пулеметной роты и взвода связи [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 73]. Старший и средний командный состав батальона был назначен из кадровых военных, а младший командный и рядовой состав набирался из числа добровольцев.

7 января 1940 г. телефонограммой Военного совета Уральского военного округа № 392/41 Удмуртскому обкому ВКП(б) и Военному комиссариату Удмуртской АССР было дано распоряжение о начале набора добровольцев. Сделать все предстояло в кратчайшие сроки — уже к 18 января планировалось завершить

вербовку добровольцев, а 25 января отправить батальон с территории Удмуртской АССР [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 73]. Сразу по получении распоряжения военный отдел Удмуртского обкома ВКП(б) по телефону начал инструктаж райкомов партии. На следующий день, из Военного комиссариата Удмуртской АССР в городские и районные военкоматы были направлены телеграммы с указаниями об особенностях набора добровольцев в лыжный батальон. В них значилось: «...организуите вербовку добровольцев лыжников из младшего начальствующего и рядового состава запаса, служивших в РККА или прошедших учебные сборы не менее трех месяцев, обязательно умеющих ходить на лыжах... Всю работу по набору добровольцев проводить в тесной увязке с партийно-комсомольскими, профсоюзными организациями без всякого шума и опубликования об этом в печати. Рекомендуются метод отбора: райвоенкоматы намечают [кандидатов в добровольцы. — С. С.], райкомы партии, комсомола путем персонального вызова вербуют. При наборе обязательно проверить умение ходить на лыжах, привлекая для проверки физкультурные организации. Всех отобранных тщательно проверить с контрольными органами, не устойчивых не принимать... Отбор закончить к утру 18 января, всех пропустить через медкомиссию... Очень желательно чтобы добровольцы шли со своими лыжами, их стоимость будет оплачена» [6, ф. р-742, оп. 1, д. 36, л. 12].

Однако на практике все происходило не столь гладко. Во многих районах Удмуртской АССР были допущены серьезные просчеты при вербовке добровольцев. Нередко вербовщики, умысленно или нет, не доносили точную информацию до кандидатов о порядке и принципах вступления в лыжный батальон. Например, в Каракулинском районе военнообязанным не разъяснили о *добровольном* принципе набора в батальон, не требовали от них и каких-либо заявлений. Прибывшие на формирование в Ижевск «добровольцы», считали себя мобилизованными в Красную Армию [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 87–88]. Команда добровольцев из Сюмсинского района полагала, что они прибыли на лыжные соревнования к 22-й годовщине РККА. Об этом шла речь при наборе, тогда как по направлению добровольцев на

фронт вербовщик не упомянул, ограничившись *намекami* о напряженном международном положении. В заявлениях о зачислении в лыжный батальон, которые добровольцы только подписали (видимо, не прочитав) значилось: «желаю вступить в РККА», «хочу защищать социалистическую Родину» и далее в том же духе. На вопрос почему так получилось, Сюзинский райвоенком ответил, что получив указания организовать набор добровольцев без шума, решил провести его под видом подготовки празднования очередной годовщины Красной Армии [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 79, 86]. Схожие ситуации отмечены еще в шести районах Удмуртской АССР. В результате, многие из неверно проинформированных «добровольцев» отказались от зачисления в лыжный батальон [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 76]. Были и напротив, честные (даже, излишне честные) вербовщики. На вопрос кандидатов на зачисление в батальон о том, на какой срок они будут призваны, инструктор военного отдела Вавожского райкома ВКП(б) Валов отвечал: «Война без жертв не бывает. Может быть некоторые товарищи совершенно не вернуться, может быть вернуться орденосцы-герои, но сказать точно, что вернуться через два-три месяца или через год нельзя» [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 38об]. В своей докладной он писал, что «...при вербовке я не гонялся за количеством и всех предупреждал, чтобы данный товарищ крепче подумал, что он едет не в гости, а защищать наше социалистическое отечество» [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 38об].

Другим недостатком при вербовке стало некачественное медицинское освидетельствование добровольцев районными медкомиссиями. Это также послужило причиной отсева значительного числа завербованных военнообязанных. В телеграмме Военного комиссариата Удмуртской АССР № 369 от 21 января 1940 г. районным военкоматам указывалось: «Призванные добровольцы многие оказались больными трахомой, туберкулезом, сифилисом...» [6, ф. р-742, оп. 1, д. 26а, л. 52]. Эту же проблему в своей докладной записке отмечал и инструктор военного отдела Удмуртского обкома ВКП(б) И. М. Галасеев: «...из Понинского и Карсовайского районов до десятка человек военнообязанных оказались больными трахомой. Из Старо-Зятцинского

района направили даже больных грыжей. Вообще в результате медицинской комиссии над прибывшими, выявилось много больных трахомой и венерическими болезнями (особенно гонореей)» [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 82].

Значительное внимание при отборе добровольцев уделялось политико-моральным критериям. Вступление в добровольческий батальон рассматривалось партийным и военным руководством Удмуртской АССР как почетное и ответственное дело. Поэтому вербовщики должны были в первую очередь агитировать записываться добровольцами коммунистов и комсомольцев. Неохотно принимали военнообязанных из семей, подвергшихся раскулачиванию, летунов, прогульчиков и др. Отсеивали по политико-моральным соображениям судимых, а так же тех лиц, чьи близкие родственники участвовали в гражданской войне на стороне белых. Вместе с тем, в отдельных районах к проверке кандидатов отнеслись невнимательно. Например, в Сюминском районе завербовали добровольцем гражданина Солодянкина, находившегося под следствием. За день до отправления команды в Ижевск он был осужден народным судом и таким образом выбыл из числа добровольцев [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 78]. В Дебесском районе добровольцем записался гражданин Лекомцев. При проверке по прибытию в Ижевск выяснилось, что он являлся осужденным, сбежавшим из места заключения (!) [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 89].

Имели место случаи, когда сами добровольцы пытались изменить свое первоначальное решение и отказаться от зачисления в лыжный батальон. С момента подписания заявления до отправки проходило несколько дней. За это время у людей была возможность обдумать свой выбор. В результате некоторые отказывались от поданных ими заявлений, трезво оценив уровень своей боевой и физической подготовки. Другие меняли решение по семейным обстоятельствам, в том числе вследствие прямого влияния членов семьи. Например, отказавшийся от поданного заявления житель Киясовского района П. К. Макаров «...был согласен итти добровольцем в Красную Армию, но когда пришел домой и сказал жене, последняя заплакала и начала говорить что

этого не нужно, начала меня уговаривать, чтобы я не ходил добровольцем в Красную Армию» [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 54]. Отдельные граждане проявляли и банальное малодушие. Поскольку отказаться от собственноручно подписанного заявления без веских причин было сложно, фиксировались случаи симуляции и самоговора (для отвода по политико-моральным причинам) [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 81, 90].

Структуру набора добровольцев, в связи с отсутствием данных по республике в целом, можно проанализировать на основе отчета Ижевского городского военкомата от 15 февраля 1940 г. Согласно данному документу всего по Ижевску планировалось завербовать 15 младших командиров и 70 рядовых, более трети из которых должны были составлять пехотинцы — стрелки (военно-учетная специальность № 1). Фактически же по Ижевску было набрано и успешно прошло комиссию 123 добровольца, из которых 27 чел. младшего командного и 96 рядового состава. При этом добровольцы имели весьма разнообразные военно-учетные специальности, относящиеся в том числе и к военнослужащим тылового обеспечения. Шестеро вообще не были обучены военному делу (возможно, проходили подготовку по линии Осоавиахима). Партийная прослойка составляла почти половину команды Ижевских добровольцев: 12 членов и 17 кандидатов в члены ВКП(б), 30 комсомольцев [6, ф. р-742, оп. 1, д. 36, л. 54–55]. В ходе прохождения комиссии было отсеяно 114 добровольцев из Ижевска, иными словами, в лыжный батальон был принят только каждый второй из подавших заявление. Причины отсева выглядели следующим образом: по болезни — 11 чел., с недостаточной военной подготовкой — 28, недостаточной лыжной подготовкой — 9, по политико-моральным соображениям — 11, по разным причинам — 55 чел. [6, ф. р-742, оп. 1, д. 36, л. 54–55]. В последнюю категорию включены граждане, получившие отвод со стороны Военкомата Удмуртской АССР, не подходящие по возрасту, а также отказавшиеся от поданных заявлений.

Необходимо отметить, что высокий процент отсева добровольцев не был характерен только для Удмуртской АССР. О возможных затруднениях при вербовке добровольцев, еще в самом

начале — 7 января 1940 г. военкома Удмуртской АССР предупредил начальник штаба Уральского военного округа. При этом он ссылаясь на опыт других регионов округа, приступивших к формированию аналогичных добровольческих лыжных батальонов несколькими днями ранее, чем Удмуртская АССР [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 74].

Высокий процент отсева добровольцев вызвал необходимость донабора желающих вступить в лыжный батальон. Это заняло дополнительное время, которое ранее планировалось отвести проведению учебных стрельб [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 73, 91].

24 и 25 января в Глазов, где завершалось формирование батальона, прибыли последние команды добровольцев. 26 января, с опозданием на один день против изначальных планов, 105-й отдельный добровольческий легко-лыжный батальон убыл по Пермской железной дороге в направлении границы с Финляндией [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 82].

Отправка батальона в целом прошла благополучно. Определенная проблема возникла лишь из-за родственников некоторых добровольцев. Инструктор военного отдела обкома ВКП(б) Галасеев писал об этом: «На каждого призванного из этих районов приехали по 4–5 человек сопровождающих, которые крайне мешали работе комиссии и создали своим поведением в Глазове такое впечатление, что у нас чуть ли не проходит всеобщая мобилизация» [5, ф. 16, оп. 1, д. 3174, л. 83].

С 3 февраля, на протяжении примерно одной недели 105-й отдельный легко-лыжный батальон совместно с несколькими другими лыжными батальонами из Уральского военного округа находился в Череповце Вологодской области, где по-видимому проходило краткосрочное обучение добровольцев-лыжников [4, с. 242].

По прибытии к советско-финляндской границе 105-й отдельный добровольческий легко-лыжный батальон был включен в состав 15-й советской армии. Эта армия была сформирована на основании приказа Ставки Главного Военного Совета № 01663

от 11 февраля 1940 г. из Южной группы войск 8-й армии и действовала вдоль северного побережья Ладожского озера [4, с. 244].

В полном составе 105-му отдельному легко-лыжному батальону так и не довелось принять участие в боевых действиях. На основании приказа Ставки Главного Военного Совета № 01625 от 10 февраля 1940 г. для советской группы войск, развернутой севернее Ладоги предусматривалось реформирование всех лыжных батальонов в более компактные и мобильные лыжные эскадроны. Лыжные эскадроны имели численность в 150 чел. и предназначались для разведки, рейдов и диверсионных действий по ближайшим тылам противника, охраны флангов и коммуникаций советских частей. Каждому стрелковому полку планировалось придать по три лыжных эскадрона [4, с. 244, 245]. 105-й отдельный добровольческий легко-лыжный батальон был разделен на пять лыжных эскадронов (127-й, 128-й, 129-й, 130-й и 131-й) [2]. К сожалению, сведений о боевом пути лыжных эскадронов, сформированных из добровольцев-лыжников с территории Удмуртской АССР, автору найти не удалось.

Вскоре после заключения перемирия с Финляндией началась демобилизация добровольцев. После двухмесячной службы они возвращались домой.

Период пребывания добровольцев-лыжников на военной службе оплачивался. Согласно постановлению СНК СССР № 2 от 2 января 1940 г. за добровольцами — рабочим и служащими сохранялась их средняя заработная плата, а добровольцам — колхозникам начислялось среднее количество трудодней [5, ф. 16, оп. 1, д. 3172, л. 25]. Данные суммы выплачивались семьям добровольцев. Своевременному и полному производству положенных выплат уделялось большое внимание со стороны партийных органов. Имевшие место единичные задержки или невыплаты заработка оперативно решались путем выезда на места заведующих военными отделами райкомов ВКП(б) [5, ф. 16, оп. 1, д. 3177, л. 1–13]. Семьям добровольцев, находившихся в тяжелом материальном положении, оказывалась дополнительная помощь в денежной или натуральной форме.

Таким образом, за счет вербовки добровольцев руководством Советского Союза в целом и Удмуртской АССР в частности в условиях Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. была оперативно и относительно успешно решена задача по созданию боевых подразделений лыжников. Приобретенный при этом ценный опыт, как боевого применения лыжных подразделений, так и их формирования и укомплектования личным составом, был использован (хотя и не в полной мере) в предстоящей Великой Отечественной войне. В её зимних боях советские лыжники подтвердили свои высокие боевые качества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Временный полевой устав РККА. (ПУ 36). М.: Государственное военное из-во НКО СССР, 1937. 216 с.
2. Лыжные батальоны и эскадроны РККА, находившиеся в Действующей армии в период Финской кампании 1939–1940 гг. URL: <http://www.rkka.ru/handbook/data/ski-bat.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
3. Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 2 / сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. СПб.: Полигон, 2003. 638 с.
4. Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940 / ред.-сост. Н. Л. Волковский. СПб.: Полигон, 2000. 544 с.
5. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР).
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

М. Н. Потёмкина, В. А. Мельникова

г. Магнитогорск (Россия)

Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова

ДИРЕКТОР ПРЕДПРИЯТИЯ И ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются взаимоотношения директора Магнитогорского металлургического комбината (ММК) военного времени — Г. И. Носова с трудовым коллективом предприятия, акцентируется внимание на стиле его руководства. В теоретическом плане исследование опирается на идеи истории повседневности (в частности, производственной повседневности) и персональной истории. Представляется важным обратить внимание на гипотезу, заложенную в основе статьи, которая заключается в предположении о том, что не только профессиональные, но и личностные характеристики Г. И. Носова позволили ему эффективно выстраивать отношения с управленческим, инженерным и рабочим персоналом ММК в военное время. Авторы приходят к выводу, что стиль управления Г. И. Носова сочетал административно-принудительные и экономические методы управления предприятием.

Ключевые слова: Великая отечественная война, Магнитогорск, Магнитогорский металлургический комбинат, ММК, руководящие кадры, управленческие практики.

В данной работе взгляд на историю второй мировой войны через призму отдельно взятой личности обуславливается тем, что систематизация и анализ уже имеющихся знаний и дальнейшее развитие проблемы в современных условиях позволяет ответить на вопрос о том, каким образом личность и человеческий ресурс повлияли на исход войны, что не может не быть актуальным для исследования истории крупнейшего военно-политического конфликта XX в.

Несмотря на активное изучение темы экономического развития СССР в период Великой Отечественной войны, проблема личностных характеристик директоров промышленных предприятий и их взаимоотношений с рабочим коллективом, требуют дальнейшего изучения.

Источниковую базу исследования составили документы, извлечённые из фондов городского архива Магнитогорска, материалы периодической печати, воспоминания. Особый интерес представляют приказы Г. И. Носова по Магнитогорскому металлургическому комбинату (ММК), анализ текстов которых даёт понимание стиля руководства.

В теоретическом плане исследование опирается на идеи истории повседневности (в частности, производственной повседневности) и персональной истории. Согласно теории лидерства немецкий психолог К. Левин выделил три стиля управления: авторитарный, демократический и либеральный. Вряд ли возможно применить такую классификацию к управленцам, действовавшим в условиях сталинской политической модели, особенно в годы Великой Отечественной войны. Представляется целесообразным опереться на периодизацию В. Н. Кучера, изложенную в его исследовании, посвященном директорскому корпусу ММК [5, с. 62]. В процессе формирования управленческих практик Магнитогорского металлургического комбината автор выделил два основных периода. В рамках первого периода (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) к руководству промышленным предприятием привлекались так наз. *выдвиженцы*, исключением были профессиональные революционеры. Второй период (начало 1930-х — начало 1950-х гг.) характеризовался заменой директоров-выдвиженцев на *специалистов*, появлением нового типа *управленцев-технократов*, входивших в новый состав хозяйственной номенклатуры. Особенности этого поколения управленцев раскрыл К. С. Павлов [7, с. 81]. Эти руководители имели соответствующее образование и богатый опыт работы. Очень часто на руководящие должности они приходили взамен своих репрессированных предшественников, но это не отменяет того факта, что они были хорошими организаторами, профессионалами и талантливыми отраслевыми специалистами. Именно

к такому типу руководителей и следует относить Г. И. Носова. Пожалуй, профессионализм, подготовленность и компетентность — это те немногие из причин, по которым Г. И. Носов, взаимодействуя со своими подчинёнными, был уважаем ими.

Григорий Иванович переехал вместе с семьёй в Магнитогорск, чтобы трудиться на комбинате, 6 мая 1939 г. [1, с. 56]. И уже 26 мая выступил в городской газете со статьей, в которой откровенно делился впечатлениями о том, что узнал о комбинате, указывая на недостатки работы некоторых руководителей и командиров производства ММК, выдвигая свои идеи по развитию предприятия [2, с. 34]. Новаторским предложением Г. И. Носова, не сразу нашедшим понимание работников комбината, стало наведение порядка в цехах и поддержание чистоты на производстве. Но, как показала практика, реализация этой меры способствовала в дальнейшем росту производительности труда. Григорий Иванович всегда обращал внимание на мышление и характер людей, которые работали под его руководством. Когда началось внедрение автоматике в мартеновском цехе № 2, Г. И. Носов увидел в Алексее Грязнове своего единомышленника в вопросе внедрения нового и отказа от старого на производстве и потому поручил ему освоение первой автоматической печи [2, с. 45]. Данный подход, направленный на развитие предприятия, с помощью совершенствования и роста его сотрудников, проявленный Г. И. Носовым в мирное время, сохранился и с началом Великой Отечественной войны.

Одной из управленческих практик Г. И. Носова следует считать применение методов позитивного ручного управления. Как следует из источников личного происхождения, Григорий Иванович регулярно обходил производственные площадки предприятия. Он мог подойти к группе трудящихся и спросить: «Ну, как, мужики?», — заводя разговор о выполняемой работе. Ходил Г. И. Носов не только по цехам, но и по разрабатываемым месторождениям. После того, как немецкие войска оккупировали Украину, где находились Никопольские марганцевые рудники, и возникли трудности с получением ферромарганца, который был необходим для выплавки броневых стана, было принято реше-

ние активной разрабатывать Кусимовское месторождение и, конечно же, Григорий Иванович не мог не взять такое ответственное задание под личный контроль. Для этого он поехал на месторождение лично пообщаться с рабочими и узнать, как обстоят дела. После общения Г. И. Носов взял в руки кувалду и стал помогать молотить руду рабочим, которые благодаря этому оценили его физическую силу [3, с. 134]. Вдумчиво и вникая Г. И. Носов общался и с механиками, электриками, слесарями, выслушивая каждого, кто к нему обращается, что позволяло директору следить за происходящим на предприятии и проводить активную кадровую политику.

Чрезвычайные обстоятельства войны с самого начала требовали от директора ММК принимать кадровые решения, сообразные условиям военного времени. Г. И. Носов стал возвращать из плановых отпусков необходимых на заводе людей. Например, приказом № 281 от 10 июля 1941 г. он вернул И. С. Смурова, занимавшего должность главного энергетика ММК, из планового отпуска, также был вызван и помощник главного механика комбината Н. А. Рыженко (приказ № 272 от 5 июля 1941 г.) [11, ф. 99, оп. 10, д. 1121, л. 64].

Помимо прочего, 23 июня 1941 г. Г. И. Носов издал приказ № 254, который запретил начальникам цехов и отделов комбината выезжать за пределы города без ведома директора; кроме того, обо всех отлучках, даже в нерабочее время, необходимо было сообщать оставшимся в квартире родным [12, ф. 99, оп. 10, д. 1123, л. 356].

Г. И. Носов не мог допустить потерю ни одного квалифицированного сотрудника, не мог позволить при необходимости не знать, где можно их найти. Данная мера, безусловно, продиктована экстремальностью ситуации, в которой оказалась страна и ММК в годы войны.

Акцент на административно-карательные методы, характерные для практик эксплуатации человеческого ресурса в сталинской модели управления, стал нормой военного времени на всех промышленных предприятиях советского тыла.

О жесткости кадровой политики и личном директорском контроле трудового коллектива и его показателей на ММК в военное время говорит то, насколько нередки были снятия с должностей в то время. 17 июля 1941 г. начальник блуминга № 9 Е. Г. Цараков был снят с работы, как не справившийся с ней [9, ф. 99, оп. 10, д. 1119, л. 246]. Начальника шихтового двора мартиновского цеха № 3 — Шпака, Григорий Иванович обязал возместить полную стоимость ущерба, допущенного им в связи с неоправданно длительным простоем вагонов прямого парка [11, ф. 99, оп. 10, д. 1121, л. 250]. Но решение в отношении провинившегося могло бы быть ещё радикальнее. Так, начальник заготовочного цеха Окунев был снят Г. И. Носовым с должности за неудовлетворительную организацию подготовки стальных заготовок к прокатке на сортовых станах. А начальник проволочного цеха Сазоненко был снят — за «слишком вялое освоение новых профилей прокатного стана» [10, ф. 99, оп. 10, д. 1120, л. 34].

Принимая жесткие решения, Г. И. Носов, как правило, сочетал административно-принудительные методы управления с гуманным подходом к работникам комбината. Так, строительство производственной площадки для эвакуированного из Мариуполя броневое стана проходило в сжатые сроки и в условиях холодной и дождливой осени. Работы велись круглосуточно. По приказу директора были организованы сушка рабочей одежды и горячее питание для строителей. Г. И. Носов пытался по возможности облегчить труд своих подчинённых. Так, обратив внимание на тяжелый труд вальцовщиков-петельщиков, он распорядился найти решение для облегчения их труда, для чего были созданы аппараты, облегчающие и ускоряющие работу вальцовщиков [6, с. 251].

Г. И. Носов обладал стратегическим мышлением, безошибочно выделяя принципиально важные направления работы среди множества текущих дел. В то же время, анализ приказов показывает внимание директора к организации работ, обеспечивавших основной производственный процесс. Директор подписывал приказы об организации снегоборьбы, на которую призывали после частых снегопадов тысячи людей (служащих заводо-

управления, работников цехов, курсантов авиатехнического училища, заключенных ИТК) и лично вникал во все нюансы жизни предприятия в военное время [4, с. 146].

Не сложно заметить, что Г. И. Носов не пренебрегал кадровыми перестановками, так как именно от компетентности человека зависело, насколько эффективно будет реализован госзаказ, а, следовательно, и насколько качественной будет помощь фронту. Приказом от 27 октября 1941 г. Г. И. Носов снял с должности начальника мартиновского цеха № 1 П. И. Новолюдского «как не справившегося с работой». И этим же приказом на эту должность был назначен другой специалист — Ф. Д. Воронов [17, ф. 99, оп. 10, д. 1122, л. 321].

Государственный заказ стратегических материалов, производимых на комбинате, вынуждал его руководство искать нестандартные производственные решения, риск провала которых грозил директорскому корпусу не только потерей должностей, но и ставил под угрозу срыва стратегические планы военного производства. Тем не менее, данный подход дал положительные результаты на всех уровнях производства — от рядовых рабочих до ведущих инженеров и функционеров комбината [8, с. 137–138]. Так было, когда в кабинете директора шли горячие споры о том, где установить стан для прокатки броневых листов и главный механик комбината Н. А. Рыженко предложил катать броневые листы на блюминге. Идея показалась Г. И. Носову рискованной, но он потребовал от Рыженко обосновать предложение в течение 24 часов и обязал его, начальника блюминга Царькова и главного калибровщика Бахтинова представить исчерпывающие соображения по данному вопросу [7, с. 267]. Выслушав всех, Григорий Иванович взвесил все, что было высказано, и на следующий день специальным приказом закрепил принятое решение. Такое отношение удачно дополняла открытость Носова ко всем новаторским проектам и идеям его подчиненных, если был велик шанс их успешного осуществления. Он готов был выслушать все «за» и «против», пока самостоятельно обдумывал свое решение по тому или иному вопросу, и ценил дискуссию, выслушав которую, выносил свой, уже окончательный вердикт.

Кадровый голод в военное время, когда работники завода либо призывались, либо добровольно уходили на фронт, заставил Григория Ивановича озаботиться подготовкой новых кадров, для чего были созданы ученические бригады. О том, насколько Г. И. Носов взаимодействовал и работал со своими подчиненными, говорит следующий факт. На совещании мастеров производственного обучения он, обратив внимание на то, что дети не умеют себя беречь и, проживая в общежитии, часто болеют воспалением легких, предложил для присмотра за детьми привлечь женщин-общественниц. По распоряжению директора привели в порядок жилищные условия, а после принялись и за них самих. Пригласили в общежитие парикмахера, врача.

На одном складе обнаружили завал валенок, которые оказались как раз по размеру ребятам. Кладовщик же отказывался их предоставить. Тогда на стол Григорию Ивановичу, следившему, в том числе, и за условиями содержания ребят, легла докладная. Ознакомившись, Г. И. Носов вызвал женщин-общественниц, составивших её, к себе и обо всем подробно расспросил, даже посоветовался о том, что еще можно сделать для юных работников комбината [4, с. 187].

Следующий разговор состоялся с кладовщиком, которого Григорий Иванович пригласил к себе в кабинет, потребовав, чтобы заходил в чем есть, не снимая с себя верхнюю одежду. Кладовщик зашел, и первое, на что обратил внимание директор — хорошие валенки, теплая шапка, полушубок. Увидев и поняв всю ситуацию, Григорий Иванович сказал: «Сытый голодного не разумеет. Разве он может понять, что кому-то холодно? Видите как себя одел... Я думаю, кладовщиком надо поставить женщину, а этот пусть идет в цех поработает» [4, с. 151]. Безусловно, эта история, как и ряд других, не могли не создать мнение о Григории Ивановиче, как о настоящем «народном директоре».

Также имеется и немало воспоминаний ветеранов металлургов о том, как по личному указанию Г. И. Носова возвращали на комбинат даже тех, кто записывался на фронт добровольцами.

О том, насколько отчетливо Г. И. Носов понимал, что «комфорт рабочих — показатели завода» и насколько серьезно дорожил кадрами в непростое военное время, можно судить по воспоминаниям почетного ветерана труда, прокатчика М. А. Высотского, который указывал, что, «несмотря на то, что во время войны отпуска были отменены, Григорий Носов взял на себя ответственность и отправлял “доходяг”, тех, которые уже едва ноги таскали, на 12 дней на Банное озеро» [2, с. 60].

В целом, уже к 1942 г. стало понятно, что заводу необходима своя продовольственная база, что заставило Григория Ивановича озаботиться двумя крупными молочно-овощными подсобными хозяйствами, переданными из системы Наркомсовхозов и располагавшимися в радиусе 20–25 км от заводской площадки [4, с. 141].

Модель отношений Г. И. Носова с простыми рабочими ММК лучше всего объясняется через историю его семьи. Его отец и дед были простыми рабочими на Катавском заводе и с самого детства Григорий Иванович знал о тяжелых условиях труда его родных и низкой заработной плате простых рабочих. Более того, семья Григория Ивановича сама еле сводила концы с концами. Пожалуй, это одна из причин, по которой, даже в военное время, он использовал экономические методы стимулирования в своей управленческой практике.

Г. И. Носов принадлежал к т. н. *второму поколению* советских управленцев на предприятиях. В то время, когда советское государство осознало необходимость в квалифицированных специалистах, знающих производство от «А» до «Я», и произошел его стремительный карьерный рост. Он понимал все тонкости производства от самых его начал, имел прекрасное, в рамках своей профессиональной сферы, образование, умело использовал и административно-карательные, и экономические методы управления в производственной деятельности и в работе с людьми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верниковская М. В.* Рабочий директор. Челябинск: Челяб. книж. изд-во, 1963. 124 с.

2. *Галигузов И. Ф.* Флагман отечественной индустрии. М.: Мысль, 1978. 251 с.
3. *Дяттерев А. Г.* Не позволяй душе лениться. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2017. 160 с.
4. *Комиссаров С. Д.* Яркая судьба. К 100-летию Г. И. Носова. М.: Элита России, 2005. 287 с.
5. *Кучер В. Н.* Формирование директорского корпуса предприятий металлургической промышленности в конце 20-х — начале 50-х гг. XX века (по материалам Магнитогорского металлургического предприятия): дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. М., 2004. 224 с.
6. *Лапин А. М.* Неустанно двигаться вперед. Магнитогорск: ТАН, 1995. 328 с.
7. *Павлов К. С.* Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940-е гг. (на материалах Челябинской области): дис. канд. ист. наук: 07. 00. 02. Челябинск, 2010. 195 с.
8. *Потемкина М. Н., Токарев Е. В.* Мотивация труда в южноуральской промышленности: механизмы и практика военного периода (на примере Магнитогорского металлургического комбината 1941–1945 гг.) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный науч. ж-л. 2020. № 1 (33). С. 132–143.
9. МКУ «Городской архив» города Магнитогорска Челябинской области, ф. 99, оп. 10, д. 1119.
10. МКУ «Городской архив» города Магнитогорска Челябинской области, ф. 99, оп. 10, д. 1120.
11. МКУ «Городской архив» города Магнитогорска Челябинской области, ф. 99, оп. 10, д. 1121.
12. МКУ «Городской архив» города Магнитогорска Челябинской области, ф. 99, оп. 10, д. 1123.

Д. В. Репников
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА И СТРУКТУРЫ СНК УДМУРТСКОЙ АССР КАК ФОРМА МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Система советского государственного аппарата, сложившаяся к началу Великой Отечественной войны в центре и в регионах, в основном сохранялась и в военный период. Однако новые задачи и условия военного времени требовали его регулярной реорганизации и перестройки. В системе советского государственного аппарата регионального уровня выполнял свои функции и Совет народных комиссаров Удмуртской АССР — высший исполнительно-распорядительный орган государственной власти автономной республики, объединявший и направлявший работу государственных органов отраслевого управления. Статья посвящена характеристике основных тенденций реорганизации государственного аппарата, а также структуры самого СНК Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны, которые стали одной из форм мобилизации ресурсного потенциала региона для решения задач военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Удмуртская АССР, государственный аппарат, органы государственной власти и управления, Совет народных комиссаров, СНК, Совнарком.

Характерное для советской и постсоветской историографии признание факта значимости роли советского государственного аппарата в достижении победы Советского Союза в Великой Отечественной войне в то же время не препятствовало исследователям обращать внимание на недостаточную изучен-

ность темы и на общесоюзном (общероссийском), и, в особенности, на региональном материале. В значительной степени данная констатация справедлива и в отношении региональной историографии Удмуртии. Несмотря на наличие ряда тематических публикаций [8; 13–15; 18] (в т. ч. и автора настоящей статьи [9–12]), наше современное представление о вкладе государственного (да и партийного) аппарата Удмуртской АССР в достижение победы далеко ещё не может быть названо полным, что позволяет признать разработку темы актуальной. В связи с этим, в год 75-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне полагаем целесообразным в предлагаемой статье вновь актуализировать этот вопрос. Статья подготовлена на основе документов и материалов фонда Совета министров Удмуртской АССР (ф. р-551) Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР) [20], а также опирается на опубликованные работы по истории Удмуртии периода Великой Отечественной войны [8, 13–15, 18]. Цель статьи — характеристика основных тенденций реорганизации государственного аппарата и структуры СНК Удмуртской АССР в 1941–1945 гг., которые стали одной из форм мобилизации ресурсного потенциала региона для решения задач военного времени.

Конституция Удмуртской АССР 1937 г. определила СНК Удмуртской АССР как «высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти» (ст. 37), в компетенцию которого входило руководство народным хозяйством и другими отраслями государственной и общественной жизни республики посредством государственных органов отраслевого управления — народных комиссариатов, управлений, комитетов, комиссий (ст. 41) [5].

Накануне Великой Отечественной войны состав высшего руководства СНК Удмуртской АССР был представлен председателем и тремя его заместителями, а государственный исполнительный аппарат республики имел весьма разветвлённую структуру, которая состояла из следующих основных блоков:

1) органы государственного управления планированием, статистикой и финансами: Государственная плановая комиссия,

Наркомат финансов, Статистическое управление (в системе Статистического управления Госплана РСФСР), Управление государственного страхования (в системе Управления государственного страхования Наркомата финансов РСФСР), Управление государственных трудовых сберегательных касс и государственного кредита (в системе Управления государственных трудовых сберегательных касс Наркомата финансов РСФСР);

2) органы государственного управления народным хозяйством: Наркомат земледелия, Наркомат коммунального хозяйства, Наркомат лесной промышленности, Наркомат местной промышленности, Наркомат пищевой промышленности, Наркомат торговли, Управление местной топливной промышленности, Управление промышленности строительных материалов, Управление уполномоченного Наркомата заготовок СССР по Удмуртской АССР, Удмуртское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждений, Государственная охотничья инспекция;

3) органы государственного управления транспортом и связью: Дорожное управление, Управление автомобильного транспорта, Управление связи;

4) органы государственного управления социально-культурным строительством: Наркомат здравоохранения, Наркомат просвещения, Наркомат социального обеспечения, Управление издательств и полиграфии, Управление кинофикации, Управление по делам искусств, Комитет по делам физической культуры и спорта, Комитет по радиовещанию и радиофикации (радиокомитет);

5) административно-политические органы и органы юстиции: НКВД, НКГБ, Наркомат юстиции, Государственный арбитраж [7].

С началом Великой Отечественной войны в основу деятельности государственного аппарата и СНК Удмуртской АССР легли положения «Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. Её копии были разосланы и в руководящие партийные и советские органы тыловых регионов СССР, которые также

обязывались «быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад» и мобилизовать ресурсный потенциал регионов, в т. ч. государственного аппарата, для решения задач военного времени [4, с. 221–223].

Одним из первейших мобилизационных мероприятий, реализованных СНК Удмуртской АССР в этом направлении, стало ужесточение бюджетно-финансовой дисциплины. Уже 4 июля 1941 г., во исполнение постановления СНК РСФСР от 29 июня 1941 г. о сокращении расходов государственного бюджета [2, с. 18], СНК Удмуртской АССР принял постановление № 1318 «О сокращении расходов по бюджету Удмуртской АССР и финпланам хозорганов на 1941 г.». Согласно ему объём расходов по бюджету Удмуртской АССР на 1941 г. сокращался на сумму 13108,6 тыс. руб., в т. ч., по республиканскому бюджету — на 2726,6 тыс. руб. и по рай(гор)бюджетам — на 10382,0 тыс. руб. Наркоматам и исполкомам городских и районных Советов предписывалось полностью и своевременно внести установленные суммы сокращения расходов в бюджет Удмуртской АССР [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 553–554].

4 же июля 1941 г. постановлением № 1320 «О бюджетно-кассовом плане на III квартал 1941 г.» СНК Удмуртской АССР утвердил объём бюджета УАССР на III квартал 1941 г. по доходам в сумме 52142,0 тыс. руб. и по расходам в сумме 45155,0 тыс. руб. Наркомам Удмуртской АССР и председателям исполкомов городских и районных Советов предписывалось соблюдать в расходовании средств режим строжайшей экономии, а Наркомату финансов и райгорфинотделам — усилить контроль над правильным расходованием средств [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 554–554об].

11 июля 1941 г., во исполнение постановления СНК СССР, СНК Удмуртской АССР принял постановление «Об отмене отчислений в специальные фонды», согласно которому с 1 июля 1941 г. отменялись отчисления и в фонды премирования работников советских учреждений. Наркомы Удмуртской АССР обязывались в течение месяца перечислить в союзный бюджет остатки этих фондов [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 568об–569].

Наряду с мерами по ужесточению бюджетно-финансовой дисциплины, важнейшим мероприятием мобилизационного характера стала реорганизация госаппарата, выразившаяся, прежде всего, в сокращении штатов на всех его уровнях.

Штаты и фонды заработной платы по республиканскому, городскому, районному и поселковому аппаратам на 1941 г. были определены постановлением СНК Удмуртской АССР от 3 января этого года и составили: по республиканскому аппарату — 475 шт. ед., городскому — 244 шт. ед., районному — 1924 шт. ед., поселковому — 31 шт. ед. [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 10об]. После начала войны постановлениями СНК Удмуртской АССР от 18 июля и от 29 августа 1941 г. штаты республиканского аппарата наркоматов и управлений, а также исполкомов районных, городских, поселковых и сельских Советов были сокращены [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 600, 690об]. В итоге, на 1942 г., согласно постановлению СНК Удмуртской АССР № 519 от 3 апреля этого года, определялся следующий штат по управлению: по республиканскому аппарату — 400 шт. ед. (сокращение на 75 шт. ед.), по городскому — 213 шт. ед. (сокращение на 31 шт. ед.), по районному — 1605 шт. ед. (сокращение на 319 шт. ед.), по поселковому — 22 шт. ед. (сокращение на 9 шт. ед.), по аппарату сельских Советов — 1017 шт. ед. [20, ф. р-551, оп. 2, д. 415, л. 179].

Заметим, однако, что реорганизация государственного аппарата, прежде всего аппарата наркоматов, в сторону сокращения штатов не всегда являлась оправданной, в отдельных случаях приводя к возникновению трудностей в деле организации процесса управления. Таковые, к примеру, возникли в системе Наркомата местной промышленности Удмуртской АССР, вследствие упразднения с 1 сентября 1941 г. отдела организации труда и заработной платы и передачи его функций в другие отделы. Вызванные этой реорганизацией сложности были улажены лишь год спустя, когда приказом Наркомата местной промышленности РСФСР № 1437 от 12 ноября 1942 г., упразднение названного отдела было «признано неправомерным, как лишившее наркомат возможностей осуществлять в полной мере задачи по организа-

ции труда и техническому нормированию всего того разнообразия производств, которые появились в период Отечественной войны» [20, ф. р-551, оп. 2, д. 432, л. 36].

В 1943 г. оформилась тенденция роста штатов управленческого аппарата на всех уровнях: республиканский штат управления на 1943 г. был определён в количестве 499 шт. ед. (на 1945 г. — 599 шт. ед.), городской — 411 шт. ед. (на 1945 г. — 466 шт. ед.), районный — 2001 шт. ед. (на 1945 г. — 2157 шт. ед.), поселковый — 38 шт. ед. (на 1945 г. — без изменений), сельский — 1011 шт. ед. (на 1945 г. — 1002 шт. ед.) [20, ф. р-551, оп. 2, д. 475, л. 231об; д. 608, л. 196об]. Эта тенденция была характерна для страны в целом [1, с. 348].

Другим выражением реорганизации государственного аппарата Удмуртской АССР стали изменения в структуре, в т. ч. и самого СНК Удмуртской АССР, обусловленные обстоятельствами и потребностями военного времени.

Одной из главных задач мобилизационного характера, вставших перед СНК Удмуртской АССР с началом войны, стало обеспечение бесперебойной работы промышленных предприятий (союзных, местных, эвакуированных). Помимо мобилизации и перераспределения материальных ресурсов республиканских наркоматов и ведомств, она решалась и путём создания новых органов государственного управления.

27 февраля 1942 г. в соответствии с постановлением СНК РСФСР № 674 от 1 декабря 1941 г., для укрепления государственного руководства промысловой кооперацией, СНК Удмуртской АССР принял постановление № 282 «О преобразовании аппарата Совета промкооперации Удмуртской АССР в аппарат Уполномоченного Управления промкооперации СНК РСФСР при СНК Удмуртской АССР», в ведение которого передавались Удпромсоюз и Удлеспромсоюз со всеми их артелями, и все металлообрабатывающие промартели Удмуртской АССР [20, ф. р-551, оп. 2, д. 415, л. 96–96об].

12 июня 1942 г. для лучшего обслуживания предприятий оборонного значения СНК Удмуртской АССР принял постановление № 947 «Об организации Управления Комитета по делам

мер и измерительных приборов при СНК СССР по Удмуртской АССР» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 415, л. 310об].

На основании постановления СНК Удмуртской АССР № 1657 «Об организации треста Техжирпом» от 30 октября 1942 г., принятого в соответствии с постановлением СНК РСФСР № 588 от 31 августа 1942 г., из ведения исполкомов городских и районных Советов Удмуртской АССР выделялись все техжировые предприятия, и организовывался трест техжировой промышленности Удмуртской АССР с подчинением непосредственно СНК Удмуртской АССР и Росглавтехжирпрому Наркомата мясомолочной промышленности РСФСР [20, ф. р–551, оп. 2, д. 415, л. 546об–547].

Во исполнение постановления СНК РСФСР № 129 от 7 февраля 1943 г. и распоряжения СНК СССР № 4494-р от 2 марта 1943 г. о необходимости расширения добычи торфа на топливо для нужд промышленных предприятий и организаций, учёта и выявления новых торфяных месторождений, распределения торфяных запасов между предприятиями и организациями, контроля за рациональным использованием торфяных массивов и за производством торфоисследовательских работ на территории Удмуртской АССР, 7 мая 1943 г. СНК Удмуртской АССР постановил организовать при Наркомате земледелия Управление торфяного фонда Удмуртской АССР [20, ф. р–551, оп. 2, д. 475, л. 387–387об].

11 августа 1944 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 1048 «О восстановлении Управления промышленности строительных материалов при СНК Удмуртской АССР», ликвидированного его постановлением № 773 от 18 апреля 1941 г. в связи с несоответствием уровня производства местных стройматериалов объёму проводившихся строительных и ремонтных работ, вследствие «того, что Наркомместпром не справляется с руководством предприятиями, производящими строительные материалы» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 535, л. 169об; 19, с. 400–402].

Не менее важной задачей стало решение проблемы трудовых ресурсов. 30 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Комитет по учёту и распределению рабочей силы [16, с. 38]. 29 июля

и 9 сентября 1941 г., соответственно, вновь созданный Комитет и Главное управление трудовых резервов при СНК СССР издали распоряжения об образовании соответствовавших органов государственного управления на местах. 19 сентября 1941 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 1850 «О создании группы по учёту трудовых ресурсов при Республиканском управлении трудовых резервов и проведении учёта квалифицированных рабочих, работающих не по своей специальности» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 325, л. 736об–737].

Впоследствии система органов государственного управления мобилизацией и распределением рабочей силы была реорганизована. 5 ноября 1942 г. СНК СССР принял постановление № 1781, которым обязал СНК союзных (кроме РСФСР) и автономных республик, исполкомы областных и краевых Советов организовать на местах в качестве рабочих органов Комитета по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР бюро по учёту и распределению рабочей силы [16, с. 38]. 15 января 1943 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 45 «О создании бюро по учёту и распределению рабочей силы при СНК Удмуртской АССР» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 475, л. 578об].

Решая задачи мобилизационного характера, направленные на организацию обороны страны, органы государственного управления Удмуртской АССР не оставляли без внимания и обусловленные военной обстановкой, но характерные и для мирного времени и сохранившие актуальность в условиях войны вопросы социального развития. Важнейшим из них стала эвакуация материальных и людских ресурсов.

Система специальных государственных органов, образованных при СНК Удмуртской АССР и осуществлявших под его контролем руководство эвакуацией на территорию республики, складывалась постепенно. Уже в июне 1941 г. согласно постановлению СНК Удмуртской АССР № 1256 была создана Комиссия по приёму и размещению эвакуированного населения из районов военных действий, в распоряжение которой, для оперативного решения поставленных задач, был передан аппарат наркоматов Удмуртской АССР. С 21 июля 1941 г. руководство эвакуа-

ацией стал осуществлять созданный постановлением СНК Удмуртской АССР № 1321 от 4 июля 1941 г. Переселенческий отдел (первоначально — управление) при СНК Удмуртской АССР. 16 октября 1941 г. в соответствии с постановлением ГКО от 20 сентября 1941 г. введена должность Уполномоченного Управления Совета эвакуации по Удмуртской АССР (с декабря 1941 г. — Управления по эвакуации населения по Удмуртской АССР), введение которого на основании постановления СНК Удмуртской АССР от 17 октября 1941 г. передан Переселенческий отдел. Наконец, на основании постановлений СНК РСФСР № 46/13с от 6 февраля 1942 г. и СНК Удмуртской АССР № 266 от 27 февраля 1942 г., 1 марта 1942 г. организован Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Удмуртской АССР, который действовал до 5 октября 1945 г. [7, с. 220–221; 14, с. 151; 20, ф. р–551, оп. 2, д. 325, л. 531, 554об, 597; д. 415, л. 90об].

В отличие от первоначальной Комиссии, которая не имела собственного аппарата, созданные позднее для руководства эвакуацией органы государственного управления таковым обладали. Так, штат Переселенческого управления и, впоследствии, аппарата Уполномоченного Управления по эвакуации населения по Удмуртской АССР составлял 11 чел. Более того, во исполнение распоряжения СНК СССР № 10209 от 15 ноября 1941 г., 12 декабря 1941 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 2307 «Об учреждении института уполномоченных в городах и инспекторов в районах Управления по эвакуации населения», которым ввёл эти должности в Ижевске и Сарапуле (с аппаратом по 3 чел.) и в районах Удмуртской АССР. Позже, однако, штатный контингент органов государственного управления эвакуацией был сокращён, что соответствовало общей тенденции развития советского государственного аппарата в годы войны. Так, аппарат Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения был утверждён в количестве 9 чел. Одновременно учреждались должности уполномоченных Отдела в Ижевске и Сарапуле (с аппаратом по 3 чел.), инспекторов по трудоустройству эвакуированного населения в Гла-

зове, Воткинске и Можге (по 3 чел.), инспекторов по трудоустройству эвакуированного населения в большинстве районов Удмуртской АССР. Но уже 22 мая 1942 г., во изменение этого постановления и во исполнение постановления СНК РСФСР № 135 от 20 марта 1942 г., СНК Удмуртской АССР принял постановление № 831 «О структуре и штатах Отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Удмуртской АССР», в соответствии с которым штат Отдела с 1 июня 1942 г. сокращался до 6 чел., инспекторов в городах и районах — до 1 чел. [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 554об, 870об, 874; д. 415, л. 90об, 276об].

Важнейшей составной эвакуации гражданского населения была деятельность органов государственного управления СССР по приёму и обустройству оставшихся без родителей эвакуированных детей и проведению мероприятий по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности. На решение этой проблемы было нацелено постановление СНК Удмуртской АССР № 1880 «Об обслуживании детей, эвакуированных из других союзных республик и областей» от 26 сентября 1941 г., принятое во исполнение аналогичного постановления СНК РСФСР № 605/620 от 4 сентября 1941 г. Оно возлагало ответственность за обустройство эвакуированных детей на действовавшие органы государственного управления (наркоматы просвещения, здравоохранения, финансов, местной промышленности, торговли) и отделы исполкомов местных Советов [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325, л. 746–746об]. 23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление № 75, которым при совнаркомх АССР и исполкомах местных Советов создавались специальные структурные подразделения — Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей [19, с. 371–372]. 6 февраля 1942 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 172 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», согласно которому была образована соответствовавшая комиссия. Она не имела рабочего аппарата и опиралась на аппарат СНК, Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомсобеса, НКВД УАССР и общественные организации. Постановление предусматривало также создание подобных комиссий и при

исполкомах городских и районных Советов [20, ф. р-551, оп. 2, д. 415, л. 55].

Особое место в работе органов государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны занимала забота о семьях военнослужащих. В течение первых полутора лет войны работа проводилась через систему Наркомата социального обеспечения СССР. Однако особое внимание, которое уделялось ей Советским государством, привело к созданию специальных органов государственного управления: в начале 1943 г. при СНК СССР было организовано Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих [6, с. 13]. Подразделения Управления были организованы и при СНК союзных и автономных республик и исполкомах местных Советов. В Удмуртской АССР они возникли при СНК Удмуртской АССР, исполкомах городских и районных Советов 18 февраля 1943 г. и были ликвидированы в августе 1946 г. [7, с. 221–222].

Прямое отношение к работе органов государственного управления Удмуртской АССР по перечисленным социально значимым направлениям имело создание при СНК Удмуртской АССР (постановление № 697 от 14 мая 1943 г.) постоянной Комиссии по приёму, учёту, организации хранения и распределения вещей, выделенных со складов исполкома Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР [20, ф. р-551, оп. 2, д. 475, л. 365–365об]. Она была создана согласно указанию СНК РСФСР и СОККиКП СССР № СП-1/3 от 10 мая 1943 г. для оказания адресной социальной помощи особо нуждавшимся в ней гражданам, детям-сиротам за счёт фондов СОККиКП СССР. Подразделения Комиссии были созданы и при исполкомах городских и районных Советов [20, ф. р-551, оп. 2, д. 475, л. 365–365об].

Исключительное значение приобрёл в военный период вопрос организации снабжения городского населения продовольственными и промышленными товарами, что было обусловлено переходом к их нормированному распределению. В Удмуртской АССР карточная система вводилась постепенно с августа 1941 г. по февраль 1942 г. [20, ф. р-551, оп. 2, д. 325,

л. 784; д. 348, л. 58–60; д. 415, л. 45; 17, с. 38–40.]. Для централизованной организации процесса постановлением СНК Удмуртской АССР № 1840 от 19 сентября 1941 г. при Наркомате торговли было образовано республиканское карточное бюро [20, ф. р–551, оп. 2, д. 325, л. 734], и в течение всего военного периода эти вопросы находились под контролем СНК Удмуртской АССР. Тем не менее, в годы войны получили широкое распространение факты нарушений правил карточной системы [20, ф. р–551, оп. 2, д. 535, л. 362об–363], необходимость борьбы с которыми вызвала потребность в регулярной организации специальных временных комиссий по сплошной проверке карточных контингентов. Они создавались при СНК Удмуртской АССР по распоряжению СНК РСФСР совместными постановлениями СНК и Бюро Удмуртского обкома ВКП(б) во главе с одним из заместителей председателя СНК Удмуртской АССР и распускались по мере исполнения функций [20, ф. р–551, оп. 2, д. 535, л. 256; д. 608, л. 29–30].

Не менее актуальной в условиях войны была и задача охраны здоровья населения республики, решению которой СНК и Наркомат здравоохранения Удмуртской АССР уделяли предельно серьёзное внимание. Во исполнение постановления ГКО № 1234 «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» от 2 февраля 1942 г. [3, с. 148] при СНК Удмуртской АССР была образована Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия, руководившая обеспечением санитарной безопасности и предупреждением эпидемических заболеваний в республике [18, с. 260–261].

Вместе с тем, в годы войны Удмуртская АССР стала одной из тыловых госпитальных баз: было развёрнуто 57 эвакуационных госпиталей, часть из которых сформирована на территории республики, часть перебазирована из западных регионов страны. Для руководства их работой при Наркомате здравоохранения Удмуртской АССР был создан Отдел эвакуационных госпиталей. Кроме того, для координации деятельности государственных и общественных организаций Удмуртской АССР в этом направлении был создан Республиканский комитет помощи больным и ране-

ным воинам, который стал региональным звеном соответствовавшего Всесоюзного комитета, созданного ЦК ВКП(б) 8 октября 1941 г. [18, с. 248].

Наконец, в области руководства социально-культурным развитием Удмуртской АССР имел место ряд изменений, выразившихся в создании новых органов государственного управления, но было это уже ближе к концу войны. 7 апреля 1944 г. в соответствии с постановлениями СНК РСФСР № 996 от 21 декабря 1943 г. и № 183 от 4 февраля 1944 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 434 «О создании Управления по делам архитектуры при СНК Удмуртской АССР» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 535, л. 169об; 19, с. 400–402]. Управлению передавались: Государственный строительный контроль (из ведения Наркомата коммунального хозяйства Удмуртской АССР), Отдел по охране памятников архитектуры (из ведения Наркомата просвещения Удмуртской АССР), Удмуртская государственная проектная контора — Удмуртгоспроект (из непосредственного ведения СНК Удмуртской АССР) [20, ф. р–551, оп. 2, д. 535, л. 169об].

23 февраля 1945 г. во исполнение постановления СНК СССР № 259 от 6 февраля 1945 г. СНК Удмуртской АССР принял постановление № 227 «Об организации Управления по делам культурно-просветительных учреждений при СНК Удмуртской АССР» [20, ф. р–551, оп. 2, д. 608, л. 111–111об; 19, с. 569–573].

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны приоритетной в реорганизации государственного аппарата, а также структуры СНК Удмуртской АССР и подведомственных ему органов отраслевого управления стала тенденция ужесточения бюджетно-финансовой дисциплины и сокращения штатов с целью снижения административно-управленческих расходов и их перераспределения для оборонных нужд. Позднее постепенно получила развитие и тенденция организации новых структурных подразделений. Однако ввиду того, что, во-первых, происходило это лишь в случае острой необходимости и, во-вторых, деятельность большинства из них носила временный характер, вследствие чего, они, как правило, не имели собственного аппарата и использовали аппарат существовавших

органов, данная тенденция не стала определяющей. Обе названные тенденции в совокупности способствовали не только приспособлению государственного аппарата к новым чрезвычайным условиям, но и, в конечном счете, максимальной мобилизации ресурсного потенциала региона для решения задач военного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова Т. Г.* Высшие и центральные государственные учреждения РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Организация и основные направления деятельности): дис. ... д-ра ист. наук. М.: [б. и.], 1991. 423 с.
2. *Архипова Т. Г.* Совнарком РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Россия в 1941–1945 гг.: Проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. ст. Самара: Самар. ун-т, 1995. С. 10–29.
3. *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М.: Воениздат, 1990. 428 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1983. Т. 7: 1938–1945. 1985. 574 с.
5. Конституция (Основной закон) Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики: принята Чрезвычайным II съездом Советов УАССР 14 марта 1937 г. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 59 с.
6. *Лунев А. Е.* Организаторская деятельность органов государственного управления в 1941–1945 гг. // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 12–18.
7. Органы государственной власти и управления Удмуртской АССР (1918–1980 гг.): Справочник (по материалам государственных архивов). Устинов: Удмуртия, 1986. 340 с.
8. *Поломский [Родионов] Н. А.* Забота трудящихся Удмуртской АССР о детях, оставшихся без родителей в годы войны // Удмуртская АССР — фронту (Патриотические движения населения республики в 1941–1945 гг.): сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 111–139.

9. *Репников Д. В.* Аппарат Совета Народных Комиссаров Удмуртской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике [Электронный ресурс]: материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934–1989): Ижевск, 7–8 нояб. 2019 г. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2019. С. 365–372.
10. *Репников Д. В.* Великая Отечественная война и новые направления в деятельности органов государственного управления Удмуртской АССР // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы; Ижевск, 7–8 апр. 2005 г. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. С. 143–154.
11. *Репников Д. В.* Государственное управление издательским делом в Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Удм. ун-та. 2005. № 5, вып. 1, спец. вып.: Филол. науки. С. 15–23.
12. *Репников Д. В.* Организаторская деятельность СНК Удмуртской АССР по налаживанию процесса трудовых мобилизаций населения республики в годы Великой Отечественной войны // Седьмая науч.-практ. конф. преп. и сотр. УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: материалы конф. Ижевск: [б. и.], 2005. Ч. 1. С. 191–196.
13. *Родионов Н. А.* Интернационализм трудящихся Удмуртии // Советская Удмуртия в годы Великой Отечественной войны. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1985. С. 151–167.
14. *Родионов Н. А.* Приём, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний: о ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей Удмуртии: сб. ст. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1986. С. 141–165.
15. *Родионов Н. А.* Резэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943–1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии: сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 186–205.
16. *Синицын А. М.* Чрезвычайные органы Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1955. № 2. С. 38–43.
17. Совнарком — Совет Министров — Правительство Удмуртии: сб. док. и материалов, посвящ. 70-летию образования Совета Народных Комиссаров УАССР. Ижевск: Удмуртия, 2005. 302 с.

-
18. Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 308 с.
  19. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М.; Л.: Юрид. изд-во, 1949. 6 т. Т. 4: 1935–1945 гг. 1949. 596 с.
  20. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р–551. Совет министров Удмуртской АССР.

Н. В. Митюков

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

ВОТКИНСКИЕ РЕЧНИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПРИКАЗАХ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ВОТКИНСКОГО МЕХЛЕСОПУНКТА

В связи с 75-летием Победы, в соответствии с Законом о персональных данных стали доступны документы по личному составу военного периода. Произведен анализ приказов по личному составу Воткинского мехлесопункта периода Великой Отечественной войны, находящихся в фондах Управления по делам архивов администрации города Воткинска. Выявлены основные проблемы, с которыми столкнулся мехлесопункт в военные годы: кадровые, в связи с мобилизацией работников в Красную Армию, технические, из-за падения уровня подготовки личного состава. Произведена подборка приказов, направленных на решение этих проблем.

Ключевые слова: исторический источник, приказы по личному составу, Великая Отечественная война, речной транспорт, Воткинский мехлесопункт.

75 лет Победы историки встретили с энтузиазмом не столько из-за очередного юбилея, сколько из-за того, что именно такой срок выделяет Закон о персональных данных на конфиденциальность документов. А это значит, что все документы военного периода по личному составу теперь стали доступны для анализа.

Как правило, фонды по личному составу включает в себя два блока документации: приказы по личному составу и зарплатные ведомости. Оба они могут быть очень полезны для анализа. Документация по личному составу Воткинского мехлесопункта Управления по делам архивов администрации города Воткинска

также включает в себя оба этих блока (ф. 154, оп. 2). Но если зарплатные ведомости там довольно малоинформативны, то приказы по личному составу передают весь дух той эпохи.

Внешняя критика источника. В отличие от довоенных приказов, которые велись в амбарных книгах, приказы по личному составу Воткинского мехлесопункта периода 1940–1945 гг. представляют собой набор отдельных листов разного формата, сшитых в одно дело. Переход от амбарной книги к отдельным листам произошел в конце 1930-х гг., в связи с переходом на машинописные документы. Поэтому приказы периода 1941 г. практически полностью печатные. Начиная с начала 1942 г. доля машинописных листов снижается, и в период с 1943 по 1945 гг. приказы практически целиком рукописные. Печатные лишь отдельные страницы, очевидно особо важных приказов, которые, как правило, распространялись циркулярно. В 1946 г. доля машинописных листов резко повышается, и в 1947 г. все приказы снова становятся машинописными. Указанные закономерности, возможно, объясняются тем, что имевшиеся при мехлесопункте печатные машинки могли мобилизовать.

Вторая интересная особенность связана с самой бумагой. Предвоенные и ранние военные приказы написаны или отпечатаны в основном на форматной бумаге. Нередко это синяя бумага, на которой печатали фиолетовой лентой, из-за чего текст получился низкоконтрастным. Кроме того, это могла быть калька, текст на которой тоже читается с трудом, но это все бумага одного формата, специально предназначенная для подобных целей. Приказы, особенно 1942 и 1943 гг. обычно написаны на различных случайных листках, зачастую неформатных. Это могли быть оборотные стороны разных машинописных официальных бумаг второй половины 1930-х гг. В некоторых случаях приказы написаны на внутренней стороне журнальных обложек, а также на иллюстрациях в книгах или каталогах. Например, несколько приказов написаны на чертежах строений в каких-то отпечатанных документах. Встречаются даже приказы, написанные на чертеже санок для транспортировки бревен в зимнее время. Это обстоятельство наглядно показывает, что мехлесопункт испытывал дефицит бумаги.

Внутренняя критика источника. Война выявила ряд проблем, которые пришлось спешно решать по мере сил и возможностей.

Первая и самая главная проблема состояла в кадровом голоде из-за мобилизации части работников. Так, уже 25 июля 1941 г. вышел первый из приказов, по которому матрос А. Н. Русских освобождался от занимаемой должности, как мобилизованный в ряды Красной Армии (д. 10, л. 245). 3 сентября пароходные команды сразу недосчитались одного капитана и двух матросов, также мобилизованных в Красную Армию (д. 10, л. 274).

Указанную проблему мехлесопункт пытался решить, во-первых, увеличением нагрузки на оставшихся работников. Так, 15 августа 1941 г. машинисту парохода З. К. Коробейникову выдавалась денежная компенсация за неиспользованный отпуск в 24 рабочих дня (д. 10, л. 259). А по окончании первой послевоенной навигации, 24 ноября 1946 г. сразу нескольким членам команд пароходов предоставили дополнительные отпуска за неиспользованные в предыдущее время (д. 44, л. 198).

Во-вторых, речников перевели на 12-часовую смену. По опыту предвоенных лет для круглосуточной работы пароходов «Азин» и «Октябрь» формировалось по две сменные команды. Но, как выяснилось, такой режим работы оказался слишком тяжелым для людей, даже для условий военного времени.

Из-за усталости людей произошло ряд аварий. Так, 28 июня 1943 г. в ходе ночной вахты команда парохода «Азин» заснула, и пароход чуть не столкнулся с «Октябрем» (д. 29, л. 129). 30 августа 1944 г. идя порожняком, по подобной же причине «Азин» сел на мель. Серьезных повреждений не было, но его снимали 3,5 суток, и ущерб составил 1858 руб. (д. 38, л. 137). Хотя в обоих случаях следовали оргвыводы, было понятно, что люди устают от постоянного напряжения.

Уже 3 августа 1942 г. пароходы, до этого работавшие в две смены изменили свой режим работы. «Азина», за счет перевода на него запасной команды с «Октября», перевели на трехсменную работу, соответственно «Октябрь» — на односменную по 12 часов (д. 17, л. 257). Перед навигацией 1943 г. это нововведение оказалось закреплено документально. Приказ 20 апреля 1943 г.

установил новый состав команд пароходов. Хотя формально снова получалось две смены (по 12 часов), но в штат «Азина» впервые ввели запасного кочегара (д. 29, л. 86) — человека на пароходе, чьи условия работы была наиболее тяжелыми и изматывающими. Таким образом, был сделан первый шаг для трехсменной работы, которую ввели к навигации 1944 г. Приказом 12 мая 1944 г. осуществлялся перевод на постоянный трехсменный режим работы. Каждый пароход теперь имел по три команды (на момент составления приказа третья команда «Октябрь» была пока вакантна) (д. 38, л. 92). Указанная схема работы сохранилась и для послевоенного времени.

Понимая тяжелые условия работы речников, приказом 29 мая 1944 г. им повысили оклады и перевели на усиленные нормы питания (д. 38, л. 101).

Вакансии в кадрах пытались также заполнить за счет женщин и подростков. Уже 11 марта 1942 г. на должность матроса парохода «Азин» приняли Любовь Коробейникову, первую отраженную в приказах женщину (д. 17, л. 146). В приказе 20 апреля 1943 г., устанавливавшем новый состав команд пароходов, женские фамилии имеются у двух матросов на «Азине», запасного кочегара «Азина» (Тюлякова) и кочегара «Октября» (Файзулина) (д. 29, л. 86). Штат команды парохода включал рулевого (капитана), механика, кочегара и матроса. Как видно, женщин принимали только на работу, где не требовалось принятие решений (кочегар и матрос), при этом условия работы кочегара, вероятно, были самыми тяжелыми в команде. Но в целом, из 17 чел. пароходных команд (4 полные команды плюс запасной кочегар), женщин было лишь 23 %.

Спустя год, перед началом навигации 1944 г. женщинами стали все три матроса в командах «Азина», а также механик на «Октябре» — М. Михайлова (д. 38, л. 92). Из 24 чел. штата женщины составляют уже 17 %. Но впервые в командах появилась женщина на такой интеллектуально емкой должности, как механик парохода.

Интересен также приказ от 8 августа 1944 г., когда с должности машиниста «Азина» увольнялся А. Т. Сергеев. Как указано

в приказе, он являлся инвалидом 2 группы (д. 38, л. 134). К сожалению, определить процент подростков в составе команд не представляется возможным. Но имеется несколько приказов, когда членов команды увольняли в связи с призывом в Советскую армию, что доказывает, что они были.

Получается, что руководство мехлесопункта старалось привлекать к работе женщин, подростков и даже инвалидов, насколько это было возможным. В целом же пароходные команды составлялись из мужчин, которым предоставлялась бронь.

Следующая серьезная проблема состояла в падении уровня подготовки пароходных команд. Хотя руководство пыталось осуществлять ротацию кадров, чтобы, например, пароходными механиками поработали механики локомотивов и котельных, но для работы на судовых установках требовалось пройти сертификацию. Так, 24 марта 1942 г., поскольку пароходные команды не имели права работы с пароходными машинами и котлами, инспектором Судового регистра было запрещено допускать их к работе без посещения специальных курсов при технике. Незамедлительно на эти курсы отправились 4 машиниста, 4 кочегара, 4 капитана и один матрос (д. 17, л. 156). Интересно, что все они были мужчинами. В приказе руководство мехлесопункта четко предупредило, что в случае прогулов учебы, виновники будут переведены на другие работы.

Тем не менее, в дальнейшем постоянно возникали проблемы, объясняемые лишь низкой квалификацией. Так, приказом 30 июля 1942 г. констатировалось, что хотя команды знают нормы расхода горючего, их не соблюдают и не ведут им учет (д. 17, л. 254). Постоянно из-за недосмотра механиков подплавлялись плавкие пробки, на замену которых требовалось до 8 часов, в ходе которых пароход простаивал. Так, приказом от 30 июня 1943 г. отмечается, что в течение месяца это дважды произошло на «Азине» (14 и 24 июня) (д. 29, л. 129). Имелся и случай, когда на том же пароходе давление в котле подняли в полтора раза выше номинального, что являлось грубейшим нарушением режима эксплуатации.

Руководство, как могло административными методами пыталось повысить дисциплину на судах. Имеются несколько приказов, когда члены пароходных команд увольнялись за прогулы. 1 октября 1941 г. вышел приказ, по которому капитану А. М. Казанцеву, машинисту Г. К. Пьянкову, кочегару А. Н. Коновалову и матросу М. А. Казанцеву объявлялся выговор за опоздание на 20 мин. на работу (д. 10, л. 345). Вероятно, этот приказ имел более назидательный характер. По крайней мере, более каких-то санкций за опоздания по мехлесопункту не применялись.

Поскольку в 1942 г. боевые действия сместились на Волгу, это серьезно затруднило подвоз нефтепродуктов вглубь страны. Но, по-видимому, перебои с поставкой жидкого топлива возникли еще раньше. Так, приказом от 2 марта 1942 г. для обеспечения нефтью парохода «Октябрь» требовалось к 5 апреля принять от Галевской базы 30 т (д. 17, л. 158). К сожалению, этого запаса хватило не надолго. И тогда уже зимой 1942/43 гг. одной из актуальных задач стал перевод парохода на твердое топливо. Для этого потребовалось разработать новую конструкцию топки. Приказом 15 октября 1942 г. надлежало провести эти работы к 1 декабря 1942 г. (д. 17, л. 306). Но, вероятно, из-за сложности задачи для столь неподготовленного персонала, ее выполнение затянулось. 8 марта 1943 г. новый приказ констатирует, что работы по «Октябрю» до сих пор не завершены и требует их закончить к 20 апреля 1943 г. (д. 29, л. 50). Приказ 2 апреля 1943 г. снова требует завершить ремонт «Октября» к 20 апреля (д. 29, л. 74).

Но если проблему с котлом «Октября» удалось решить, то с генераторным судном «Пятилетка», она, по-видимому, так и осталась нерешенной. Катер появился в составе флота мехлесопункта в 1941 г. Весной этого года завод № 235 производил ремонт пароходов «Азин» и «Октябрь». Но загруженный другими заказами, он не смог выдержать плановые сроки сдачи, в результате суда не было готовы вплоть до конца мая, поставив под угрозу срыва планы мехлесопункта по заготовке древесины (а он поставлял ее и для этого завода). Именно в этот период завод и передал лесникам свой катер.

К сожалению, речники оказались не готовы к его эксплуатации. Хотя в качестве топлива на «Пятилетке» также использовались дрова, но это должны быть специальным образом подготовленные генераторные чурки. Уже 11 октября 1941 г. вышел приказ, по которому заместителю по транспорту В. И. Толстопятову надлежало ежедневно приготавливать и доставлять по полтора кубометра генераторной чурки для обеспечения работы судна (д. 10, л. 301).

Похоже, что проблему с чуркой так и не удалось решить, поскольку «Пятилетка» зимой 1942/43 гг. также попадает под программу экономии топлива. Приказом 15 октября 1942 г. предполагалось к 1 января 1943 г. заменить газоустановку «Пятилетки» ЛС-1-2 на ЛС-1-3 (д. 17, л. 306). Но, как и с котлами «Октябрь», задача оказалась сложной для ее решения силами мехлесопункта. Приказ от 8 марта 1943 г. констатирует, что работы по «Пятилетке» по-прежнему далеки до завершения, и устанавливал новые сроки их окончания — к 1 мая 1943 г. (д. 29, л. 50). Приказ от 2 апреля 1943 г. установил более жесткие сроки, и потребовал завершить работы к 25 апреля (д. 29, л. 74). Однако приказ от 20 апреля 1943 г. снова констатирует плачевное положение с «Пятилеткой» и требует произвести монтаж газоустановки к 7 мая, чтобы ввести судно в эксплуатацию (д. 29, л. 86). По видимому, работы все-таки завершили, но не в планируемом объеме. По крайней мере, как явствует из дальнейших приказов, «Пятилетка» числилась выведенной в резерв, и в 1943 г. использовалась лишь один раз, когда потребовалось срочно завершить работы по сплаву в преддверии аномально ранней зимы. После этого данное судно в приказах более не упоминается.

И еще одна проблема воткинских речников военного периода оказалась связана с перевозкой пассажиров. Исторически сложилось, что «Азин» и «Октябрь» были единственным средством передвижения по Воткинскому пруду. Но если в довоенное время на это смотрели сквозь пальцы, то в военное отвлечение на второстепенные задачи реально ставило на грань срыва производственные планы. Так, приказ от 28 апреля 1943 г. категорически запрещал принимать пассажиров, указывая, что все три имеющихся судна буксирные и для перевозки пассажиров не

предназначены (д. 29, л. 87). Но, по-видимому, и в перевозке людей имела производственная необходимость. Поэтому приказом от 24 июля 1943 г., после осмотра судов инспектором регистра, разрешили возить пассажиров: «Азин» — не более 30 чел., «Октябрь» — не более 15 чел. Цена билета устанавливалась в 10 руб., для работников леспромхоза — 5 руб. По требованиям регистра пароходы потребовалось оснастить спасательными кругами и шарами по количеству разрешенных к перевозке пассажиров (д. 29, л. 170). Приказ от 22 сентября 1943 г. констатировал, что из-за перевозок рабочих из Горносталя на плотину, происходят постоянные задержки по буксировке древесины и приказывал перевозить людей только для производственных целей (д. 29, л. 216).

Таким образом, приказы по личному составу Воткинского мехлесопункта представляют собой ценный источник по работе этого предприятия в годы войны. Они четко указывают на возникшие проблемы и позволяют проанализировать пути, выбранные предприятием для их решения. На основании приказов можно уверенно сказать, что воткинские речники, как и вся страна, тоже внесли свой вклад в Победу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Управление по делам архивов администрации города Воткинска, ф. 154, оп. 2, д. 10, 17, 29, 38, 44.

А. А. Кузнецов

г. Нижний Новгород (Россия)

Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского

**ЗВАНИЕ «ГОРОД ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛИИ ИСТОРИИ
ТЫЛА В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ
(НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА/ГОРЬКОГО)**

В статье на примере Нижнего Новгорода показана сложная история получения звания «Город трудовой доблести». Приводятся примеры формирования этим званием исторической реальности, выставления на передний план одних аспектов и упущения других.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Победа, «Город трудовой доблести», «Город воинской славы», Нижний Новгород, Горький, промышленность, историческая политика, коммеморация.

В центре государственной исторической политики современной России находится задача сцепления славных событий истории России, «которую мы потеряли» после 1917 г., со значительными, дающими подвиг для гордости свершениями и победами советского времени. Причем, последние берутся после целенаправленного вымывания партийно-коммунистических, социалистических, идеологических подкладки и символического содержания [1, с. 118–119].

Самым важным из позитива советского, пожалуй, и всего российского, наследия является память о Великой Отечественной войне и Победе-1945. Кроме триумфального (через трагедию) наполнения, что присуще всем «воспоминаниям» о ярких событиях, этот сюжет отличает живое эмоциональное переживание каждой российской семьи. А потому российским властям выгодно использовать такое отношение к Войне и Победе, для консолидации общества на излёте второго десятилетия XXI в.

Такое встречное движение социума и государства обуславливает многочисленные выгоды от использования «военно-победного» ресурса в различных политико-коммеморативных проектах. К самым массовым из них относятся усилия по выстраиванию локальных историко-культурных идентичностей.

Новые постсоветские праздники и юбилеи превознесли ряд городов. 850-летие Москвы, 300-летие Санкт-Петербурга, 1000-летие Казани... свидетельствуют об обретении и/или закреплению себя на пространстве былого в России. 1150-летие Российской государственности, 400-летие «преодоления Смуты» закрепляли определённый статус соответственно за Новгородом, Нижним Новгородом и Ярославлем. Праздник Народного единства — 4 ноября — также приподнимает Нижний Новгород, Ярославль и Москву. Такие торжества точно превозносят отдельные города. Зато «воспоминания» о Великой Отечественной войне и Победе открывают простор для конструирования нарратива славы того или населённого пункта.

Особенно ярко это проявилось с присуждением звания «Города Воинской славы». Несмотря на первый пункт Положения в Указе Президента Российской Федерации об условиях и порядке присвоения почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 27.04.2007 № 557: «При рассмотрении вопроса о присвоении городу звания “Город воинской славы” учитывается беспримерный подвиг защитников Отечества, который стал символом мужества, стойкости и массового героизма для поколений российских граждан» — главной целью была актуализация памяти о Победе в Великой Отечественной войне. Под неё подвёрстывался и разгром милитаристской Японии. А потому одним из оснований введения данного статуса, надо полагать, стал распад СССР, повлёкший уход с российской «карты памяти» о Войне ряда городов-героев (Брестская крепость, Керчь, Киев, Минск, Одесса). Другая причина заключалась в восстановлении исторической справедливости в отношении ряда городов, по разным причинам обойдённых советской политической коммеморацией подвига.

Список 45 городов, которым было присвоено звание «Город воинской славы» с 2007 по 2015 г., показателен политической конъюнктурой, факторами случайности и иными обстоятельствами, но не исключительно историческими и мемориальными соображениями. Причём, эта тенденция усиливалась по мере расширения этого списка и приближения к 70-летию Победы. В этой связи примечательна история безуспешной борьбы Нижнего Новгорода за звание «Город воинской славы».

Было осуществлено две попытки. В 2010 г. по поручению Министерства культуры Нижегородской области историки Нижегородского строительного университета обосновали заявку. В ней акцент был поставлен на роль города Горького в 1941–1945 гг.: город был «Кузницей Победы» и отбивался от вражеских бомбардировок. В последнем крылась доля лукавства. В том же 2010 г. на стритбордах, визуализировавших нижегородскую заявку, жителям и гостям города было представлено время, в течение которого Горький отражал бомбардировщиков люфтваффе в 1941–1943 гг. Сплошной подсчёт вёлся от первой бомбардировки в октябре 1941 г. до последнего налета в 1943 г. Промежуток между ними подавался как срок, в ходе которого Горький противостоял вражеской авиации. При этом умалчивалось небольшое число сбитых самолётов на фоне преувеличенной длительности налётов. Сочетание «подвиг в тылу и авиабомбардировки», кроме Горького, был присущ Рязани, Ярославлю, Саратову и др. Именно, по такому же критерию в заявке звание «Город воинской славы» был присвоен городу Коврову Владимирской области в 2011 г. Нижний Новгород был обойден, что вызвало раздражение местных властей и общественности. Второй подход пришёлся на Год Российской истории в Нижегородской области осенью 2012 г. Понятно, что тогда Нижний Новгород был на слуху — ополчение, Минин. Инициатором выступило Министерство образования Нижегородской области. Составителями исторической части заявки теперь стали сотрудники Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, среди которых был автор этих строк. Казалось бы, много событий нижегородской истории дают основания для претензий на это звание. Однако, эти события, в основном, приходились на XIII–XVII вв.

и были связаны с борьбой с теми этносами, наследники которых ныне являются неотъемлемой частью многонациональной России [2]. И эта заявка не была поддержана. Наверное, потому что всё-таки это была не Великая Отечественная (Вторая мировая) война.

К 2015 г. многообразная и часто не связанная с исторической ролью мотивация придания воинской славы тому или иному городу, в принципе, способствовала инфляции этого звания. Возможно, поэтому его присвоение прекратилось. Однако поддержание эмоциональной памяти о Войне и Победе в ходе осуществления исторической усиливается, в том числе, и в связи с 75-летием в 2020 г. И заменой «Города воинской славы» стало звание «Город трудовой доблести». Власти Нижегородской области всячески подогревали общественный интерес к этой теме. Были устроены интернет-голосования за присвоение Нижнему Новгороду этого звания, поскольку общественная инициатива в этом смысле приветствовалась. В СМИ перечислялись трудовые достижения Горького в годы Войны: больше всех выпустили танков, 25% всех боевых самолётов (Ла-5 и Ла-7) и, конечно, знаменитые газовские полторки...

После присвоения 20-ти городам РФ звания «Город трудовой доблести» СМИ Нижегородской области подчёркнуто Нижний Новгород помещали на первом месте среди удостоенных, хотя в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2020 список городов был организован в алфавитном порядке [3]. После первых дней ликования о новом звании в Нижегородской области как-то забылось (хотя, наверное, оно проявится в юбилейный для «града на устье Оки» 2021-й год). И тому есть ряд причин объективного свойства, которые достаточно рельефно проявляются на нижегородском/горьковском материале.

Важная причина связана с символической нагрузкой званий «Воинская слава» и «Трудовая доблесть». Понятно, что Великая Отечественная война прошла по многим городам РСФСР. Некоторые быстро были заняты врагом, а вот в Воронеже линия фронта пролегла через город и его население приняло активное участие боях. Тыл же работал повсеместно, что называется, на износ. С учётом того, что многих ушедших на

фронт мужчин заменили женщины и подростки, степень трудовой доблести возрастает. Везде действовал лозунг «Всё для фронта, всё для победы!». В возможном случае снижения трудового порыва, вплоть до опоздания, человека ждали суд и заключение в лагерь. Везде одной из главных мотиваций было: работать на Победу, работать за себя и ушедших на фронт. В этом смысле трудовая доблесть распространялась равномерно и самыми доблестными были заключенные лагерей, с их скудной пайкой и невыносимыми бытовыми условиями.

Звание «Город трудовой доблести» могло быть обусловлено и экономическим районированием РСФСР и определением того или города как пункта эвакуации предприятий западных областей СССР. Так получилось, что в годы первой пятилетки в Нижнем Новгороде/Горьком был построен автомобильный завод, в дореволюционное время стал расти Сормовский завод, на базе которого развивались выпуск подводных лодок и танкостроение, до Войны был выстроен авиастроительный завод. Эти обстоятельства и относительная близость к фронту не могли не сделать заметной трудовой доблесть Горького в годы Войны. В этом смысле Горький был обречён стать «Городом трудовой доблести». Однако при этом в стороне от такого награждения остался флагман советской химической промышленности Дзержинск в Горьковской области, давший Красной Армии огромное количество взрывчатых веществ. Звание «Город трудовой доблести» определяет не только сегрегацию городов, но и ставит в ущемлённое положение колхозное и совхозное крестьянство. Оно, лишённое тягловой силы, должно было кормить и Красную Армию, и город. Тем более, на рабочих могла накладываться «бронь», а сельские труженики были лишены этой возможности.

И ещё очень важный момент. В кампании, нацеленной на получение этого звания, потерялся аспект современности. Многие из предприятий «Кузницы Победы» после 1991 г. перестали существовать. А те, что выжили, прошли через сложные времена с сокращением кадрового состава. В результате, разорванной оказалась преемственность поколений работников предприятий. Награждённым оказался нижегородский социум, который никак

не связан с Победителями, не продолжающий их дело служения своему заводу, предприятию.

Эти обстоятельства показывают, что нацеленный на сохранение памяти о Победе, на умножение безмерного уважения и преклонения перед всеми участниками Войны — на фронте и в тылу — проект вывел «за скобки» коммеморации целые пласты подлинной истории. Историческая политика, акцентирующая внимание на ключевых, реперных точках воспоминания о Победе, подчинила им другие важные процессы, сюжеты. Для разрешения такой проблемы надо обратить внимание ещё на одного бездействующего актора исторической политики — историка. Для коллег по цеху Клио свойственно воздержание от неё, поскольку это дело «кесарево». Однако производитель исторического знания априори является её участником. В случае осознания этой роли историка могут компенсировать издержки исторической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бордюгов Г. А.* 2015: новые смыслы юбилея Победы // *Бордюгов Г. А.* Пространства российской истории XX–XXI веков. М.: АИРО-XXI. С. 114–123.
2. *Кузнецов А. А., Маслов А. Н., Морохин А. В., Сомов А. В.* Обоснование заявки на получение Нижним Новгородом звания «Город воинской славы». Страницы Ратной истории Нижнего Новгорода // *Гуманитарии в XXI веке: в 2 т. Т. 1: Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 581–586.*
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2020 № 444 «О присвоении почетного звания Российской Федерации “Город трудовой доблести”». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007020031>

А. А. Рукавишников

г. Магнитогорск (Россия)

Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Грамотная и эффективная финансовая политика государства всегда является важнейшим фактором в процессе функционирования экономической жизни страны. При принятии верных решений важным подспорьем является опыт предшественников, особенно если затрагиваемая тема мало изучена. В работе рассматриваются проводимые советским правительством мероприятия по преодолению последствий войны в финансовой сфере на материалах Челябинской области, игравшей тогда (и продолжающей играть сейчас) важную роль в жизни страны. При разработке данной темы были изучены различные авторские материалы, а также опубликованные и неопубликованные документы. Это позволяет дополнить имеющиеся сведения и осмыслить результаты проведенных мероприятий, основными из которых являются денежная реформа, отмена карточной системы и политика снижения розничных цен. В целом поставленные перед их осуществлением задачи были выполнены. Проводившиеся (в том числе на региональном уровне на примере Челябинской области) мероприятия по преодолению последствий войны в финансовой сфере имели объективную необходимость, реализовывались в сложное послевоенное время и требовали определенных жертв и непопулярных мер.

Ключевые слова: последствия войны, послевоенные финансы, денежная реформа, карточная система, снабжение населения, снижение цен, Челябинская область.

Великая Отечественная война нанесла народному хозяйству СССР большой урон. По данным многих авторов, в том числе Г. И. Ханина [16, с. 82], В. П. Попова [11, с. 11] и др., сумма

прямых потерь, понесенных экономикой СССР в годы войны, составила почти 680 млрд. руб., что в 5,5 раза выше довоенного национального дохода страны.

Актуальность исследований в финансовой сфере не вызывает сомнений с учетом значимости финансового фактора в процессе функционирования экономической жизни страны. При принятии верных решений важным подспорьем является опыт предшественников, особенно если затрагиваемая тема мало изучена. В работе рассматриваются проводимые советским правительством мероприятия по преодолению последствий войны в финансовой сфере на материалах Челябинской области, игравшей тогда (и продолжающей играть сейчас) важную роль в жизни страны. Изучение данной темы имеет как теоретическую, так и практическую значимость, может оказаться полезным при решении современных финансово-экономических проблем.

Целью данного исследования является раскрытие сущности мероприятий по преодолению последствий Великой Отечественной войны в финансовой сфере, и рассмотреть их осуществление на региональном уровне на примере Челябинской области.

Война была большим испытанием для финансовой системы государства. Резко увеличились расходы на армию и развертывание военной промышленности. Милитаризация экономики и наращивание военно-промышленного потенциала потребовали больших расходов, которые в значительной степени финансировались из государственного бюджета. Это привело к дефициту госбюджета, который в 1941 г. составлял 1,4 млрд. руб., в 1942 г. — 1,8 млрд. руб., а в 1943 г. — 0,6 млрд. руб. Прямые военные расходы достигали 55 % от национального дохода при значительном сокращении производства товаров народного потребления. При этом дефицит бюджета покрывался главным образом денежной эмиссией. Денежная масса увеличилась за годы войны в четыре раза, с 18,4 млрд. руб. на июнь 1941 г. до 73,9 млрд. руб. на 1 января 1946 г. Вместе с тем, объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли сократился на две трети [3, с. 56].

По мнению экономистов Г. И. Ханина [16, с. 83] и В. Ю. Катасонова [7, с. 53], советская денежная система неплохо выдержала испытание войной. Однако Великая Отечественная война породила ряд крупных негативных явлений, которые необходимо было устранить. Во-первых, увеличившаяся за годы войны денежная масса существенно превышала потребности народного хозяйства и товарооборота, что снизило товарное покрытие рубля и усилило инфляцию. Во-вторых, появилось несколько видов цен — стабильные пайковые карточной системы, более высокие государственные коммерческие и растущие рыночные, что снижало мотивацию труда, подрывало значение денежных зарплат и выплат рабочих и служащих, а также денежных доходов колхозников по трудодням. В-третьих, крупные денежные суммы осели у спекулянтов («дельцов»), причем дефицит государственных товаров и существенная разница в ценах давала им возможность продолжать обогащаться за счет большей части населения, что подрывало принцип социальной справедливости в стране [3, с. 56]. В-четвертых, в годы войны оккупационные власти на занятых территориях с целью финансирования своих расходов и дезорганизации советской денежной системы выпускали в обращение фальшивые советские деньги, которые нужно было аннулировать [13, с. 122].

Для восстановления народного хозяйства необходимо было ликвидировать последствия войны в сфере торговли и денежного обращения. Для решения этих задач требовалось изъять избыточную денежную массу из обращения, накопить достаточное количество государственных товарных ресурсов, чтобы отказаться от сложившейся в годы войны чрезвычайной системы распределения, а также наполнить бюджет [3, с. 56].

За годы войны Челябинская область стала крупнейшим центром оборонной и тяжелой промышленности СССР. Как и по всей стране, в области требовалось осуществить мероприятия по преодолению последствий войны, в том числе в финансовой сфере.

Сразу после окончания войны советское руководство провело ряд мероприятий, направленных на укрепление денежной системы и рост благосостояния населения. Покупательный

спрос населения был увеличен путем роста фондов заработной платы и снижением платежей в финансовую систему. В январе 1946 г. был полностью отменен военный налог со всех рабочих и служащих и снижен размер обязательной подписки на новый государственный заем, по которому часть заработной платы выдавалась не живыми деньгами, а облигациями госзайма. С марта 1946 г. все сберкассы начали выплачивать рабочим и служащим компенсацию за неиспользованные во время войны отпуска и т. д. Однако к концу 1946 г. негативные явления в финансово-хозяйственной сфере полностью не были устранены, поэтому советское руководство окончательно взяло курс на проведение денежной реформы [15, с. 22].

Изначально реформу планировали провести в 1946 г., но из-за голода в ряде регионов страны, вызванного неурожаем и засухой, начало реформы пришлось отложить. Особенностью послевоенной денежной реформы являлось то, что она проводилась с предварительной реформой цен и одновременно с отменой карточной системы, так как необходимо было вернуться к нормальному состоянию товарооборота.

Карточная система и множественность цен на продукты массового спроса сыграли свою роль в годы войны и в период первоначального восстановления страны. Однако такая система распределения продуктов приводила к утечке на свободный («черный») рынок части товаров, которые отпускались по низким пайковым ценам. Население, получая по карточкам минимальное количество продуктов питания и промышленных товаров, вынуждено было обращаться к рынку, где рост цен отражал падение покупательной способности рубля. Это подрывало позиции советского рубля, создавало неустойчивость реальной заработной платы [3, с. 58; 12].

В мае 1946 г. была создана комиссия по отмене карточной системы под председательством А. И. Микояна. Главным камнем преткновения оказалась проблема розничных цен. Было принято решение установить единые розничные цены выше пайковых, но ниже коммерческих, при одновременном увеличении заработной платы для работников с окладами ниже 900 руб., а

также пенсий, стипендий и пособий. При этом повышение заработной платы и государственных пособий означало новый рост денежной массы. Стало ясно, что отменить карточную систему нельзя без реформы, призванной уменьшить денежную массу [2, с. 173].

Параллельно уменьшалось количество граждан, охваченных карточной системой распределения товаров, в первую очередь, хлеба. Численность снабжаемого населения в сельской местности была уменьшена с 27 до 4 млн., в городах и рабочих поселках — на 3,5 млн. неработающих взрослых. В итоге расход хлеба по пайковому снабжению сократился на 30 %. Это вело к сокращению спроса, его приближению к предложению [1, с. 83]. В Челябинской области лимиты снабжения населения хлебом по карточкам, по данным сентября и октября 1946 г., также были уменьшены [9, ф. п–288, оп. 10, д. 311, л. 120–121]. В целях дальнейшей экономии в расходовании хлеба партийное руководство области ежемесячно организовывало проверку правильности выдачи населению хлебных и продуктовых карточек [9, ф. п–288, оп. 10, д. 311, л. 144].

14 декабря 1947 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». В соответствии с реформой, вся денежная наличность подлежала обмену за исключением разменной монеты. Обмен денег производился в течение недели, а в отдаленных районах — в течение двух недель. Не предъявленные к обмену в установленный срок деньги теряли свою платежную силу. Все наличные денежные средства обменивались на новые в соотношении 10:1.

Все денежные вклады в сберегательных кассах обменивались по следующей схеме: вклады до 3 тыс. руб. сохранялись в полном объеме, т. е. обмен осуществлялся 1:1, вклады от 3 тыс. до 10 тыс. руб. обменивались в соотношении 3:2, а вклады свыше 10 тыс. руб. подлежали обмену в пропорции 2:1 [14, с. 465]. Вклады представляли гораздо меньший инфляционный потенциал, чем наличность, доля которой в структуре денежной массы составляла порядка 85 %. В сберкассах находилась незначительная часть сбережений населения. Их льготный обмен давал

огромный пропагандистский эффект, позволял говорить о защите интересов трудящихся и повышал авторитет сберегательных касс.

Все денежные средства на расчетных и текущих счетах кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов, переоценивались в соотношении 5:4.

Для держателей облигаций государственных займов устанавливались следующие условия обмена (конверсия госзаймов): облигации займа 1947 г. переоценке не подлежали, облигации прежних массовых займов обменивались на облигации нового двухпроцентного займа в соотношении 3:1, а облигации свободно реализуемого займа 1938 г. — на трехпроцентный заем в соотношении 5:1 [3, с. 60; 15, с. 23]. В результате, облигации госзаймов, как и денежные вклады, обменивались на более выгодных условиях, чем наличные деньги. При этом происходило серьезное сокращение госдолга. При пересчете заработной платы населения проводился обмен денег таким образом, что она оставалась без изменения [6, с. 196].

Одновременно с проведением денежной реформы отменялась карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами. Взамен множественности цен (пайковых и коммерческих) в стране вводились единые государственные розничные цены. При этом требовалось принять меры экономии в расходовании продовольственных фондов. В магазинах были введены предельные нормы отпуска товаров в одни руки и однодневный лимит объема продаж [10, с. 186; 17, с. 132]. В результате ввода единых государственных розничных цен, цены на хлеб, муку, крупу и макароны были снижены в среднем на 10 % по сравнению с действовавшими пайковыми ценами карточной системы. На остальные виды продовольствия новые цены оставались на уровне пайковых цен. В целом установленные цены на продовольствие были выше цен довоенного времени и, за исключением необходимого минимума, недоступными для большинства населения, особенно сельского [4, с. 134].

После проведения денежной реформы и отмены карточной системы компенсации населению и рост потребления производились в течение последующих нескольких лет за счет снижения

розничных цен на товары массового потребления. При оценке политики снижения цен, авторами различных взглядов и направлений были высказаны как очевидные положительные, так и критические мнения. Не вдаваясь в эти противоречия, стоит отметить, что к 1954 г. индекс государственных розничных цен по сравнению с уровнем 1947 г. снизился до 43 %. Выросла покупательная способность рубля [8, с. 382].

Рассмотрим данные справки Горторготдела о периодическом снижении государственных розничных цен на промышленные и продовольственные товары за период с 17 декабря 1947 г. по 1 марта 1951 г. в Челябинске [9, ф. п–288, оп. 15, д. 274, л. 6–8]. По представленному наименованию продовольственных товаров снижение розничных цен 1951 г. к ценам 1947 г. составляло от 14,8 % до 60,5 %. В среднем, цены на продтовары снизились на 38,7 %. Меньше всего цены снизились на сахар-песок (14,8 %), молоко (17,8 %), сливки (19 %). Больше всего цены снизились на соль (60,5 %), масло топленое (54,6 %), кету малосоленую (49,5 %). По промышленным товарам снижение розничных цен 1951 г. к ценам 1947 г. составляло от 10 % до 59,5 %. В среднем, цены на промтовары снизились на 27 %. Меньше всего цены снизились на галоши (10 %), платье для девочек шелковое (11,3 %), ткань шотландку (12,1 %), кашемир (12,3 %). Больше всего цены снизились на часы «Молния» (59,5 %), часы «Победа» (54,7 %), мыло хозяйственное (49 %). Всего по Челябинску государственные розничные цены на промышленные и продовольственные товары с 1947 г. по 1951 г. в среднем снизились на 33 %, что в целом соответствует общей тенденции снижения розничных цен в стране.

Подводя итоги проведения мероприятий по преодолению последствий войны в финансовой сфере, можно отметить, что в различной литературе они имеют полярные оценки, от однозначного восхваления, до столь же однозначных критических выводов. При этом в целом поставленные перед их осуществлением задачи были выполнены.

Очевидно, что денежная реформа имела конфискационный и противоречивый характер. В результате реформы были

ликвидированы последствия войны в области денежного обращения, повысилось значение всех функций денег. Наличная денежная масса уменьшилась более чем в 3 раза. К началу реформы в обороте находилось 43,7 млрд. руб., вместо которых на конец 1947 г. было выпущено в обращение около 14 млрд. руб. новых денег. Не было предъявлено к обмену примерно 6 млрд. руб. Существенно сократился госдолг и сбалансирован дефицит госбюджета. Переоценка вкладов принесла доход государству в 3,6 млрд. руб. [3, с. 60]. Имели место потери, понесенные населением в ходе обмена денег. Те, кто хранил сбережения в наличных деньгах, понесли определенный урон в ходе реформы. В то же время для многих теневых дельцов и коррумпированных чиновников, имевших значительные денежные накопления, денежная реформа, которая готовилась в обстановке строгой тайны, не являлась неожиданностью [5, с. 234]. Накануне реформы имел место массовый наплыв покупателей в магазины, торгующие промышленными и ювелирными товарами, а также наблюдался усиленный приток вкладов в сберкассы. Сохранилось множество фактов различных злоупотреблений и спекуляций [3, с. 61]. За преступления, связанные с проведением денежной реформы, привлекались к уголовной ответственности работники торговых организаций и финансовых органов. В Челябинской области были проверены 426 сберегательных касс и отделений Госбанка, выявлено незаконных вкладов на 2 млн. руб. [4, с. 140].

В сопоставлении с аналогичными конфискационными денежными реформами, проведенными в странах Европы, условия денежной реформы 1947 г. в СССР были во многом мягче и носили более щадящий характер [2, с. 171–173; 3, с. 62; 13, с. 124; 15, с. 24].

Насыщение потребительского рынка продовольственными и промышленными товарами после окончания войны обеспечивалось за счет низкого платежеспособного спроса населения. Карточная система была одним из символов военного времени. Ее отмена имела не только экономическое, но и важное политическое значение, т. к. власти стремились это сделать раньше стран капиталистической Европы, доказав таким образом преимущества социализма [13, с. 120]. Стоит отметить, что Великобритания, на

территории которой сухопутные военные действия не велись и которая пострадала в войне значительно меньше, чем СССР, еще в начале 1950-х гг. не могла отменить карточную систему (окончательно отменена в 1954 г.) [15, с. 24]. В целом торговая сеть Челябинской области была не готова к отмене карточной системы, оставался не решенным вопрос стабильного снабжения населения продовольствием. Проведение политики снижения розничных цен на товары массового потребления позволило оказать поддержку населению и обеспечить рост потребления и покупательной способности рубля в течение нескольких послевоенных лет.

Таким образом, нельзя оценивать проводившиеся (в том числе на региональном уровне на примере Челябинской области) мероприятия по преодолению последствий Великой Отечественной войны в финансовой сфере однозначно со знаком «плюс» или со знаком «минус», как и нельзя рассматривать их с позиции сегодняшнего дня. Эти мероприятия имели объективную необходимость, реализовывались в сложное послевоенное время и требовали определенных жертв и непопулярных мер. В дальнейшем эти обманутые ожидания способствовали появлению у населения чувства недоверия ко всем финансовым реформам, проводимым государством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенов Ю., Улюкаев А.* О простых решениях непростых проблем // Коммунист. 1990. № 6. С. 78–88.
2. *Бокарев Ю. П.* Денежная реформа 1947 г. в СССР и конфискационные денежные реформы в Европе 1944–1948 гг. // Денежные реформы в России: История и современность. М.: Древлехранилище, 2004. С. 171–181.
3. *Грузицкий Ю.* Первая послевоенная реформа (к 65-летию денежной реформы 1947 г.) // Банкаўскі веснік. апрель 2013. № 10/591. С. 56–62.
4. Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина / сост. Э. Ю. Завадская, Т. В. Царевская // Отеч. история. 1997. № 6. С. 134–140.
5. *Зверев А. Г.* Записки министра. М.: Политиздат, 1973. 270 с.

6. *Исакова Е. В.* История денежных реформ Советского государства в документах РГАЭ // Денежные реформы в России: История и современность. М.: Древлехранилище, 2004. С. 193–198.
7. *Катасонов В. Ю.* Экономика Сталина. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 416 с.
8. *Ковнир В. Н.* История экономики России: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2011. 472 с.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
10. *Пашина Н. В., Федорченко В. И.* Проблемы подготовки экономической реформы 1947 г. (на материалах Красноярского края) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 4 (10). С. 180–194.
11. *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). 2-е изд., испр. М., 2002. 157 с.
12. *Потемкина М. Н.* Роль денег в стратегиях выживания советского человека: оккупированные территории и советский тыл // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Междунар. науч. конф. Южный научный центр РАН; отв. ред. Г. Г. Матишов. 2011. С. 245–251.
13. *Репинецкий А. И.* Реализация денежной реформы 1947 г. и реакция населения (на материалах Куйбышевской (Самарской) области) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12. № 6. С. 120–124.
14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
15. *Спицын Е. Ю.* Россия — Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов: В 4 т. Т. 4. М.: Концептуал, 2015. 512 с.
16. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: НГТУ, 2008. 516 с.
17. *Хисамутдинова Р. Р., Алантьева Е. В.* Отмена карточной системы и переход к свободной торговле на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 3. С. 127–135.

О. В. Ветошкина

г. Ижевск (Россия)

Центральный гос. архив Удмуртской Республики

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОБОРОННЫХ ЗАВОДОВ УАССР)

В статье анализируются качественные и количественные характеристики трудовых ресурсов Удмуртии после Великой Отечественной войны, доли в ней рабочих Наркомата вооружения СССР, изменения половозрастной структуры рабочих оборонной промышленности региона, уровень заработной платы в разных отраслях народного хозяйства Удмуртии.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, рабочие, оборонные заводы, половозрастные характеристики трудовых ресурсов, УАССР, конверсия.

Составной частью мобилизационной экономики военного времени стало формирование мобилизационной модели трудовых отношений. Ей были присущи следующие черты: предельно централизованная система регулирования трудовых ресурсов, использование принудительных форм привлечения к труду в виде трудовой повинности и трудовой мобилизации, прикрепление рабочих к предприятиям, введение уголовных мер наказания за нарушение трудовой дисциплины. В рамках нее произошла абсолютизация полномочий государства по регулированию трудовых ресурсов, которая позволила обеспечить рабочей силой приоритетные для государства отрасли народного хозяйства.

В систему Наркомата вооружения СССР в 1945 г. входило 6 крупнейших заводов республики: № 71 (Ижевский металлургический завод), № 74 (Ижевский машиностроительный завод), № 235 (Воткинский машиностроительный завод), № 524 (Ижев-

ский мотоциклетный завод), № 544 (Глазовский патронный завод), № 622 (Ижевский механический завод) [1, с. 284]. Если в 1940 г. объем валовой продукции предприятий Наркомата вооружения СССР составлял 78,7 % от всей продукции, выпускаемой республикой, то в 1944 г. — 93,7 % [9, ф. р–780, оп. 1, д. 37, л. 1].

Распределение рабочих в структуре промышленности УАССР демонстрирует милитаризованный характер экономики республики. На 1 января 1945 г. на заводах Наркомата вооружения СССР, расположенных в республике, работало 62 % от общей численности рабочих и служащих, занятых в промышленности, 56,3 % — на 1 апреля 1946 г., 67 % — на 1 сентября 1947 г., 61 % — на 1 сентября 1950 г. [9, ф. р–845, оп. 17, д. 5, л. 1, 7, 10, 15, 24, 27; д. 8, л. 54; д. 10, л. 142; д. 17, л. 12].

К началу 1945 г. на оборонных заводах Удмуртии работало 78642 чел., что было максимальным показателем численности, занятых в оборонной промышленности республики в 1940-е гг. [9, ф. р–551, оп. 1, д. 43, л. 139, 139об; ф. р–845, оп. 17, д. 5, л. 7, 10, 18, 24]. Преимущественно, это было достигнуто привлечением на производство мобилизованных и эвакуацией в республику предприятий и рабочих из западных и центральных регионов страны.

Общее количество эвакуированного населения на территории Удмуртии достигло своего максимума в 1943 г. и составило 78336 чел. Из них 28999 чел. составляли рабочие, служащие и члены их семей, эвакуированные вместе с предприятиями и учреждениями, 47219 — прибывшие в индивидуальном порядке и 2148 — дети, эвакуированные с детскими учреждениями [5, с. 147].

В 1946 г. в республике проживало 15057 эвакуированных: 3700 мужчин, 7596 женщин, 4161 детей. В основном, эвакуированные были размещены в городах (83,15 %) и работали на предприятиях Наркомата вооружения СССР (73,8 % от общего количества трудоустроенных по городам) [9, ф. р–755, оп. 3, д. 5, л. 4].

К 1948 г. количество эвакуированных рабочих, работавших на заводах Удмуртии, было крайне незначительным. Если в феврале 1943 г. в промышленности Удмуртии работало 16497 эвакуированных, то в 1948 г. — всего 162 чел. [8, с. 118].

Сохранившиеся архивные материалы не позволяют выявить точную динамику изменения численности мобилизованных рабочих на оборонных предприятиях республики в послевоенный период, но можно предположить, что определенная часть мобилизованных предпочла остаться на производстве. На 1 февраля 1949 г. на заводе № 71 продолжало работать 826 мобилизованных, из них 803 — рабочие, 11 — ИТР, 12 — служащие [9, ф. р–1467, оп. 3, д. 399, л. 77].

В первые послевоенные годы промышленность страны в целом испытывала дефицит рабочей силы, связанный, прежде всего, с отменой системы трудовой мобилизации, реэвакуацией, уходом с предприятий подростков и рабочих старших возрастных групп. Эти тенденции в полной мере можно проследить и на примере Удмуртии.

Если на 1 апреля 1945 г. в народном хозяйстве УАССР было занято 225296 чел. (за исключением колхозников), то на 1 апреля 1946 г. — 220550 чел. Общая численность промышленно-производственного персонала в промышленности республики сократилась с 127178 чел. в 1945 г. до 120213 чел. в 1946 г. [9, ф. р–84, оп. 17, д. 8, л. 56, 57]. Пик снижения трудовых ресурсов республики пришелся на 1947 г., когда в народном хозяйстве УАССР было занято 197710 чел. [9, ф. р–845, оп. 17, д. 10, л. 144].

Это было вызвано комплексом факторов: завершением реэвакуационных процессов, переходным периодом от централизованных форм пополнения рабочей силы к децентрализованным, сложностями проведения конверсии, которая привела к сокращению производства, отложенными социально-демографическими последствиями Гражданской войны и коллективизации.

С середины 1946 г. начался процесс частичного разрушения единой централизованной системы, регулирующей трудовые потоки. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. Главное управление трудовых резервов и Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР были преобразованы в Министерство трудовых резервов СССР.

В соответствии с постановлением Совмина СССР от 30 сентября 1946 г. и Совмина УАССР от 27 декабря 1946 г. были ликвидированы созданные во время войны Бюро по учету и распределению рабочей силы при Совмине СССР и исполкомов горсоветов [9, ф. р–551, оп. 2, д. 691, л. 224, 226; ф. р–906, оп. 1, д. 4, л. 24об]. Начался процесс децентрализации, который выразился в получении министерствами и ведомствами права самостоятельно проводить организованный набор рабочей силы на предприятия. Это привело к возникновению межведомственной конкуренции за потенциальную рабочую силу. С целью централизации этого процесса, согласно постановлению Совмина СССР «О порядке поведения организованного набора рабочих» от 21 мая 1947 г., проведение организованного набора рабочих возлагалось на Министерство трудовых резервов СССР, а на региональном уровне — на Республиканские управления Министерства трудовых резервов СССР [9, ф. р–551, оп. 2, д. 691, л. 225; ф. р–906, оп. 1, д. 4, л. 25].

В последующие годы наметилась тенденция роста численности трудовых ресурсов. На 1 сентября 1950 г. численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве УАССР, составила 221,9 тыс. чел., что было, впрочем, меньше показателей 1945 г. [9, ф. р–845, оп. 17, д. 17, л. 44]. При этом численность рабочих и служащих, занятых в промышленности республики, выросла с 97360 чел. в 1947 г. до 118000 чел. — в 1950 г., что было на 9178 чел. меньше, чем в 1945 г. [9, ф. р–845, оп. 17, д. 10, л. 144; д. 17, л. 44].

Численность рабочих и служащих заводов Наркомата вооружения СССР, расположенных в УАССР, составляла 78462 чел. в 1945 г., 64052 чел. — в 1946 г., 65214 чел. — в 1947 г., 72148 чел. — в 1950 г. [9, ф. р–845, оп. 17, д. 5, л. 1, 7, 10, 15, 24, 27; д. 8, л. 54; д. 10, л. 142; д. 7, л. 12]. Приведенные цифры показывают, что рост численности рабочих и служащих, занятых на заводах Министерства вооружения СССР, начался несколько раньше, чем в целом по промышленности республики. Это было вызвано процессами свертывания конверсии и освоением новых видов вооружения.

Проведение конверсии стало сложным периодом для предприятий: не хватало квалифицированных кадров, нужно было

проводить перепланировку цехов одновременно с выполнением производственной программы, поставщики не выполняли своих обязательств, высоким был процент брака. В наиболее сложном финансовом положении оказались предприятия, изменившие полностью профиль производства.

Анализ архивных документов на региональном уровне позволяет сделать вывод об отсутствии на уровне Наркомата вооружения СССР четкого видения перспектив проведения конверсии. На протяжении 1945–1946 гг. заводы республики работали без годовых планов по выпуску гражданской продукции, утвержденных Наркоматом вооружения СССР, квартальные планы систематически запаздывали. Как правило, Наркомат вооружения СССР отправлял предприятиям лишь перечень вырабатываемых изделий. Начиная с 1946 г. на заводах республики наметилась тенденция к изменению соотношения доли выпуска гражданской и военной продукции в сторону последней, в частности, ряд заводов начал выполнять специальные срочные задания Министерства вооружения СССР за счет сокращения выпуска гражданской продукции [9, ф. р–780, оп. 1, д. 64, л. 2].

В 1940-е гг. подверглась изменениям половозрастная структура рабочего класса УАССР. С началом войны резко изменилось соотношение мужского и женского труда во всех отраслях народного хозяйства, во всех сферах промышленной деятельности [8, с. 96]. На 1 января 1945 г. удельный вес женщин среди рабочих и служащих предприятий Наркомата вооружения СССР составлял от 32 % (завод № 71), 39 % (завод № 235), 44 % (завод № 622), 52 % (завод № 74) до 57 % (завод № 544) [9, ф. р–845, оп. 17, д. 5, л. 7, 10, 15, 18, 24об]. На 1 апреля 1945 г. в народном хозяйстве Удмуртии (за исключением колхозов) было занято 126605 женщин или 56,2 % [9, ф. р–845, оп. 17, д. 8, л. 58].

В 1949 г. численность женщин среди рабочих и служащих предприятий Министерства вооружения СССР, расположенных в республике, составила 31365 чел. (45,8 %), в том числе среди промышленно-производственного персонала — 23596 чел. или 46,7 % [9, ф. р–845, оп. 17, д. 14, л. 50]. В 1950 г. в народном хозяйстве УАССР было занято 117169 женщин или 52,8 %. В

промышленности доля женского труда составляла 47,7 %, строительстве — 40,3 %, совхозах — 53,7 %, МТС — 27,6 %, общественном питании — 87,9 %, системе образования 74,7 % [9, ф. р-845, оп. 17. д. 20, л. 21].

За годы войны увеличилась численность промышленно-производственного персонала в возрасте до 18 лет. В 1944 г. рабочие и служащие до 18 лет составляли 13,9 % всех занятых в народном хозяйстве республики (за исключением колхозов) [9, ф. р-845, оп. 17, д. 21, л. 95]. Если в 1944 г. на заводе № 71 на долю рабочих и служащих до 18 лет приходилось почти 10 % промышленно-производственного персонала, то в 1947 г. — 5 %, в 1950 г. — 3 % [9, ф. р-1467, оп. 3, д. 259, л. 3; д. 293, л. 5; д. 448, л. 39]. При этом на производстве работали и дети младше 14 лет. В 1945 г. на заводах Наркомата вооружения СССР, расположенных в республике, их было 599 чел., в 1947 г. — 49 чел., 1948 г. — 16 чел. [9, ф. р-845, оп. 17, д. 5. л. 1, 7, 10, 15, 24, 27; д. 10, л. 42, 51, 61, 72, 94; д. 13, л. 15, 32, 39, 56, 71]. В целом, к концу 1940-х гг. доля подростков на производстве до 18 лет значительно сократилась.

За годы войны увеличилась группа рабочих и служащих в возрасте от 50 лет и старше. В конце 1944 г. рабочие старше 50 лет составляли 10,1 % всех работающих в народном хозяйстве республики [8, с. 96]. К 1950 г. доля рабочих старше 50 лет сократилась до 9 % [9, ф. р-845. оп. 17. д. 20, л. 21].

Что же касается доли персонала в возрасте от 18 до 49 лет, то на заводе № 71 в 1945 г. она составляла 82 % всех работающих на предприятии, в 1947 г. — 88 %, в 1950 г. — 90 % [9, ф. р-1467, оп. 3, д. 293, л. 5; д. 488, л. 39]. Это было несколько выше, чем в целом по республике. Так, в 1949 г. в народном хозяйстве УАССР доля рабочих в возрасте 18–49 лет составляла 87,4 %, в 1950 г. — 88,1 % [9, ф. р-845, оп. 17, д. 17, л. 28; д. 20, л. 21].

За годы войны произошли серьезные изменения в качественном уровне рабочих оборонной промышленности Удмуртии, а именно, в соотношении доли рабочих высокой и низкой квалификации. Это было вызвано значительным обновлением

рабочей силы за счет прихода на производства женщин, подростков, изменением форм пополнения рабочей силы — введением трудовой мобилизации.

В послевоенный период соотношение удельного веса рабочих средней квалификации (3–4 разряда) и высокой квалификации (5–8 разряда) было примерно одинаковым.

В 1945 г. рабочие 3–4 разряда составляли 56 % работающих на заводе № 71; 54 % всех работающих на заводе № 74; 53,4 % — на заводе № 622; 59,5 % — на заводе № 524; 81 % — на заводе № 544. Соответственно, рабочие высокой квалификации (5–8 разряда) составляли 43 % всех работающих на заводе № 71; 45 % всех работающих на заводе № 74; 46,2 % — на заводе № 622; 40 % — на заводе № 524; 16 % — на заводе № 544 [9, ф. р-845, оп. 17, д. 5, л. 7, 10, 15, 24, 27].

В 1948 г. рабочие 3–4 разряда составляли 46,4 % всех работающих на заводе № 74; 44,8 % — на заводе № 622; 55,1 % — на заводе № 524, в то время как доля рабочих высокой квалификации составила 53,4 % всех работающих на заводе № 74; 54,6 % — на заводе № 622; 44,9 % — на заводе № 524 [9, ф. р-845, оп. 17, д. 13, л. 17, 32, 72].

В период войны уровень заработной платы находился в зависимости от степени важности той или иной отрасли для военного хозяйства. В мае 1945 г. средняя заработная плата в Наркоматах авиационной промышленности, вооружения, танковой промышленности СССР превышала среднюю заработную плату рабочих машиностроительных, металлообрабатывающих предприятий на 12–25 %. К концу войны разрыв в средней заработной плате между отраслями промышленности доходил до трёх раз [2, с. 73]. При этом реальная заработная плата из-за значительного роста индекса розничных цен, составившего в 1945 г. 325 % от среднего уровня 1940 г., снизилась и составила всего 40 % по отношению к уровню 1940 г. Денежная заработная плата рабочих в промышленности также выросла, хотя ее реальные размеры в 1945 г. составляли лишь 43 % по отношению к 1940 г. [3, с. 235].

В марте 1945 г. средняя заработная плата в народном хозяйстве УАССР составляла 478 руб., а в марте 1946 г. — 411 руб.

Снижение заработной платы было вызвано отменой обязательных сверхурочных работ, нормализацией режима труда. Заработная плата рабочих промышленности была значительно выше среднего уровня заработной платы по республике. Так, средняя заработная плата в марте 1945 г. в промышленности была 564 руб., в строительстве — 357 руб., в совхозах — 198 руб., в МТС — 232 руб., в торговле — 234 руб., в учреждениях здравоохранения — 310 руб. [9, ф. р-845, оп. 17, д. 8, л. 58]. Заработная плата на заводах Наркомата вооружения СССР была значительно выше средней заработной платы по республике. Так, в мае 1945 г. на заводе № 622 она составляла 681 руб. [9, ф. р-1458, оп. 3, д. 3, л. 15]. Самый низкий уровень оплаты труда был в колхозах: в период с 1945 по 1947 гг. в среднем за год колхозник получал на трудодни только 91 руб. 56 коп. [4, с. 139].

За этим общим уровнем стоит достаточная дифференцированная шкала зарплат: от 300 руб. до свыше 800 руб. Можно выделить категорию низкооплачиваемых рабочих, чья заработная плата не достигала 300 руб., среднеоплачиваемых — заработная плата от 301 до 500 руб., вышесреднеоплачиваемых — от 501 до 800 руб., и категорию высокооплачиваемых — свыше 800 руб. Данные единовременного учета распределения рабочих и служащих во всех учреждениях, предприятиях и организациях УАССР по размеру заработной платы в 1946 г. выявили следующую картину: 44,5 % работающих получали меньше 300 руб., 35,6 % — от 301 до 500 руб., 17,3 % — от 501 до 800 руб., 12,6 % — свыше 800 руб. В то время, как на заводах Министерства вооружения СССР, расположенных в республике, меньше 300 руб. зарабатывали 22,6 % работающих, от 301 до 500 руб. — 28,2 %, от 501 до 800 руб. — 25,1 %, свыше 800 руб. — 24,1 % [9, ф. р-845, оп. 17, д. 8, л. 53об]. При этом в целом по стране летом 1946 г. заработная плата от 300 до 600 руб. была у 35 % рабочих и служащих, от 301 до 400 руб. — у 15,4 % рабочих и служащих, от 401 до 500 руб. — у 11,6 % рабочих и служащих, от 501 до 600 руб. — у 8 % рабочих и служащих [5, с. 127]. Наибольшее число высокооплачиваемых, а значит и более квалифициро-

ванных рабочих, было сосредоточено на заводах Министерства вооружения СССР. Значительный разрыв сохранялся между заработной платой инженерно-технических рабочих (далее — ИТР) и рабочих. В 1949 г. средняя заработная плата рабочих Министерства вооружения СССР, расположенных в Удмуртии, составляла 723 руб., ИТР — 1225 руб. [9, ф. р-845, оп. 17, д. 14, л. 48].

В 1950 г. средняя заработная плата по всем отраслям народного хозяйства УАССР составляла 584 руб., промышленно-производственного персонала в промышленности в целом — 657 руб., на заводах Министерства вооружения СССР — 722 руб. [9, ф. р-845, оп. 17, д. 16, л. 149; д. 17, л. 43].

Удмуртия, как и весь Уральский регион в целом, в отличие от центральных областей страны, не испытывала проблем с сокращением трудовых ресурсов в годы войны. Эвакуация в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны предприятий с западных и центральных регионов страны, проведение трудовой мобилизации привело к увеличению общей численности работающих на заводах Наркомата вооружения СССР, расположенных в республике.

В 1940-е гг. пик численности занятых на заводах Наркомата вооружения СССР, расположенных в республике, пришелся на 1945 г. В первые предвоенные годы произошло резкое снижение численности рабочих и служащих оборонных заводов республики, что было вызвано отказом государства от принудительных форм привлечения рабочей силы на предприятия, реэвакуационными и конверсионными процессами.

Тенденции сокращения численности населения, занятого в народном хозяйстве, были характерны для всей республики в целом. Рост численности работающих на заводах Наркомата вооружения СССР, расположенных в УАССР, начался несколько раньше, чем по народному хозяйству республики в целом.

Сворачивание конверсии и новый виток милитаризации стали одними из факторов, которые привели к увеличению численности работающих на заводах Министерства вооружения СССР, расположенных в республике.

Экстенсивный характер увеличения численности рабочих и служащих оборонных заводов сосуществовал с одновременным снижением доли квалифицированных рабочих. В годы Великой Отечественной войны в народном хозяйстве республики преобладал женский труд, такая же ситуация была характерная и для промышленности. В послевоенный период произошло значительное улучшение половозрастного состава рабочих: увеличение доли рабочих наиболее трудоспособного возраста и сокращение лиц до 18 лет и старших возрастных групп.

Уровень оплаты труда в послевоенный период дифференцировался в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия. Наиболее высокий уровень заработной платы был на предприятиях Министерства вооружения СССР. Некоторое сокращение заработной платы произошло в первые послевоенные годы, когда были отменены сверхурочные работы, нормализован рабочий день. Рост заработной платы в наркоматах военной промышленности СССР из-за роста индекса цен во многом носил номинальный характер. В этих условиях государство ликвидировало излишки денежной массы у населения путем проведения обязательных послевоенных займов на восстановление народного хозяйства страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Удмуртии: XX век. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1965. 652 с.
3. *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль, 1964. 439 с.
4. *Павлов Н. П.* Крестьянство Удмуртии 1946–1970 гг.: историко-социологические очерки. Ижевск: Удмуртия, 1975. 160 с.
5. *Попов В. П.* Сталин и проблема экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). М.: Изд-во РАГС, 2002. 158 с.
6. *Родионов Н. А.* Приём, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945) // В годы суровых испытаний. О ратном и трудовом подвиге сынов и дочерей

- Удмуртии. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1986. С. 141–166.
7. *Смирнов А. В.* Главный источник нашей силы: рабочие промышленности СССР. 1945–1970 гг. М.: Мысль, 1984. 200 с.
  8. *Суханов А. И.* Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск: Удмуртия, 1979. 179 с.
  9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Т. Ю. Луцина

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ М. Т. КАЛАШНИКОВА

Автомат Калашникова — легендарное оружие, один из символов современной культуры. Стрелковое оружие системы М. Т. Калашникова находятся на вооружении, применяются спецгруппами или производятся для продажи на экспорт во многих странах. Вклад знаменитого конструктора в развитие оружейного дела признан во всем мире, отмечен многочисленными наградами и почетными званиями. В биографии М. Т. Калашникова как конструктора отражается и его путь к созданию и внедрению в серийное производство АК-47, а также разработка других образцов автоматического стрелкового оружия. Возникшая у М. Т. Калашникова в первые годы Великой Отечественной войны идея создания автоматического оружия, простого в применении, мобильного и надежного, нашла выражение в первых образцах оружия — пистолете-пулемете, ручном пулемете, самозарядном карабине, и впоследствии воплотилась в известном АК-47.

Ключевые слова: биография М. Т. Калашникова, автомат Калашникова, АК-47, история оружия.

Биография легендарного конструктора Михаила Тимофеевича Калашникова неизменно вызывает много внимания и объяснимо тесно связывается, прежде всего, с разработкой знаменитого автомата.

АК-47 стал самым распространенным оружием в мире согласно книге рекордов Гиннеса, самым значимым изобретением XX века, по мнению французского журнала «Либерасьон» [7].

Образ автомата Калашникова прочно вошел в современную культуру. Для африканских государств, сравнительно недавно приобретших независимость, автомат Калашникова стал

символом свободы и самостоятельного выбора пути своего развития. Изображение автомата присутствует на гербах Мозамбика, Зимбабве, Восточного Тимора, а также на флаге Мозамбика, в Африке детям дают имя Калаш в честь автомата.

В мире существует даже два памятника АК-47. Первый установлен в 2008 г. на пограничной заставе «Налычево» на Камчатке в память о визите конструктора. Второй появился в 2019 г. на въезде в деревню Эль-Меззера в алжирской провинции Тебесса на границе с Тунисом. Глава деревни назвал три причины, принятия данного решения: увековечивание памяти о войне за независимость, создание символа хороших отношений между Россией и Алжиром, особая ценность автомата Калашникова для алжирцев как символу освобождения от французской оккупации [8].

Название автомата Калашникова часто используют в кинематографе и музыкальном искусстве.

АК-47 узнаваем во всем мире, его достоинства как оружия получили мировое признание. Автомат прочно ассоциируется с эффективностью, надежностью и простотой в использовании. Именно эти задачи ставил перед собой Михаил Тимофеевич Калашников, когда приступил к разработке стрелкового оружия.

XX век, ознаменовавшийся двумя крупнейшими в истории мировыми войнами, отмечен особым вниманием к совершенствованию вооружения и военной техники.

Период второй мировой войны стал временем интенсивного конструкторского поиска новых видов оружия для ведения ближнего боя, способных создать высокую плотность огня и обладавших простотой и надежностью в эксплуатации. Разработка автоматического оружия стала предметом пристального внимания и отечественных конструкторов. Одним из них был Михаил Тимофеевич Калашников.

Михаил Тимофеевич Калашников родился 10 ноября 1919 г. в с. Курья Алтайского края в многодетной крестьянской семье. Склонность к изобретательной деятельности проявилась у него еще в детстве. Уже тогда он начал интересоваться техникой, любил мастерить, изучать устройство и принципы работы

разных механизмов, тянулся к «железкам», увлекался физикой и геометрией.

Первые шаги в конструкторском деле Михаил Тимофеевич сделал в довоенное время, когда в годы срочной службы в Киевском особом военном округе им был разработан комбинированный прибор для учета моторесурса танкового двигателя. Эту идею молодой изобретатель получил возможность доработать до запуска в серию на Ленинградском государственном заводе № 174 им. К. Е. Ворошилова. Однако с началом Великой Отечественной войны испытания опытного образца были остановлены [9, с. 9–11].

М. Т. Калашников принял участие в Великой Отечественной войне с августа 1941 г. в качестве командира танка в звании старшего сержанта. В этом же году под Брянском он получил тяжелое ранение. Именно в госпитале возникла идея создания автоматического оружия — «легкого, скорострельного, безотказного» [10, с. 99]. Предметом пристального внимания Михаила Тимофеевича стали пистолеты-пулеметы советских конструкторов стрелкового оружия В. А. Дегтярева (ППД-34, ППД-34/38, ППД-40), Г. С. Шпагина (ППШ), трехлинейной винтовке С. И. Мосина и самозарядном пистолете Ф. В. Токарева (ТТ, Тульский, Токарев). По воспоминаниям М. Т. Калашникова, находясь в госпитале и обдумывая идею нового оружия, особое значение он придавал суждениям опытного лейтенанта, среди которых была и такая оценка автомата: «основное достоинство пистолета-пулемета в том, что он действует в автоматическом режиме, у него высокий темп стрельбы, он легкий и удобен в обращении. Думаю, за таким скорострельным автоматическим оружием — будущее» [10, с. 105]. Немаловажным стало и замечание лейтенанта о том, что для создания современного оружия необходимо коллективное творчество, конструкторское бюро [10, с. 109]. Первых сподвижников — коллег-мастеров Михаил Тимофеевич вскоре нашел на станции Матай.

Принятие на вооружение Красной Армии 7,62-мм патрона образца 1943 г. открывало новые возможности для «создания автоматического оружия типа автомата, способного поражать жи-

вые цели противника на ближних и средних дальностях и заменить, таким образом, как пистолет-пулемет, так и автоматическую винтовку» [11].

Пистолет-пулемет — «первенец моей конструкторской деятельности» [9, с. 55], как о нем вспоминал Михаил Тимофеевич, был сконструирован в железнодорожном депо в Казахстане. На станции Матай М. Т. Калашников с группой энтузиастов создал первый опытный образец пистолета-пулемета для патронов калибра 7,62 мм. Оружие было изготовлено в кустарных условиях и его доводка осуществлялась в Авиационном институте, который в период эвакуации находился в Алма-Ате.

Оценка опытного образца специалистами стрелкового оружия осуществлялась в штабе Среднеазиатского военного округа (САВО) в Ташкенте, а затем и в Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского (Самарканд). Там летом 1942 г. Михаил Тимофеевич встретился с руководителем академии, д-ром тех. наук, проф., генерал-майором артиллерии А. А. Благодоровым. По его рекомендации М. Т. Калашников был направлен в Научно-испытательном полигоне стрелкового и минометного вооружения (НИПСМВО) в Московском военном округе.

В поезде по пути на полигон будущий создатель АК-47 разговорился с легендарным советским оружейником, создателем знаменитой автоматической винтовки образца 1936 г., противотанкового самозарядного ружья и других образцов оружия С. Г. Симоновым, который дал напутствие начинающему конструктору.

Представленный на испытания М. Т. Калашниковым пистолет-пулемет образца 1942 г. был предназначен для ведения ближнего боя одиночным и автоматическим огнем. В описании конструкции указывалось, что «стрельба может производиться с приклада (прицельная стрельба) и с руки при помощи пистолетной ручки (приклад при этом складывается)», прицельная дальность — 500 м с сохранением убойной силы пули до 800 м, расчетный темп стрельбы — около 650 выстрелов в минуту, длина оружия с развернутым прикладом — 755 мм, при сложенном прикладе — 540 мм, вес без магазина — 2,630 г, что позволяет применить пистолет-пулемет «не только в пехотных частях, но и

в других родах войск, как то в танковых, авиации (вооружение экипажа), моторизированных частях и т. п.» [1, ф. р-1655, оп. 10, д. 1, л. 4-6; 6, ф. р-1655, оп. 10, д. 1, л. 11].

Однако официальное заключение Артиллерийского комитета ГАУ Красной Армии гласило, что, не смотря на такие достоинства пистолета-пулемета образца 1942 г., как малый вес и габаритный размер, он «в изготовлении сложнее и дороже, чем ПППШ-41 и ППС, и требует применения дефицитных и медленных фрезерных работ» [цит. по: 10, с. 143].

В 1944 г. М. Т. Калашников приступает к конструированию ручного пулемета, конкурс на разработку которого был объявлен годом ранее. Большим подспорьем в работе стали идеи, к которым Михаил Тимофеевич пришел во время восстановительного отпуска в паровозном депо на станции Матай. Местом для их реализации стал САВО в Ташкенте, куда и был командирован М. Т. Калашников начальником отдела изобретательства Главного артиллерийского управления (ГАУ) В. В. Глуховым. Благодаря имеющимся идее и энтузиазму опытный образец изготовили менее, чем за три месяца.

Испытания опытного образца ручного пулемета происходили на подмосковном полигоне. Особенности оружия были ставшими уже традиционными для конструкторской мысли М. Т. Калашникова простота и портативность. К числу достоинств этой модели также следует отнести и возможность быстрого изготовления деталей на производстве методом штамповки [2, ф. р-1655, оп. 10, д. 2, л. 3-7об]. Тем не менее, полигонные испытания в ГАУ ручной пулемет образца 1944 г. не прошел.

Бюро изобретений Народного комиссариата обороны СССР даже отказало в выдаче авторского свидетельства на ручной пулемет образца 1944 г. Основанием для такого решения стали следующие доводы. Во-первых, известность и широкое распространение в конструкциях оружия самого принципа автомата с коротким ходом и магазинным ходом. Во-вторых, использование конструкторских разработок, уже представленные в существующем оружии. В частности, в пулемете Дразе уже применено «запирание затвора, осуществляемое подвижной защелкой в вертикальной плоскости», в немецком пистолете-пулемете МР-

40 — «устройство телескопического ударника», в пистолете-пулемете Судаева — «устройство подгибающего приклада» [5, ф. р-1655, оп. 10, д. 2, л. 9].

В этот же период Михаил Тимофеевич внес вклад в модернизацию станкового пулемета П. М. Горюнова (СГ-43) (3, ф. р-1655, оп. 10, д. 3, л. 9; 4, ф. р-1655, оп. 10, д. 3, л. 16]. Им также был получен ряд авторских свидетельств, направленных на усовершенствование стрелкового оружия.

Следующий этап в творчестве конструктора связан с разработкой модели самозарядного карабина. И снова возвращение в Среднеазиатский военный округ и испытания на Научно-исследовательском полигоне стрелкового и миномётного вооружения Главного артиллерийского управления. Как вспоминает Михаил Тимофеевич, идея создания самозарядного карабина была для него неожиданной и окончилась неудачей, зато эта «работа по-жарила мне радость неожиданных решений в конструировании, стала фундаментом для нового, более качественного рывка вперед» [10, с. 157].

С таким опытом конструкторской работы М. Т. Калашников подошел к главному делу своей жизни — созданию АК-47. В этом автомате воплотились те требования, которые для конструктора виделись главными для оружия нового поколения, на которых он сосредоточил свое внимание — простота применения и обслуживания, надежность, легкость, скорострельность и способность создавать высокую плотность огня, возможным использовать оружие в разных родах войск.

С 1949 г. трудовая деятельность М. Т. Калашникова неразрывно связана с Ижевским машиностроительным заводом, на котором в 1952 г. начался серийный выпуск 7,62-мм автомата его конструкции. Здесь он прошел трудовой путь от инженера-конструктора до главного конструктора, стал создателем непревзойденных образцов стрелкового оружия. Под руководством главного конструктора М. Т. Калашникова, на заводе в 1950-е — 1970-е гг., на базе конструкции АК-47 были разработаны десятки унифицированных образцов автоматического стрелкового оружия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткое описание конструкции пистолета-пулемета образца 1942 г. калибра 7,62 мм. Автор — старший сержант М. Т. Калашников. 20 января 1943 г. // Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).
2. Описание конструкции ручного пулемета Калашникова образца 1944 г. калибра 7,62 мм. 9 августа 1944 г. // ЦГА УР.
3. Предложения М.Т. Калашникова по модернизации спускового механизма станкового пулемета Горюнова образца 1943 г. калибра 7,62 мм (СГ-43). 16 марта 1945 г. // ЦГА УР.
4. Предложения М.Т. Калашникова по модернизации рукоятки для перезаряжения станкового пулемета Горюнова образца 1943 г. калибра 7,62 мм (СГ-43). 16 марта 1945 г. // ЦГА УР.
5. Уведомление бюро изобретений Народного комиссариата обороны СССР отделу боевой подготовки Среднеазиатского военного округа об отказе в выдаче М.Т. Калашникову авторского свидетельства на ручной пулемет образца 1944 г. калибра 7,62 мм. 31 декабря 1944 г. // ЦГА УР.
6. Чертеж 7,62 мм пистолета-пулемета Калашникова образца 1942 г. [1943 г.] // ЦГА УР.
7. Великий и ужасный. Автомат Калашникова признан самым значимым изобретением XX века. Новости ВПК (25 апреля 2008) URL: https://vpk.name/news/16212_velikii_i_uzhasnyii_avtomat_kalashnikova_priznan_samyim_znachimyiim_izobreteniem_hh_veka.html/ (дата обращения: 26.09.2020).
8. «Автомат Калашникова — это хорошая традиция». Памятник АК-47 в алжирской деревне взорвал алжирский Фейсбук. 14.01.2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190114/244383915.html> (дата обращения: 26.09.2020).
9. *Калашников М. Т.* Записки конструктора-оружейника. М.: Воениздат, 1992. 300 с.
10. *Калашников М. Т., Калашникова Е. М.* Калашников: траектория судьбы. М.: Издательский дом «Вся Россия», 2007. 640 с.
11. *Малимон А. А.* Отечественные автоматы (записки испытателя-оружейника). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134332&p=67> (дата обращения: 26.09.2020).

Е. Н. Дербин
г. Ижевск (Россия)

АВТОМАТ КАЛАШНИКОВА И ЕГО КОНСТРУКТОРСКАЯ ДОРАБОТКА (1948–1953)

В статье на материале архивного фонда Ижевского машиностроительного завода Центрального государственного архива Удмуртской Республики впервые прослеживается ход работ по конструктивной доработке легендарного 7,62 мм автомата Калашникова, выявляются наиболее существенными изменения, внесенные в серийный образец, устанавливаются имена главных участников его производства — конструкторов и технологов Ижевского оружейного завода, с момента начала выпуска оружия в 1948 г. и до начала создания модернизированного автомата в 1953 г. Последняя задача выглядит особо важной, т. к. их фамилии не заслуженно редко упоминаются на фоне прославленного автора АК–47. Делается вывод, что понадобилось около 5 лет после начала серийного производства и колоссальные усилия большого коллектива конструкторов и технологов завода, прежде чем изделие оказалось конструктивно и технологически отработанным, став эталоном надежности, живучести и простоты в эксплуатации, с перспективной конструкторской долговечностью и возможностью дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: М. Т. Калашников, Автомат Калашникова, Ижевский оружейный завод, Центральный государственный архив Удмуртской Республики, конструкторская доработка АК–47.

7,62 мм автомат Калашникова (далее — АК–47), являющийся эталоном надежности и живучести, не сразу получил такую высокую оценку. Понадобилось около 5 лет после начала серийного производства и колоссальные усилия большого коллектива конструкторов и технологов завода, прежде чем изделие оказалось конструктивно и технологически отработанным.

Кроме большого исследования А. А. Малимона работ, где бы подробно освящалась проблема доводки АК–47 в 1948–1953 гг., нет. Его труд, содержащий профессиональный анализ конструктивно-технологических изменений, вносимых в автомат, не дает ясных указаний, на чем он основывается. В ходе знакомства с архивным фондом Ижевского машиностроительного завода было выявлено большое количество документов, детально раскрывающих данный процесс [1]. Это позволило достоверно проследить, с одной стороны, ход работы по совершенствованию серийного образца, с другой — установить главные имена, участников производства. Последняя задача выглядит особо важной, т. к. их фамилии не заслуженно редко упоминаются на фоне прославленного автора АК–47.

1948 г.

Первая опытная серия АК–47 (маркировка изделия — «56–А–212») готовилась на заводе № 524 (Ижевский мотозавод) по чертежам, выпущенным конструкторским бюро Инструментального завода № 2 (с 1949 г. — Завод имени В. А. Дегтярёва, г. Ковров). Точное количество изменений, проведенных заводом № 524 неизвестно, однако по сообщениям с завода — к моменту передачи производства на Государственный союзный завод № 74 (позже — Ижевский машиностроительный) — было указано на то, что опытные чертежи завода № 2 подвергались значительной переработке в смысле повышения технологичности и уточнения большинства размеров в связи с несоответствием эталонному образцу изделия. Завод № 524 одновременно с постановкой изделия на производство был вынужден перечерчивать весь альбом чертежей из-за невозможности вносить большое количество изменений в альбом завода № 2.

Чертежи, составленные заводом № 524 Управление стрелкового вооружения Главного артиллерийского управления (далее — УСВ ГАУ) не утвердило и поскольку к этому моменту возникла необходимость передачи производства на более крупный завод № 74, где прекращалось массовое производство винтовок и карабинов Мосина, было предложено силами завода № 74 в 8 суток отработать эти чертежи с устранением недостат-

ков чертежного порядка и устранением большого количества недостатков выявленных при войсковых испытаниях серии изделий, изготовленных заводом № 524. Недостатки были связаны и с трудностями освоения новой системы оружия, и с тем, что автомат был внедрен в производство, будучи еще конструктивно не завершенным. ГАУ рассчитывало исправить выявленные замечания на ходу, т. е. в период освоения в массовом производстве. Конструкторской доработки АК–47 требовали такие важнейшие параметры как масса, кучность стрельбы, надежность работы автоматики, живучесть деталей. Опыт показывал, что многие уже принятые на вооружение изделия так и не удалось доработать в ходе массового производства (ДС-39, СВТ-40, РПС-46 и др.). Надежда видимо была на богатую многолетнюю историю освоения различных видов стрелкового вооружения одного из старейших в стране Ижевского оружейного завода [4, с. 228–234].

8 суток отмеренных заводу № 74 на устранение недостатков, выявленных войсковой комиссией являлись, конечно, фантастическими. Техническое состояние прежних чертежей, серьезность и характер недостатков при установлении этого срока не учитывались, и поэтому даже при аварийной организации работ завод № 74, тем не менее, смог выслать на утверждение вновь переработанные чертежи с опозданием от срока только на 15 дней (15 декабря 1948 г.). За этот период в чертежи изделия было внесено 596 изменений! Из них — конструктивного характера 228, упрощающих технологию 214, устраняющих ошибки чертежей 154. Наиболее существенными были следующие изменения:

- 1) Изменено крепление ствола в коробке (увеличен шаг резьбы, введен осевой натяг вместо радиального и устранен контящий штифт).

- 2) Произведено упрочнение цевья и создано более надежное его крепление.

- 3) Полное изменение конструкции выбрасывателя (устранение утерь гильзы и нарушений размеров в процессе стрельбы).

- 4) Упрочнение курка, которое было необходимо для устранения систематических поломок при малом настреле (2000

выстрелов вместо предусмотренных техническими условиями (далее — ТУ) 15 000 выстрелов).

5) Устранение трещин на кожухе ствольной коробки за счет изменения марки стали и увеличения толщины.

Новые чертежи, представленные заводом № 74, были утверждены в УСВ ГАУ научно-техническим журналом № 010–49 5 февраля 1949 г. [1, оп. 15, ед. хр. 2157, л. 107–109, 111–113об; ед. хр. 2269, л. 201–202].

Таким образом, начало освоения массового выпуска автомата проводилось одновременно с существенной конструктивной доработкой системы. Руководителями этого процесса являлись главный конструктор В. И. Лаврѐнов, зам. главного конструктора Н. Н. Колпиков, главный технолог В. П. Болтушин, главный инженер А. Я. Фишер.

1949 г.

Чрезвычайно краткий срок, отведенный для отработки чертежей, наличие большого количества недостатков и отсутствие опыта по изготовлению изделия не позволили устранить многих недостатков, и поэтому в последующих периодах производилась дальнейшая конструктивная и технологическая отработка, основанная на обобщении опыта эксплуатации и производства с учетом роста количественного выпуска и улучшения качества изделия. Доработка автомата велась согласно тактико-технических требований № 05144 1-го отдела УСВ ГАУ.

В 1949 г. произведено 919 изменений. Из них: 225 — связано с улучшением конструкции, эксплуатационных качеств и с повышением живучести отдельных деталей изделия, 165 — с упрощением технологии изготовления и 529 — с уточнением чертежей и ТУ. Наиболее существенными изменениями являлись:

1) Повышение живучести пружины выбрасывателя до 15 000 выстрелов — за счет изменения геометрии снижены напряжения в проволоке.

2) Увеличение надежности крепления магазина — за счет усиления пружины защелки и удлинения заднего зацепа.

3) Устранение задержки «слежение курка» — за счет уточнения геометрии боевого взвода курка и автоспуска.

4) Устранение одной из причин задержки «неполный откат частей» — за счет уменьшения усилия пружины курка.

5) Устранение задержек «пропуск патрона», «вылет», «утыкание» и «сдвоенная подача патронов» — за счет изменения горловины магазина и введения скоса на переднем торце направляющего выступа затворной рамы.

6) Увеличение живучести оси спускового крючка — за счет изменения диаметра с 4 мм до 5 мм и марки стали с 50С2а на 25ХНВА.

7) Изменение марки стали на вкладыше ствольной коробки с 25ХНВА на 40Х, что удешевляет образец и облегчает механическую обработку детали.

8) Конструктивно изменен узел крепления металлического приклада (фиксатор с круглыми цапфами и разборный вариант оси приклада), что в значительной степени упростило технологию изготовления деталей и сборку изделия.

9) Изменено крепление щитка-переводчика, для устранения самопроизвольного переключения с одиночного на автоматический огонь.

10) Проведена доработка принадлежности, чем обеспечено удобство её укладки в деревянном прикладе.

В результате произведенной доработки к началу IV квартала 1949 г. живучесть выпускаемых изделий полностью удовлетворяла ТУ № 1076. По работе автоматики изделие полностью удовлетворяло ТУ в течение всего 1949 г., что было достигнуто ужесточением условий сборки за счет введения специальных комплексных калибров. Процент задержек на всех испытанных в 1949 г. изделиях не превышал 0,28 % при допустимом по ТУ 0,5 %. Кроме того, путем уточнения размеров и допусков обеспечена вполне удовлетворительная собираемость узла запираения и ударно-спускового механизма. Отработаны и подготовлены для внедрения в производство мероприятия по взаимозаменяемости магазинов (под руководством В. А. Харькова), создана штампованная конструкция металлического приклада взамен фрезерованной и цельно-фрезерованная ствольная коробка (разработана В. Н. Пушиным) [1, оп. 15, ед. хр. 2105, л. 94, 123–

123об, 127–129, 173–175; ед. хр. 2157, л. 23–25об; ед. хр. 2188, л. 5–5об; ед. хр. 2269, л. 203–204; 4. с, 252–256].

Руководили конструктивной доработкой системы в 1949 г. главный конструктор В. И. Лаврёнов, зам. главного конструктора Н. Н. Колпиков и В. П. Кавер-Камзолов, главный инженер А. Я. Фишер и и.о. главного инженера В. П. Болтушин, главный технолог К. Н. Мамонтов. Непосредственными исполнителями кроме М. Т. Калашникова были: по теме улучшения эксплуатационных свойств, снижения затрат по изготовлению и проведению заводских испытаний В. А. Харьков и Бехтерев, по теме повышения надежности работы, живучести и упрощению эксплуатации автомата Е. Ф. Драгунов, В. Н. Пушин, А. В. Светличный [1, оп. 15, ед. хр. 2105, л. 74–78].

1950 г.

В 1950 г. главными задачами завода по АК–47 были снижение стоимости изготовления, расхода боеприпасов, улучшение кучности стрельбы, изменение конструкции ствольной коробки, обеспечение максимальной взаимозаменяемости деталей, отработка чертежей и ТУ литер «А» [1, оп. 15, ед. хр. 2157, л. 29].

За период широкой войсковой эксплуатации автомата в 1949 г. войсковые части наряду с положительной в общем оценкой образца отмечали и ряд отдельных недостатков. В перечне, высланном УСВ ГАУ 22 мая 1950 г. числилось 25 недостатков, отмеченных в донесениях войск. К моменту получения этого перечня 13 недостатков заводом были уже устранены. Остальные 12 недостатков конструктивного характера устранялись заводом при отработке чертежей литер «А» и внедрялись в производство в соответствии со сроками, установленными планом, утвержденными Министерством вооружения и УСВ ГАУ [4, с. 239–241].

При отработке чертежей литер «А» в 1950 г. заводом в чертежи было внесено 1195 изменений. Из них: 302 направлено на улучшение эксплуатационных свойств изделия и устранение недостатков, выявленных при войсковой эксплуатации; 354 — на упрощение технологии изготовления, 539 — связанных с уточнением чертежа. Для проверки общего состояния собирае-

мости изделия при обработке литеры «А» произведено 60 аналитических расчетов, охватывающих 7 основных узлов. Основными изменениями, произведенными в 1950 г. и включенными в чертежи литеры «А» являются:

1) Введение цельнофрезерованной ствольной коробки взамен штампо-клепанной, что значительно повышает эксплуатационные свойства изделия, упрощает изготовление и сборку, а также сокращает номенклатуру деталей.

2) Введение разборной конструкции ударно-спускового механизма, что упрощает изготовление, сборку и ремонт в войсковых условиях. Внедрено в валовое производство в апреле-мае 1950 г.

3) Введение разборного щитка-переводчика с ограничением поворота вверх выступом на шептале, обеспечивающее надежность соединения щитка с сектором и исключаящее возможность расшатывания при эксплуатации; упрощает ремонт изделия. Внедрено в валовое производство в августе 1950 г.

4) Введение крепления направляющей трубки при помощи выступа на заднем кольце, что увеличивает надежность крепления и устраняет изгиб ствола. Внедрено в валовое производство в июне 1950 г.

5) Увеличение прочности сухаря и его крепления за счет увеличения длины и усиления заклепки, исключаящее появления трещин и поломок. Внедрено в валовое производство в июле 1950 г.

6) Увеличение живучести пружины курка за счет применения 3-х жильного канатика вместо одножильного. Внедрено в валовое производство в июне 1950 г.

7) Увеличение диаметра стержня чеки кольца цевья, что увеличивает надежность крепления. Внедрено в валовое производство в августе 1950 г.

8) Изменение подавателя для устранения выступления верхнего витка пружины, устраняющее трение пружины подавателя о корпус магазина. Внедрено в валовое производство в июне 1950 г.

9) Увеличение прочности стенки пенала у шомпольного отверстия за счет введения термообработки и отбортовки. Внедрено в валовое производство в июле 1950 г.

10) Введение в комплект принадлежности шарошки для чистки газового отверстия и втулки для холостой стрельбы.

Перечисленные изменения устраняют недостатки, выявленные при войсковой эксплуатации, на полигоне и на заводе при изготовлении и испытаниях в период 1949–1950 гг. Кроме перечисленных выше изменений необходимо отметить следующие мероприятия, отраженные в техдокументации литеры «А», принятой специальной межведомственной комиссией в декабре 1950 г.

1. Увеличение допусков на размеры магазина.
2. Разработку системы калибров, обеспечивающую взаимозаменяемость магазинов.
3. Уточнение требований к хромовому покрытию ствола и штока.

Данные мероприятия, подготовленные большими исследовательскими работами, при внедрении в производство значительно упростили изготовление и позволили снизить себестоимость изделий. Обеспечение взаимозаменяемости магазина с расширенными допусками на размеры, сократило производственный цикл на 45 минут, а расход патронов почти в 2 раза при сохранении надежности работы автоматики в условиях эксплуатации. В дальнейшем в 1952 г. это мероприятие позволило сократить расход патронов на изделие в 4 раза против нормы 1950 г. Уточненные требования к хромовому покрытию канала ствола позволили снизить брак и увеличили пропускную способность цеха покрытий.

Необходимо особо отметить, что при отработке чертежей литеры «А» впервые на заводе чистота обработки деталей представлена согласно ГОСТ 2789–45. Назначение классов чистоты обработки производилось на основе фактического состояния производства и поэтому представляло большую ценность в деле накопления опыта применения ГОСТ 2789–45 в условиях массового производства [1, оп. 15, ед. хр. 2157, л. 118–120об; ед. хр. 2269, л. 204–206].

1951 г.

В 1951 г. задачей завода по АК—47 было внедрение в производство чертежей литеры «А» (утверждены журналом ГАУ № 0046-51 г.) при обеспечении выполнения увеличенного против 1950 г. выпуска изделий. С этой точки зрения особую важность имело развертывание мощности производства измененных узлов: цельно-фрезерованной ствольной коробки, деревянного приклада и цельной рукоятки управления огнем.

Решению этого вопроса во многом способствовала дальнейшая конструктивно-технологическая доработка изделия, проведенная заводом в 1951 г. Кроме того, ставились задачи добиться эффективного повышения кучности и стабильности боя до норм ТУ, сократить расход боеприпасов и снизить стоимость автомата [1, оп. 15, ед. хр. 2188, л. 68]. По рабочему плану (срок окончания — ноябрь 1951 г.), ответственными исполнителями которого являлись М. Т. Калашников, В. В. Крупин, Ф. Ф. Баринов, В. А. Харьков, П. Н. Зорин, Колосков, ставились задачи: «1) выявить степень влияния удара рамы в переднем положении на рассеивание выстрелов, при автоматическом огне; 2) исследовать влияние упирания прицельной колодки в торец ствольной коробки на рассеивание; 3) выявить влияние отношения видимой ширины мушки и прорези на точность прицеливания». Среди конструктивной доработки узлов значились: «1) разработка конструкции отъемного ударно-спускового механизма; 2) конструктивная проработка деталей предназначенных для изготовления методом точного литья; 3) конструктивная доработка рамы и затвора с целью обеспечения возможности замены марки стали 25ХНВА на 40Х» [1, оп. 15, ед. хр. 2225, л. 18–19].

В итоге в 1951 г. было разработано 276 изменений. Из них: 34 представляют доработку конструкции, 40 — улучшение собираемости и уменьшение пригоночных работ при сборке, 119 — улучшение изготовления и 83 — уточнение чертежей.

Из числа изменений необходимо отметить следующее:

1) Уменьшение веса металлических деталей на 35 грамм за счет изменения деталей 1–8, 1–29, 1–30 и 5–13. Это мероприятие позволяет использовать для деревянного приклада древесину с измененной плотностью.

2) Устранение упора колодки прицела в торец ствольной коробки, что исключает изгиб ствола и повышает стабильность боя изделия и ликвидирует возможность затирания подвижной системы.

3) Изменение размеров расточки на ствольной коробке, что позволило уменьшить напряжение в пере сухаря и устранить трещины у основания.

4) Устранение отскока рамы при ударе в переднем положении, что повышает надежность работы автоматики.

5) Улучшение собираемости курка, спускового крючка, шептала, сухаря, задвижки ствольной коробки и щитка-переводчика.

6) Увеличение допусков на неответственные размеры ствольной коробки — 44 изменения, что упростило изготовление детали.

7) Изменение марки стали на спусковой скобе, что устраняет трещины при штамповке обоймы.

8) Разработана конструкция затвора и рамы из стали 40Х.

Технический отчет на 20 листах о проделанной работе был выслан М. Т. Калашниковым в ТУ и 5 Главное управление МВ 27 декабря 1951 г. Кроме перечисленных изменений производилась разработка чертежей на деревянные детали из березовой фанеры и на детали магазина из дюралюминия [1, оп. 15, ед. хр. 2225, л. 85; ед. хр. 2269, л. 206–208].

1952 г.

В 1952 г. заводом в основном проводилась работа по устранению недостатков в изделии, выявленных в период войсковой эксплуатации 1950–1951 гг., а также решались традиционные задачи по снижению себестоимости автомата, времени изготовления, упрощению технологии, увеличению кучности и снижению веса за счет применения для деталей легких сплавов [1, оп. 15, ед. хр. 2225, л. 63, 65].

В январе 1952 г. УСВ ГАУ МВ обязало завод проработать мероприятия по устранению определенных недостатков, которые производились по специальному плану, утвержденному МВ и УСВ ГАУ и закончены в марте 1952 г., когда заводом был ис-

пытан опытный образец со всеми изменениями. Как предусматривалось планом, 29 марта 1952 г. 2 опытных изделия высланы на полигонные испытания. Техдокументация по изменениям выслана 11 апреля 1952 г. Ведущим исполнителем помимо М. Т. Калашникова был и. о. главного конструктора завода В. П. Кавер-Камзолов. Другими главными исполнителями являлись Н. А. Афанасов, Ф. Ф. Баринов и В. А. Харьков [1, оп. 15, ед. хр. 2269, л. 17–18, 40–42, 208–209].

При устранении указанных выше недостатков заводом разработано 203 изменения, прошедшие полигонные испытания и получившие заключение УСВ ГАУ. После чего в 1952–1953 гг. внедрены в валовое производство. Из них: 41 направлено на улучшение конструкции, 42 — на упрощение изготовления, 120 представляют собой уточнение чертежа [1, оп. 15, ед. хр. 2269, л. 96–100; ед. хр. 2326, л. 21–25; ед. хр. 2331, л. 12–14].

Из числа важных изменений необходимо отметить следующее:

1) Ствольная накладка новой конструкции с прочным закреплением дерева на газовой трубке пружинным фиксатором.

2) Новый спусковой механизм, обеспечивающий автоматический огонь при нижнем положении щитка-переводчика и исключающий неправильную сборку пружины курка.

3) Ударник измененной конструкции — с длинной выемкой под шпильку (для увеличения живучести ударника).

4) Введение ограничителя плечевого упора, предотвращающее появление набитости на цевье вследствие недостаточной поверхности соприкосновения с плечевым упором.

5) Изменено шомпольное гнездо на колодке основания мушки, предотвращающее изгиб шомпола и повреждение резьбы при сборке и разборке.

6) Закрепление запорной планки на пружине подавателя, предупреждающее самооткрывание крышки магазина.

7) Изменение (увеличение) ширины паза, направляющего патроны, устраняющее заклинивание левого патрона.

Наряду с вносимыми изменениями в серийный АК–47 по результатам войсковой эксплуатации в 1952 г. заводу было предложено создать новый усовершенствованный автомат с целью

улучшить кучность боя и уменьшить вес его. 3 января 1952 г. ГАУ утвердило тактико-технические требования (№ 006018) по данной работе. Был создан опытный образец, который после полигонных испытаний потребовал доработки. Поэтому тема была перенесена на следующий год [1, оп. 15, ед. хр. 2296, л. 2–5; ед. хр. 2326, л. 28–41].

1953 г.

В 1953 г. завод проводил подготовку к выпуску технической документации литеры «Б» (более высокой, чем литеры «А»). Согласно договору с ГАУ работа должна была быть представлена на утверждение к 1 декабря 1953 г. В связи с этим было разработано 507 изменений, из них 405 представляли технологическое упрощение деталей, а остальные 102 — уточнение чертежей. Необходимость изменений выявлялись также самим производством и полигонными испытаниями 1952–1953 гг. [1, оп. 15, ед. хр. 2326, л. 232–232об; ед. хр. 2271, л. 19–27, 31–34].

Основные мероприятия по устранению выявленных недостатков в связи с большой сложностью в их решении, срочным изготовлением опытной партии автоматов с сошками и клинками, началом работы над новым, т. н. «легким автоматом», а также отработка чертежей литеры «Б» были перенесены на 1954 г. Работа по созданию опытных образцов нового 7,62 мм автомата с уменьшенным весом, потребовавшая больших конструктивных изменений, в 1953 г. проводилась, главным образом, В. В. Крупиным, И. Е. Семеновых, Немановым, Н. А. Афанасовым и В. А. Харьковым. По Тактико-техническим требованиям № 006256, утвержденным в марте 1953 г., предполагалось, что он будет изготавливаться наряду с АК–47 или взамен его. Главной целью ставилась большая простота и дешевизна в производстве, вес автомата с магазином на 30 патронов и принадлежностью должен был быть не более 3,8 кг. [1, оп. 15, ед. хр. 2330, л. 228; ед. хр. 2331, л. 20–23, 93–98, 117–122, 124]. Одновременно велась работа над новым оружием — автоматом-карабином [2]. Все это, в конечном счете, привело к началу создания модернизированного автомата с 1954 г.

Таким образом, за 1948–1953 гг. конструкторская доработка серийного АК–47 в соответствии с предъявленными к нему

требованиями потребовала от завода произвести 3696 изменений. Из них 830 — связано с доработкой и улучшением конструкции; 1339 — с повышением технологичности и упрощающих изготовление, 1527 — с уточнением чертежей и устранением ошибок в них [1, оп. 15, ед. хр. 2331, л. 140–149]. Это позволило АК–47 стать эталоном надежности, живучести и простоты в эксплуатации, с перспективной конструкторской долговечностью и возможностью дальнейшего совершенствования. Такая высокая оценка была достигнута большим коллективом заводских конструкторов и технологов, соратников М. Т. Калашникова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р–543 (Ижевский машиностроительный завод Министерства промышленности СССР, г. Ижевск УАССР).
2. Дербин Е. Н. Из истории опытных образцов стрелкового оружия М. Т. Калашникова: 7, 62 мм автомат-карабин 1952–1955 гг. // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 3–5 октября 2018 г. Тула: Тульский гос. музей оружия, 2018. С. 88–98.
3. Калашников М. Т., Калашникова Е. М. Калашников: траектория судьбы. М.: Изд. дом «Вся Россия», 2007. 640 с.
4. Малимон А. А. Отечественные автоматы (записки испытателя-оружейника). М.: Министерство обороны РФ, 2000. 388 с.

Р. Р. Вагапов

г. Уфа (Россия)

Башкирский гос. ун-т

КАДРОВАЯ РОТАЦИЯ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА БАССР В ГОДЫ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

В статье проанализированы результаты проверки ЦК КПСС деятельности Башкирского областного комитета партии, проведенной летом 1953 года. Акцентировано внимание на особенностях подготовки Центром смены регионального руководителя БАССР в период утверждения у власти в СССР Н. С. Хрущева.

Ключевые слова: БАССР, С. А. Вагапов, партийная номенклатура, Башобком КПСС, Н. С. Хрущев

Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 года и последовавшая за ней относительная либерализация социально-политической жизни в СССР положили начало «кадровым чисткам», которые затронули все эшелоны партийной власти. За непродолжительный период времени, некогда могущественная сталинская гвардия (Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов и др.) была навсегда отлучена от власти в виду «грубейших нарушений внутрипартийной демократии и коллективности в партруководстве» [3, с. 365–373; 4, с. 563–568; 5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 147–150].

«Местечковой волонтаризм» был присущ и партийным управленцам на периферии. Так, 14 ноября 1953 года вышло постановление ЦК КПСС «О работе Башкирского обкома КПСС», в результате чего — «ярый сталинист» С. А. Вагапов, являвшийся первым секретарем Башкирского обкома партии, был отстранен от должности [1, с. 39]. Новые принципы партийной работы, которым должны были следовать коммунисты БАССР, были озвучены представителями ЦК КПСС — инспектором В. И. Тищенко и начальник главного управления кадров Е. И. Громов [1, с. 40] на VII Пленуме

Башкирского обкома КПСС, состоявшемся 8–9 декабря 1953 года [5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 3].

Командированные ЦК КПСС в БАССР В. И. Тищенко и Е. И. Громов фактически дали установку доказать лояльность новому политическому курсу, пройдя публичное «очищение» через критику и самокритику. Так, председателем Башкирского областного совета профсоюзов В. И. Улиным подверглись резкой критике имевшие место среди партийцев республики почитание руководства и вера в его непогрешимость: «... в партийном доме бытует слово «хозяин», «иди к хозяину», «хозяин сказал»... Когда «хозяин» бывает неправ и с ним некоторые члены бюро не согласны, то его товарищи по работе отвечают «раз хозяин сказал, значит всё»» [5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 91]. Эта порочная практика по мнению министра внутренних дел БАССР К. Ф. Фирсанова выражалась в форме «промасленной слящавой речи» [5, ф. 122, оп. 32, д. 710, л. 20]. Секретарь Уфимского горкома Х. Л. Курбангулов обвинил весь партсовактив БАССР, который несет коллективную вину за создание «культы личности» С. А. Вагапова [5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 100].

Персональная самокритика, а также жесткое порицание бывшего руководителя республики, вызвала волну нелицеприятных оценок в адрес самого Х. Л. Курбангулова, который «чернил» всю парторганизацию региона. Х. Л. Курбангулова называли не иначе, как человеком из ближайшего круга бывшего «хозяина», характеризуя управленцем низкого уровня, сделавшим карьеру только благодаря тому, что являлся «приятелем» С. А. Вагапова [5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 76, 117]. Высокопоставленные партийные функционеры, выступавшие на Пленуме Башкирского обкома КПСС, порицали «кадровые интриги», «жалобы», использование «анонимного материала» с целью расправы с неугодными и их «привлечения к партийной ответственности» [5, ф. 122, оп. 32, д. 709, л. 127].

По большому счету, республиканская партноменклатура оправдывалась и коллективно пыталась дискредитировать в глазах посланцев ЦК КПСС первого секретаря Уфимского горкома Х. Л. Курбангулова, который собрал компромат как

на С. А. Вагапова, так и на других партуправленцев, использованный против них представителями Центра [2, с. 74]. Новым партийным руководителем БАССР был избран бывший министр государственной безопасности СССР С. Д. Игнатъев, имевший опыт управления республикой в 1943–1946 гг. [5, ф. 122, оп. 32, д. 710, л. 153]. Н. С. Хрущёв, на июльском пленуме 1953 года, умело использовал С. Д. Игнатъева в качестве орудия внутрипартийной борьбы с Л. П. Берией [6, с. 419]. Собственно, С. Д. Игнатъев явился одним из символов клиентелизма нового главы государства [3, с. 86].

Таким образом, политические результаты постановления ЦК КПСС от 14 ноября 1953 года «О работе Башкирского обкома КПСС», наряду с распространением в эпоху хрущевской «оттепели» элементов теневой экономики [7; 8] стали своеобразными символами постсталинской эпохи на периферии, наряду с попытками Центра утвердить новый стиль работы в виде публичного покаяния и показного демократизма партийцев «хрущевского набора».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акназаров З. Ш. *Время, люди, мысли*. Уфа: Китап, 1995. 192 с.
2. *Зия Нуриев* / сост. М. Б. Ямалов. Уфа: Китап, 2015. 400 с.
3. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 512 с.
4. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1998. 848 с.
5. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ).
6. *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: справочник. М.: О-во «Мемориал», «Звенья», 2010. 1008 с.
7. *Хазиев Р. А.* «Ловкачи на все руки»: нелегальное получение доходов в эпоху Н. С. Хрущёва // *Труды Исторического факультета Санкт-Петербург. ун-та*. 2013. Т. 14. С. 260–279.
8. *Хазиев Р. А.* Трудовые будни «джентльменов удачи» периода Хрущева: махинаторы, нелегальные предприниматели, спекулянты // *Вестн. Башкирского ун-та*. 2012. № 4. Т. 17. С. 1912–1919.

Р. А. Хазиев

г. Уфа (Россия)

Бакирский гос. ун-т

ПОДПОЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ В ЭПОХУ Н. С. ХРУЩЕВА

В статье анализируется нелегальная хозяйственная деятельность советских теневиков конца 1950-х — начала 1960-х гг., использовавших несовершенство плано-социалистической экономики для личного обогащения. Автор раскрывает причины появления в условиях «хрущевской оттепели», пришедшей на смену сталинизму, прослойки лиц, которые «сколачивали» значительные по советским меркам нелегальные капиталы, благодаря которым с выгодой для себя решали вопросы во властных структурах, партийных и советских органах, избегали административного и уголовного наказаний.

Ключевые слова: спекуляция, нетрудовая деятельность, приписки, подпольное производство, теневая экономика, взяточничество.

Эпоха «оттепели», когда Н. С. Хрущев в 1956 г. публично осудил тираническое правление Сталина, обозначила не только резкий разрыв с прошлым, попытку ограничения гегемонии партийного аппарата и его превращения в «надежный» инструмент централизованного управления, но и зарождение в стране благодаря частичной либерализации общественно-политической жизни теневых хозяйственных отношений [1; 3; 4].

Определенная часть советских граждан, осознав, что политическое руководство страны отказалось от практики массового террора, начала обогащаться, используя несовершенство плановой экономики, одной из характерных черт которой был постоянный дефицит услуг, продуктов питания и промышленных товаров. Появление в эпоху «хрущевской оттепели» теневых со-

ветских нуворишей привело к негласному сращиванию интересов «дельцов» с отдельными партийно-хозяйственными номенклатурщиками, положительно решавшими за «мзду» многие текущие вопросы в пользу тех, кому покровительствовали, а порой и спасавшими «оступившихся товарищей» от уголовной ответственности [6, ф. 4, оп. 58, д. 196, л. 107–108]. В отдельных особенно вопиющих случаях снимали с должности, но из партии не исключали и, соответственно, под суд не отдавали, что позволяло провинившимся сохранять «нажитые капиталы» [2, ф. 122, оп. 32, д. 891, л. 35; д. 2178, л. 53].

В годы «хрущевской оттепели» коррупция стала проникать и в суды, отличавшиеся как особой суровостью, так и, особенно в сталинское время, обвинительным уклоном. В 1955 г. в одном из районных судов Свердловска судебные заседатели, проявив беспрецедентный для советского судопроизводства гуманизм, оставили на свободе «явного жулика», пойманного следственными органами при незаконной реализации сельхозпродукции. Суд оставил без внимания собранные доказательства и, прежде всего, конфискованные при совершении сделки денежные средства, которые в три-четыре раза превышали месячную заработную плату сотрудников правоохранительных органов. В прокуратуре откровенно были обескуражены таким решением суда и срочно его опротестовали, но по «непонятным обстоятельствам» вскоре согласились с судебным решением и отказались от своих претензий [6, ф. 4, оп. 54, д. 107, л. 71].

В эпоху Н. С. Хрущева стали появляться группы «дельцов-спекулянтов», явившиеся предвестниками цеховиков 1970–1980-х гг. Как правило, это были небольшие коллективы, в которых за редким исключением работали или числились «на бумаге» родственники, «надежные знакомые» и близкие друзья. Предприятие возглавлял директор, которого за глаза подчиненные называли «хозяином», так как именно от «хозяина» зависел размер их зарплаты «не по ведомости». От случайных работников в подобных учреждениях моментально избавлялись, обеспечивая молчание угрозой увольнения по статье, а также «имеющимися материалами» для передачи следственным органам,

если «забравший чистую трудовую книжку» вздумает жаловаться по инстанции. Заполучить «работнику из своих» прибыльную должность и одновременно «крышу» в случае обнаружения проверяющими или компетентными органами «хозяйственных подлогов» можно было только за счет полного подчинения «хозяину». В этой роли нередко выступали директора различных торгово-заготовительных организаций [2, ф. 122, оп. 32, д. 891, л. 32; д. 2178, л. 121].

Послаблением режима воспользовались и отдельные граждане, «ударившиеся» в нелегальную торговлю на городских «толчках» и сельхозбазарах. Реализаторы-одиночки или «семейные кланы» стали неизменным атрибутом эпохи «оттепели». В милицеских рапортах, адресованных в высшие партийные органы, указывалось о небывалом росте количества «спекулянтов», нелегально реализовывавших потребительские товары, пользовавшиеся у населения повышенным спросом. Постоянно проводимые милицией рейды против «рыночных торгашей» не давали ощутимого эффекта. Перспектива «выручить» за день торговли на «толчке» двух-трехмесячную зарплату советского служащего мотивировала тайных предпринимателей заниматься хотя и опасным, но очень выгодным видом деятельности. Отдельные «спекулянты», которые сумели наладить бесперебойную реализацию дефицитных товаров, малым оптом закупаемых у «знакомых продавцов в магазинах», привозимых «снабженцами» из других городов, очень быстро «наживая» огромные суммы денег, тратили их на покупку «добротных» домов, машин и т. д. [2, ф. 122, оп. 33, д. 204, л. 167].

В начале 1960-х гг. «незаконно обогащавшиеся группы» появились и на промышленных предприятиях, находящихся на «отличном счету» в территориальных парторганизациях. Нередко организаторами «мошеннических схем», позволявших наживаться на фабриках, заводах, комбинатах за счет труда «честных граждан», были члены партии, которых невозможно было привлечь к ответственности без санкции партийных органов. В свою очередь, райкомам, горкомам и обкомам партии было в высшей степени важно избежать любой скандальной

огласки, связанной с «расхищением социалистической собственности», да еще в огромных масштабах, что могло повлечь карьерные оргвыводы за выявленные факты нарушения «социалистической законности». Делу давали ход только в тех случаях, когда правоохранительные органы разоблачали значительные по численности группы махинаторов, получавших невообразимые по советским меркам доходы в десятки тысяч новых рублей, введенных в оборот в 1961 г. после хрущевской денонминации [5, ф. 371, оп. 20, д. 1375, л. 51; д. 1478].

В заключении важно сказать, что в эпоху хрущевской «оттепели» в СССР появились неформальные практики, которые шли в разрез с «сакральными» установками КПСС о скромности в быту, поведении, потреблении, необходимости противодействия мещанству и стяжательству. Стремление жить хорошо здесь, сегодня и сейчас стало в конце 1950-х – начале 1960-х гг. своеобразным вызовом десятилетиями культивируемой идее затянуть пояса, первичности общественно-государственного и вторичности личного. Появление в эпоху «хрущевской оттепели» людей, порой демонстративно живших на «широкую ногу», постепенно разрушало мифы и иллюзии у населения относительно социально-имущественного равенства «советских трудящихся». Следовательно, начавшееся в эпоху Н. С. Хрущева подпольное обогащение очевидно свидетельствовало о том, что плановая экономика давала сбой, в ее недрах стала разрастаться и функционировать альтернативная хозяйственная система.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вавулинская Л. И.* Организация торговли в Карелии в послевоенные годы (1945–1955) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2019. № 1. С. 26–38.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ).
3. *Попова О. Д.* «Кто не работает, тот не ест»? советская пропаганда и формирование отношения к собственности у граждан в 1960-е годы (по материалам «писем во власть») // *Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина.* 2018. № 3 (60). С. 69–78.

4. Трофимов А. В. Коррупция на Урале в середине XX века: исторический контекст // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2015. Ч. 2. С. 29–30.
5. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО)
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

С. Н. Уваров

г. Ижевск (Россия)

Ижевская гос. сельскохозяйственная академия

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ УДМУРТОВ УДМУРТСКОЙ АССР В 1959–1970 ГОДАХ

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в образовательном уровне удмуртов Удмуртской АССР в период 1959–1970 гг. За это время он заметно вырос, причем в сельской местности его рост был существеннее, чем в городских поселениях. В результате разница в образовательном уровне городских и сельских удмуртов в этот период несколько нивелировалась. В начале рассматриваемого периода уровень образования у мужчин был выше по всем видам образования. К концу периода женщины уже существенно превосходили мужчин по доле лиц со средним специальным образованием, однако по остальным видам разница практически не изменилась (кроме неполного среднего и начального). Тем не менее, грамотность у женщин заметно повысилась. В научный оборот впервые вводятся сведения, показывающие изменения в уровне образования удмуртов республики в 1959–1970 гг. по возрастным группам.

Ключевые слова: население, удмурты, образовательный уровень, Удмуртия, рождаемость, переписи населения.

В 1960-е гг. у удмуртов в Удмуртской АССР резко сократилась рождаемость. По подсчетам, если в 1959 г. коэффициент рождаемости составил у них 36,7 ‰, то в 1970 г. — всего 18,4 ‰. Падение произошло, таким образом, ровно в два раза. На 1969 г. пришелся минимум рождений у удмурток, если рассматривать период с 1958 г., когда текущая статистика после долгого перерыва вновь стала отмечать национальность родившегося, по 1990 г. включительно [3, с. 111, 114]. Основной причиной снижения рождаемости удмуртов являлась «демографическая яма»,

вступление в репродуктивный возраст малочисленных поколений, рожденных в годы Великой Отечественной войны [4, с. 106–107]. Однако еще одной причиной стало повышение образовательного уровня населения. В частности, обучение неизбежно приводило к отсрочкам вступления в брак и рождения детей. Увеличивалась занятость женщин в общественном производстве, в том числе на квалифицированных и высококвалифицированных работах. С ростом культурного уровня населения повышались требования к уходу за детьми, их воспитанию. Это вело, в свою очередь, к распространению индивидуального регулирования деторождения.

Тема повышения образовательного уровня у удмуртов Удмуртской АССР в 1959–1970 гг. относится в региональной историографии к числу малоизученных. Среди тех, кто затрагивал данную тему в своих исследованиях, выделяются К. А. Пономарев, Г. Д. Фролова, Н. А. Шкляева [1; 2; 5; 6]. Заявленная тема уже рассматривалась автором в монографии [4], но в ней были слабо освещены сюжеты, связанные с возрастными особенностями роста образовательного уровня крупнейших национальностей республики. Источниками для исследования явились материалы переписей населения, в том числе неопубликованные.

Относительные показатели, отражающие изменения образовательного уровня удмуртов за 1959–1970 гг., показаны в табл. 1. За это время он заметно вырос. Так, доля лиц с высшим образованием в расчете на тысячу населения в возрасте десяти лет и старше у представителей титульной нации увеличилась в 2,5 раза, со средним специальным — в 1,4 раза, со средним общим — в 2,4 раза, с неполным средним — в 1,3 раза. Доля лиц, не имеющих начального образования, сократилась у удмуртов в 1,4 раза, чуть меньше стал удельный вес имеющих только начальное образование (см. табл. 1).

В сельской местности рост образовательного уровня был заметнее, поэтому имевшееся к началу рассматриваемого периода отставание от городских поселений несколько сократилось. За время с 1959 по 1970 гг. разница между городскими и сельскими удмуртами по доле лиц с высшим образованием в расчете на тысячу населения в возрасте десяти лет и старше сократилась

с 3,5 до 2,4 раз, со средним специальным образованием — с 1,8 до 1,5 раз, со средним общим образованием — с 3,7 до 3,4 раз. Правда, у удмуртов в городских поселениях быстрее сокращалась доля лиц без начального образования. Конечно, городские удмурты и в 1970 г. оставались образованнее сельских, но последние подтянулись к ним.

Мужчины титульной национальности были образованнее женщин. В начале рассматриваемого периода уровень образования у мужчин был выше по всем видам образования. К концу периода женщины уже существенно превзошли мужчин по доле лиц со средним специальным образованием, однако по остальным видам разница практически не изменилась (кроме неполного среднего и начального). Более того, у не закончивших вуз она даже выросла в пользу мужчин. И все же отметим немалые успехи в деле повышения грамотности у женщин. Если по переписи 1959 г. почти половина удмурток (47 %) в возрасте десяти лет и старше не имела даже начального образования (а в сельской местности даже более половины — 50,6 %), то к 1970 г. эта доля сократилась до 34,3 %.

В табл. 2 и 3 представлены данные об уровне образования по возрастным группам у удмуртов Удмуртской АССР от десяти лет и более в 1959 и 1970 гг. Они наглядно демонстрируют возрастную сдвиг в сторону старших когорт. Так, в 1959 г. наиболее многочисленной группой с высшим образованием являлись 20–29-летние удмурты: на их долю пришлось 42,4 % от числа закончивших вузы. В 1970 г. удельный вес этой группы составил лишь 24,3 %. Доля 30–39-летних составляла 26,7 % в 1959 г., но 46,8 % — в 1970 г. У 40–49-летних цифры равнялись 17,8 % и 17,5 % соответственно, у 50–54-летних — 6,9 и 4,3 %, у 55–59-летних — 4,1 % и 2,9 %, у 60-летних и старше — 2,1 % и 4,1 %. Таким образом, самой многочисленной когортой с высшим образованием в 1970 г. явились 30–39-летние. Начиная с 40 лет, больших отличий уже нет. Также с течением времени мы видим численное увеличение каждой из когорт. Эти цифры демонстрируют картину массового получения высшего образования удмуртами уже только в советское время, поэтому даже к 1970 г.

доля удмуртов старшего возраста с высшим образованием была невысокой.

Распределение лиц со средним специальным образованием было следующим. На долю 16–19-летних приходилось 3,6 % в 1959 г. и 5,3 % — в 1970 г., 20–29-летних — 36,8 % и 34,3 % соответственно, 30–39-летних — 37,2 % и 26,7 %, 40–49-летних — 16,6 % и 20,8 %, 50–54-летних — 2,7 % и 6,8 %, у 55–59-летних — 1,7 % и 3,5 %, у 60-летних и старше — 1,5 % и 2,5 %. Таким образом, в 1959 г. львиная доля приходилась на 20–39-летних, в 1970 г. — на 20–49-летних. Это также объяснялось накопительным эффектом. Среднее специальное образование стало получать не просто большее количество удмуртов, но и большая их доля.

Среднее общее образование имели в основном молодые люди до 30 лет. На их долю в 1959 г. приходилось 79,2 %, в 1970 г. — 72,7 %. Только начальное образование в 1959 г. имели в основном удмурты до 40 лет, доля более старших когорт была не такой незначительной. В 1970 г. начальный уровень образования был характерен в большинстве для лиц в возрасте до 50 лет.

Показательным было распределение лиц без начального образования. В 1959 г. своеобразный рубеж у них начинался с 40-летнего возраста. В том году на долю лиц в возрасте до 39 лет включительно приходилось 26,1 % от числа не имевших образование, остальные были старше. В 1970 г. подобным рубежом уже являлся возраст в 55 лет: на долю тех, кто моложе, пришлось 42,7 %, а кто старше — 57,2 %. Эти изменения говорят о том, что получившие начальное образование со временем постепенно, в основном естественным путем замещали не имевших такового.

Таким образом, за период с 1959 по 1970 гг. образовательный уровень удмуртов Удмуртской АССР заметно вырос, причем в сельской местности его рост был существеннее, чем в городских поселениях. В результате разница в образовательном уровне городских и сельских удмуртов в этот период несколько нивелировалась. Мужчины остались образованнее женщин, хотя по доле лиц со средним специальным образованием они уступили удмурткам. Несомненно, исследование образовательного уровня удмур-

тов Удмуртской АССР необходимо продолжить. В первую очередь требуется изучить гендерные и территориальные (у городских и сельских) особенности у возрастных когорт. После этого уже можно попытаться исследовать корреляцию между образовательным уровнем и демографическими процессами.

Таблица 1

**Уровень образования у удмуртов Удмуртской АССР
в 1959 и 1970 гг.**

		На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше*						
		имеют образование						
		высшее	неза- конч. выс- шее	среднее специаль- ное	среднее общее	неполное среднее	началь- ное	
Городское и сельское население								
Оба пола	1959	6	7	28	27	193	363	375
	1970	15	8	39	64	250	357	265
Мужчины	1959	7	8	29	32	237	463	224
	1970	18	10	32	74	295	415	154
Женщины	1959	5	6	27	25	166	300	470
	1970	13	6	44	56	219	316	343
Городское население								
Оба пола	1959	14	15	42	66	272	354	237
	1970	26	16	51	124	327	287	167
Мужчины	1959	18	16	43	70	303	420	130
	1970	32	19	46	132	357	323	89
Женщины	1959	11	14	42	62	248	306	316
	1970	22	13	55	118	305	259	226
Сельское население								
Оба пола	1959	4	5	24	18	174	365	409
	1970	11	4	34	37	217	387	307
Мужчины	1959	4	6	25	22	218	475	250
	1970	12	5	26	47	266	457	185
Женщины	1959	3	4	24	16	148	298	506
	1970	10	4	39	31	183	339	392

Сост. по: [7, ф. р-845, оп. 5, д. 491, л. 21].

*Из-за округления и не указавших при переписи уровень образования сумма по строкам не всегда равна 1000.

Таблица 2

**Возраст и уровень образования у удмуртов
Удмуртской АССР в 1959 г.**

Возраст, лет	Всего, чел.	в том числе имеют образование:						не имеют началь- ного об- разования	не ука- зали уро- вень об- разования
		выс- шее	незакон- ченное высшее	среднее специ- альное	сред- нее общее	непол- ное сред- нее	началь- ное		
10–15	34933	-	-	-	-	2393	16874	15650	16
16–19	32485	-	31	342	3446	17956	9730	974	6
20–29	88582	827	1032	3505	4015	25060	45232	8888	23
30–39	61224	521	790	3541	1278	16896	30390	7798	10
40–49	45975	348	375	1579	416	3059	11843	28334	21
50–54	21339	135	65	254	113	341	3846	16558	27
55–59	17969	79	38	160	74	167	2585	14837	29
60 и старше	38935	40	25	139	75	125	3412	34981	138
Возраст не указан	8	-	-	-	-	2	-	2	4
Все населе- ние в воз- расте 10 лет и старше*	341450	1950	2356	9520	9417	65999	123912	128022	274

Сост. по: [7, ф. р-845, оп. 5, д. 309, л. 1].

Таблица 3

**Возраст и уровень образования у удмуртов Удмуртской АССР в
1970 г.**

Возраст, лет	Всего, чел.	в том числе имеют образование:						не имеют началь- ного об- разования	не ука- зали уро- вень об- разования
		выс- шее	незакон- ченное высшее	среднее специ- альное	сред- нее общее	непол- ное сред- нее	началь- ное		
10–15	78569	-	-	-	-	6249	50850	21375	95
16–19	36551	-	94	792	7916	24410	3030	232	77
20–29	47156	1419	1514	5082	9703	23496	5226	587	129
30–39	73408	2727	516	3963	4206	22664	31986	7148	198
40–49	55710	1022	430	3091	1524	15183	27259	7058	143
50–54	17696	248	189	1005	388	2231	6857	6729	49
55–59	21775	169	108	515	213	861	4082	15759	68
60 и старше	50297	239	94	375	267	395	6721	42001	205
Все населе- ние в воз- расте 10 лет и старше*	381501	5829	2951	14833	24237	95541	136089	100975	1046

Сост. по: [7, ф. р-845, оп. 5, д. 491, л. 13].

*Итоговые цифры не совпадают с суммой в верхних строках из-за того, что не приведены не указавшие свой возраст.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пономарев К. А.* Ко всеобщему среднему. Ижевск: Удмуртия, 1975. 170 с.
2. *Пономарев К. А.* Развитие народного образования Удмуртии в 70–80-х годах // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 101–118.
3. *Уваров С. Н.* Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 1. С. 107–123.
4. *Уваров С. Н.* Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг.: монография. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.
5. *Фролова Г. Д.* Из истории удмуртской школы. Ижевск: Удмуртия, 1971. 156 с.
6. *Шкляева Н. А.* Развитие общего образования в Удмуртии в 1945–1965 гг. // Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск: Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. С. 87–100.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).

В. В. Долгов

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ В УГПИ-УДГУ: СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

В статье рассматриваются жизненные и исследовательские стратегии преподавателей исторического факультета Удмуртского государственного университета. Автор приходит к выводу, что на ведение исследовательской работы помимо сугубо научных обстоятельств, оказывают влияние разнообразные политические, экономические и социокультурные факторы. В частности, существенное воздействие на тематику и интенсивность исследовательской работы оказывает степень доступности источников и наличие благоприятной среды, позволяющей поддерживать профессиональное общение. По мнению автора, наиболее ресурсными направлениями исторических исследований являются региональные аспекты отечественной истории XVII—XXI вв. и история раннего русского средневековья.

Ключевые слова: исследовательские стратегии, историческая наука, УГПИ-УдГУ.

На развитие науки оказывает влияние множество факторов. Во-первых, конечно, это внутренние познавательные интенции самого исследовательского поиска. Познавательный процесс имеет свою внутреннюю логику. Эта логика диктует постановку новых исследовательских задач, определяет актуальный набор научных методов и в целом исследовательскую парадигму.

Во-вторых, серьезное воздействие на науку оказывает политическая и экономическая реальность и текущие проблемы общественной жизни. Истории как научной дисциплины это каса-

ется в полной мере. Реалии эпохи интенсивного государственного строительства вызывает повышенный интерес к темам полигогенеза, этнические конфликты неизбежно повышают интерес к этнической истории и пр.

Каждый ученый, прокладывая свою собственную исследовательскую траекторию, так или иначе вынужден считаться с этими глобальными условиями. Понятно, что мейнстрим увлекает далеко не всегда. Ученый габитус предполагает изрядную долю нонконформизма. Тем не менее, как говорится, «учёный — тоже человек». Помимо познавательных интересов, у него есть и социально-экономические потребности. Поэтому при выборе темы исследования важным фактором могут быть и вполне конъюнктурные соображения. Работа в востребованной обществом предметной области обещает более успешное устройство академической карьеры, и получение разнообразных «бонусов». Баланс между научной актуальностью и общественной востребованностью, как правило, определяет генеральный вектор научной работы в конкретном обществе конкретного периода. Поскольку построение иерархии более, чем по одному основанию невозможно, учёный обычно оказывается либо в большей степени «ученым» (в том случае, если руководствуется в своей работе научной актуальностью), либо «конъюнктурщиком» (если его ведет, в первую очередь, общественный запрос). В обоих случаях работа может дать интересные результаты и представлять ценность. Однако ясно, что в данном случае мы имеем дело с несколько разными траекториями.

Все вышесказанное относится к науке в целом. Однако в наиболее чистом виде описанная модель реализуется в столичной научной среде. Провинциальная учёная жизнь демонстрирует весьма существенные нюансы, которым и посвящена настоящая статья.

Нюансы эти напрямую зависят от биографических паттернов, сложившихся в отечественной науке в целом, и в исторической науке, в частности.

Начать следует с того, что провинциальная историческая наука за редким исключением остается провинциальной не только в географическом, но и в качественном смысле. Причин

этому множество. Во-первых, крупнейшие библиотеки и архивы, содержащие материалы для работы историка находятся в столицах. Во-вторых, условия для прохождения квалификационных ступеней в провинции тоже не самые подходящие. Тем не менее, провинциальная наука находит в себе силы развиваться. Каким образом это происходит?

Традиционно, с советских времен, талантливых выпускников принято было отправлять на учебу в столичные аспирантуры. Именно таким образом формировалась существенная часть профессорско-преподавательского состав УгПИ—УдГУ.

Обучение в столичных аспирантурах прошли многие преподаватели исторического факультета: В. В. Пузанов, М. Ф. Махлай, А. Н. Маркин, Н. В. Белошапка, Г. И. Обухова, А. Н. Кутявин и др.

Уровень профессиональной подготовки выпускника провинциального вуза порой оказывался недостаточным для того, чтобы поступить в аспирантуру столичного вуза сразу. Для решения этой проблемы использовались длительные (13-месячные) стажировки, в ходе которых стажёр-исследователь имел возможность подтянуть знания, войти в ритм жизни столичного вуза, познакомиться с важными профессорами. Кафедра, в свою очередь, присматривалась к новоприбывшему.

Дальше шло погружение в недра научной работы. Темы могли назначаться по-разному. После прохождения стажировки в 1986 г. В. В. Пузанов был принят в аспирантуру и занял место в строю могучей ленинградской школы историков-русистов. Молодому ижевскому аспиранту был поручен участок работы, который вряд ли мог ему вообразиться в пору его ижевского студенчества. Выбор темы кандидатской диссертации В. В. Пузанова определялся научными интересами кафедры истории СССР ЛГУ и состоянием историографии Древней Руси, в которой ключевой являлась проблема генезиса феодализма. В 1985 г. в журнале «Вопросы истории» по этой теме была инициирована очередная дискуссия, направленная против концепции И. Я. Фроянова. В складывавшейся ситуации все силы формирующейся новой школы были «мобилизованы» на «историческое противостояние», за каждым «фрояновцем» закреплялся определенный

«участок фронта». В. В. Пузанову было определено «историографическое направление» — изучение историографических предпосылок современных концепций общественного строя Древней Руси [4]. Тема, надо сказать, довольно узкая и мало не связанная с тем, чем В. В. Пузанов занимался в студенческие годы. Так же весьма далека от студенческих штудий была диссертация М. Ф. Махлай, защищенная в МГУ в 1994 г. [2]. Иногда случалось и по-другому, П. Н. Дмитриеву тема была определена с учетом того, что он приехал из Ижевска — Павел Николаевич изучал Ижевско-Воткинское восстание [1].

Советский аспирант находился на государственном обеспечении. Стипендии хватало на жизнь, жилье предоставлялось. То есть, условия для научной работы были созданы. Но и требования были весьма строгими.

Так или иначе, с поставленными перед ними задачами большинство удмуртских аспирантов справились успешно: кандидатские диссертации были защищены, дипломы получены, состоялось триумфальное возвращение в *Alma mater*, где, как правило, молодому кандидату была обеспечена тёплая встреча и гарантирована полная занятость.

Однако дальнейшие траектории провинциальных историков выстраивались по-разному.

Главной формой занятости молодого кандидата наук, возвратившегося в стены родного вуза, была преподавательская работа, которая подчас не оставляла сил и времени на научную. Важным фактором было то, что позднесоветская и постперестроечная система высшего образования в отличие от современной не предъявляла к доценту или профессору обязательных требований по ведению исследований. Научная работа имела инициативный характер: если человек имел силы и вкус к научной работе, для него были предусмотрены разнообразные формы поощрения: командировки, премии, почетные звания. Если же такого желания не было, вполне можно было ограничиться добросовестным выполнением преподавательских обязанностей.

В условиях, когда работодатель напрямую не принуждал молодого кандидата к продолжению научной работы, значимыми оказывались иные факторы.

Начнем с того, что важным обстоятельством является *наличие источниковой базы*. Для серьезной научной работы необходима возможность пользоваться всем комплексом имеющихся источников. Поэтому работа может вестись только в тех сферах, в которых 100 % источников доступно в Ижевске. То есть история позднего средневековья, нового или новейшего времени доступна только в местном её варианте: истории Вятской губернии, Удмуртии XVII–XXI вв. Ориентация на местную проблематику открывала возможность результативного продолжения исследований и после окончания столичных учебных заведений. Это было особенно важно для сохранения профессиональной квалификации и возможности передачи знаний и опыта ученикам, поскольку огромное количество тем, связанных с всемирно-историческими процессами, для изучения в Ижевске были попросту недоступны.

В результате нередко были случаи, когда блестящая кандидатская диссертация, написанная ученым «на заре туманной юности» в пору обучения в аспирантуре Москвы или Ленинграда, оставалась на всю жизнь его единственным научным достижением. Так случилось, например, с М. Ф. Махлай. Она не имела возможность продолжать свое исследование: для этого нужно было работать в центральных архивах и библиотеках.

С раннесредневековой историей было проще: практически все имеющиеся письменные источники по этому периоду опубликованы, судьбоносных открытий новых текстов ждать, увы, не приходится. Поэтому работать можно и в Ижевске. Впрочем, в доинтернетную эпоху ощущался определённый дефицит научной литературы. Но этот недостаток компенсировался во время научных стажировок, которые хорошо оплачивались университетом. Несколько недель работы в центральных библиотеках позволяли быть в курсе научных новинок и вести исследования в течение года или двух (от стажировки до стажировки).

Другое не менее важное обстоятельство: *наличие ученой среды и организационной поддержки*, в которой можно было поддерживать и развивать свой интеллектуальный уровень. В Ижевске традиции научного общения была заложена на историческом факультете еще в 30–40 гг. XX в. Традиция эта имела

полный набор характеристик серьезной провинциальной советской науки, которая (не только в Ижевске, но почти повсеместно) базировалась на «трех китах»: а) господствующая марксистская методологическая парадигма; б) «серьезные», идеологически «правильные» темы (связанные с историей промышленности, пролетариата, беднейшего крестьянства и пр.); в) местная проблематика.

Соблюдение этих рамок гарантировало провинциальному историку более или менее нейтральный (и даже благожелательный) прием в научных кругах и стабильное преодоление всех надлежащих квалификационных барьеров. Ученый, работающий в области «местных нюансов Отечественной истории» был гарантированно защищен от многих организационных проблем: архивные материалы, литература, востребованность и соответствующая интеллектуальная среда понимающих в этом деле толк коллег были ему обеспечены.

История Древней Руси была далека от привычного круга исследований историков Удмуртии и географически, и хронологически, и интеллектуально. Основные центры базировались в трех столицах: в Москве, Ленинграде и Киеве. Ученых, занятых ею, окружал флер аристократичной отстраненности от сомнительного бурления конъюнктурных тем. Конечно, отзвуки идеологических битв достигали и этих возвышенных сфер, но все-таки не составляли их сути, не обещали быстрых защит, не служили сертификатом идеологической надежности и были далеки от номенклатурных игр. Карьеристы от науки искали себе тропинки попроще — это обеспечило относительную чистоту исследовательского поиска.

Пересечься двум этим совершенно разным интеллектуальным традициям помог случай. Талантливый выпускник истфака УдГУ В. В. Пузанов был отправлен на стажировку в город Ленинград, на исторический факультет к одному из ведущих специалистов по древнерусской истории д-ру ист. наук, проф. И. Я. Фроянову. В дальнейшем, вернувшись, В. В. Пузанов смог организовать и взрастить новое сообщество исследователей-русистов на родном факультете. Вернувшись в УдГУ, В. В. Пузанов сразу погрузился в пучину учебных и административных

дел. На него обрушилась необходимость разработки и чтения огромного количества новых учебных курсов. Декан факультета проф. Р. Д. Голдина доверила ему руководство реформированной кафедрой дореволюционной отечественной истории (из нее выделилась кафедра археологии и истории первобытного общества). Кадров не хватало, приходилось не столько руководить, сколько делать всю работу самому. Дома подрастали двое маленьких детей, которые тоже требовали внимания. Кандидатская диссертация грозила остаться единственным достижением и приятным воспоминанием юности.

Но вышло по-другому. Целеустремленность и серьезная подготовка, полученная В. В. Пузановым за годы обучения в аспирантуре И. Я. Фроянова, позволили продолжить начатую работу в Ижевске. Помогли и те самые пресловутые «мешки конспектов» — запас материала, который пополнялся во время недолгих командировок в Ленинград (который за это время успел превратиться в Санкт-Петербург).

Таково свойство человеческой природы, что работающий всегда обаятельней бездельника. Поэтому, несмотря на абсолютную неконъюктурность древнерусской проблематики в начале 90-х гг. XX в. и чрезвычайную сложность лекций вчерашнего ленинградского аспиранта В. В. Пузанова, история Древней Руси стала очень популярна среди студентов исторического факультета УдГУ, а сам он — одним из самых популярных преподавателей.

Следует заметить, что среди студентов-историков процент непрактичных фантазеров «не от мира сего» особенно велик. Этим объясняется стабильный интерес к изучению предметов, далеких от окружающей жизни, отдаленной от нее хронологически или пространственно. Далекый, прекрасный, завораживающий мир Древней Руси оказался в числе таких тем. Вокруг В. В. Пузанова сформировался кружок заинтересованных студентов. Весьма важно, что В. В. Пузанов, «привив на древе» удмуртской исторической науки «веточку» петербургской школы Фроянова, сохранил весьма либеральную атмосферу научного общения, напоминавшую не регулярный строй, а, скорее, гражданское ополчение. Каждому «фантазеру» была предоставлена

свобода творчества: возможность выбирать и цель, и «оружие». Научный руководитель подсказывал и направлял, помогал соотнести собственные исследования с результатами «большой науки». Из этой «Платоновской (Пузановской!) академии» вышли все ижевские историки-русисты.

Однако следует заметить, что даже наличие широкого комплекса опубликованных источников не всегда становилось основой для развития научной школы и систематической научной работы. Так, несмотря на наличие нескольких выпускников сильных антиковедческих школ, в УдГУ изучение античной истории в Удмуртии не вышло на уровень систематической коллективной работы. Один из признанных удмуртских специалистов по античной истории, А. Н. Маркин, защитивший в МГУ диссертацию по ментальности позднеримской аристократии [2], говорил в частной беседе автору этих строк, что не видит смысла в продолжении научной работы в виду её невостребованности («Никому не нужно»). Причины пессимизма ученого-антиковеда, единственного в Удмуртии знатока классической латыни, не только психологические. Для формирования научной школы должны сойтись несколько независимых факторов: организационный, социально-психологический, личный и пр. В случае антивоенного этого не произошло.

Таким образом, видно, что наибольшим ресурсным потенциалом в условиях Удмуртского университета обладают темы, нацеленные на исследование либо местной истории, либо тех разделов всемирной истории, по которым большая часть источников опубликована и поэтому доступна. Разумеется, при желании, вести исследовательскую работу можно и по другим направлениям. Однако социально-экономические условия устанавливают приоритет именно за этими направлениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриев П. Н.* Разгром эсеро-меньшевистского мятежа в Ижевско-Воткинском районе в 1918-году: дис. ... канд. ист.: 07.00.02. М., 1983. 205 с.

2. *Маркин А. Н.* Менталитет римской имперской аристократии в изображении Корнелия Тацита и Плиния Младшего: Некоторые аспекты: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 1996. 167 с.
3. *Махлай М. Ф.* Источники о казенных предприятиях обрабатывающей промышленности России в конце XIX - начале XX вв. : (Источниковедческое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1994. 25 с.
4. *Пузанов В. В.* Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X–XII веков в русской историографии XVIII — начала XX века: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Л., 1989. 220 с.

Н. В. Халявин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Автор обращается к обзору интернет-ресурсов, посвящённых истории Удмуртии, приводит анализ материалов различных интернет-сайтов, качество и тематику публикаций. Статья содержит адреса интернет-ресурсов, освещающих историю развития государственности Удмуртии и отдельные сюжеты из её экономической, политической, социо-культурной истории. Делается вывод, что на современном этапе республике не хватает качественного исторического научного сайта и работы по каталогизации имеющихся интернет-ресурсов.

Ключевые слова: История Удмуртии, интернет, удмуртская государственность.

Истории Удмуртии в интернете отведено не так уж и много места. Отдельного научно-исторического сайта, посвященного Удмуртии нет, не сложилась и традиция размещать в сети самостоятельные публикации научного характера, снабжённые необходимым научно-справочным аппаратом. Публикации такого рода являются, как правило, работами, опубликованными в традиционном бумажном варианте как статьи в научных журналах, имеющих свои сайты, или изданы в виде книг, чьи тексты имеют электронный вариант и доступны в виртуальном пространстве.

Поисковые запросы по словосочетанию «история Удмуртии» в первую очередь дают ссылки на материал Википедии https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Удмуртии. Впрочем, история края здесь представлена очень фрагментарно. В основном внимание уделено древности — каменному и железному веку, буквально два десятка строчек посвящено теме «Удмурты в составе Российского государства», история современной Удмуртской республики уместилась в короткое известие о том, что «4

ноября 1990 года Верховный Совет Удмуртской АССР провозгласил суверенитет республики и новое название — Удмуртская Республика. По Конституции, принятой в 1994 году, Удмуртия — государство в составе Российской Федерации». В литературе по теме статьи указаны только две публикации: Белых С. К. История народов Волго-Уральского региона: учебн. пособие. Ижевск, 2006; История Удмуртии: конец XV — начало XX века / М. В. Гришкина и др.; под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ, 2004.

Кроме того, стоит отметить, что в виртуальной энциклопедии есть отдельные страницы, посвящённые истории и культуре удмуртского народа, эволюции административно-территориального деления Удмуртии и страницы, рассказывающие о Конституциях Удмуртии 1936, 1978 и 1994 г.

На официальном сайте главы Удмуртской республики и Правительства УР <http://www.udmurt.ru/region/history.php> её истории отведена всего одна страница с краткой исторической справкой из шести абзацев и к просмотру предложен 6-минутный фильм Елены Слесаревой и Анатолия Добрякова «История государственности Удмуртии».

Созданный в 2011 г. сайт под названием «История Удмуртии» на своей главной странице сообщает, что в нём нашли «отражение общие сведения об истории Удмуртии и этнографии удмуртов, источники и историография удмуртской этнографии, её современное состояние, задачи и перспективы, проблемы этнонимов, этнодемографические характеристики, вопросы этногенеза, этнической истории, анализ хозяйства, материальной и духовной культуры, современные этнические процессы в Удмуртии, то есть важнейшие характеристики удмуртского этноса и наиболее актуальные вопросы истории Удмуртской республики». Правда, состояние сайта таково, что здесь желаемое выдаётся за действительное — все материалы сайта анонимны, источники информации не указаны, о владельцах и авторах сайта никакой информации также нет. Последние материалы, судя по рубрике «Новое на сайте», добавлены в начале 2020 г., но редактора помещённых известий фактически отсутствует, так, напри-

мер, Евгений Максимович Кунгурцев — дважды Герой Советского Союза, уроженец Удмуртии, скончавшийся в мае 2000 г., всё ещё «приезжает в родной Ижевск. Обязательно заходит в школу, на станцию юных техников», что вообще-то является элементарным неуважением к памяти героя (<http://udmurt-history.ru/urozhentsi-udmurtii-na-fronte/e-m-kungurtsev.html/>).

Гораздо более насыщен информацией сайт по Ижевску, Удмуртской Республике <https://iz-article.ru>, который предлагает ряд оригинальных проектов по истории Удмуртии. Например, общий список людей, связанных с историей Удмуртии, снабжённый активными ссылками, открывающими статьи по отдельным персоналиям, иллюстрированные архивными и современными фото и сканами документов <https://iz-article.ru/znamenit.html>. Здесь же размещены такие материалы, как «История добычи нефти в Удмуртской Республике» В. Г. Юхименко https://iz-article.ru/neft1_8.html, «Старообрядчество в Удмуртии», без указания авторства https://iz-article.ru/staroobr_7.html, «Великая отечественная война в Удмуртии. В труде, как в бою» <https://iz-article.ru/voinaur.html> (опять же — без сведений об авторстве).

К отдельной категории сайтов, где можно встретить информацию по истории Удмуртии, можно отнести страницы библиотек, музеев и архивов. Но размещённые здесь материалы чаще всего не имеют характера самостоятельных публикаций. Так, например, сайт Национальной библиотеки Удмуртской Республики содержит объёмную коллекцию оцифрованной литературы, которая включает научные, научно-популярные, справочные, учебные, документально-художественные издания на русском и удмуртском языках, вышедшие в свет со второй половины XIX века по настоящее время, освещающие основные вехи истории Удмуртии <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/5209>. Аналогичные коллекции оцифрованной литературы по истории края содержатся на страницах Центральной муниципальной библиотеки им. Н. А. Некрасова г. Ижевска (<https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/15557>), Публичной научной библиотеки им. В. Г. Короленко г. Глазова

(<https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/29642>) и Централизованной библиотечной системы г. Сарапула (<https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/42470>).

На сайте Национального музея Удмуртской Республики имени Кузеева Герда (<https://nmur.ru>) специальной развёрнутой и структурированной рубрики по истории Удмуртии нет, но присутствует раздел «Проекты», где можно ознакомиться с роликами виртуального открытого лектория (главным образом об этнической истории края).

Сайт «Архивы Удмуртии» содержит ссылки на оцифрованные материалы, находящиеся в Электронном архиве Удмуртии <http://gasur.ru/databases/eaur.php>, кроме того, стоит отметить размещённый здесь обзор документов и публикаций архивистов в рубрике «К юбилею Победы» (<http://gasur.ru/war>).

Интересные авторские материалы по истории Удмуртии и удмуртов можно найти на сайте Дома Дружбы народов (например, статья А. Бикузина «Разбираемся в происхождении слова „удмурт“» <https://udmddn.ru/articles/razbiraemsysya-v-proishozhdenii-slova-udmurt-vmeste-s-uchyonym-filologom/>).

Сайты научных и образовательных учреждений так же могут служить источниками информации о прошлом нашего края, но, как правило, это будет отсылка к тем или иным материалам, опубликованным в печатном виде. Так, в УдГУ есть Кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии, но на сайте университета или страничке самой кафедры никакого раздела по истории Удмуртии нет. Есть портал «Тубат» (Лестница) отдела краеведческой, национальной и финно-угорской литературы Научной библиотеки УдГУ (<http://tubat.udsu.ru>), который своей целью ставит «обеспечение информацией пользователей сети Интернета сведениями краеведческого характера; организация доступа к сетевым ресурсам научного и образовательного характера», но до заявленных целей портал пока не дотягивает, здесь содержатся лишь фрагментарные сведения о некоторых публикациях по истории Удмуртии. Отдельную информацию по истории Удмуртии можно отыскать в архиве публикаций (с 2015 г.) Вестника Удмуртского университета. Серия история и филология

(<https://journals.udsu.ru/history-philology/issue/archive>). Аналогичным образом, через сайт Удмуртского института истории языка и литературы можно выйти на публикации сотрудников, касающиеся истории Удмуртии (<http://udnii.ru/library/publikatsii-sotrudnikov/>)

Отдельно стоит сказать о сайтах средств массовой информации. Здесь особенно выделяется Информационное агентство «Удмуртия», которое многое делает для освещения и популяризации истории края. Самым ярким для празднования юбилея государственности Удмуртии стал его проект #ПРО100ЛЕТУДМУРТИИ (<https://100let.udmurt.media>), который выглядит, пожалуй, самым удачным отражением в сети 100-летней истории удмуртской государственности. Статьи (правда, опять же без указания автора — это общая беда интернет-сайтов) расположены здесь по десятилетиям XX века, есть отдельный раздел «Предыстория», где помещены материалы по некоторым сюжетам из удмуртской истории до 1920 г. (например, о мултанском деле), раздел «Государственные символы Удмуртии», где можно узнать об их создании, и раздел, рассказывающий об истории административно-территориального деления Удмуртии, из которого по активным ссылкам можно перейти на страницы отдельных территориальных единиц Удмуртии и узнать их историю (например, о создании Вотской автономной области, или историю Сарапула, Глазова).

На официальной странице газеты «Удмуртская правда» по тэгу «история» можно найти ряд статей посвящённых прошлому Удмуртии и Ижевска. Несомненным плюсом публикаций является то, что они подписаны авторами. Так, например, статья об истории образовательных учреждений «Первые школы: от горной до арсенальной» написана Евгением Шумиловым (<https://udmpravda.ru/2020/09/03/pervye-shkoly-ot-gornoj-do-arsenalnoj/>), а перепечатка из журнала «Родина» «Камские абордажи атамана Гурьки» подписана Владимиром Коршуновым (<https://udmpravda.ru/2020/08/27/kamskie-abordazhi-atamana-gurki/>)

Сайт газеты «Известия Удмуртской республики» так же содержит материалы о прошлом края, хотя, может быть и не в таком

масштабе, как «Удмуртская правда». Для примера можно привести статью Евгения Ренева «Россия, Ижевск и Удмуртия 100 лет тому назад» http://izvestiaur.ru/society/19217201.html?sphrase_id=8059819).

Отдельные публикации по истории Удмуртии можно встретить в интернет-газете «Реальное время» (Татарстан), в частности, здесь помещена большая статья украинского автора Ярослава Пилипчука по истории государственности народов коми и удмуртов «Как удмурты воевали с мари́йцами, покорились новгородцам и защищали Казань». <https://realnoevremya.ru/articles/93328-kak-udmurty-voevali-s-mariycami-pokorilis-novgorodcam-i-zaschischali-kazan>

На сайте информационно-аналитического журнала «Посреди России» (<https://posredi.ru>), который позиционирует себя, как «журнал о тех, кто живет посреди России — в Башкирии и Оренбуржье, в Самарской, Челябинской и Свердловской областях, в Татарстане, Удмуртии, Пермском крае, в других регионах Урало-Поволжья» помещённые статьи авторизованы и выдержаны в традиционном стиле научных публикаций (конечно, учитывая широкую целевую аудиторию сайта, размещённые здесь статьи не содержат подробного научно-справочного аппарата, но всё же из них можно вынести представление, на основании каких источников и литературы они написаны). Разброс тем здесь довольно разнообразен — от этнической проблематики («Идеология финно-угорского национализма», Ю. П. Шабаяев <https://posredi.ru/ideologija-finno-ugorskogo-nacionalizma.html>), до истории государственности («Первый руководитель Удмуртии Иосиф Наговицын», М. Красильников <https://posredi.ru/pervyj-rukovoditel-udmurtii-iosif-nagovicyn.html>) и характеристики исторических источников по прошлому края («Записки о путешествии по Удмуртии и Уралу», Т. К. Николаева <https://posredi.ru/putevye-zapiski-ob-urale-i-udmurtax.html>)

Интернет-ресурсы, посвящённые этнографии удмуртов и народов Удмуртии требуют отдельного аналитического обзора, но можно упомянуть несколько публикаций, где этнографический материал неотделим от исторического контекста. К примеру, на сайте История.рф в серии «История народов России»

размещены статьи Дмитрия Михайличенко «Удмурты: сплочённые Россией». Часть 1: Завсегдагаи Среднего Урала (<https://histrf.ru/biblioteka/b/udmurty-splochionnyie-rossiiei-chast-1-zavsieghdatai-sriedniegho-urala>) и Часть 2: Из языческой эпохи в индустриальную (<https://histrf.ru/biblioteka/b/udmurty-splochionnyie-rossiiei-chast-2-iz-iazychieskoi-epokhi-v-industrialnuiu>), написанные на материалах монографии В. Е. Владыкина Удмурты. Историко-этнографический очерк, сборника Государственность Удмуртии и ее реализация: проблемы, реалии (к 90-летию государственности Удмуртии) и учебника «История Удмуртии (конец XV — начало XX в.)».

Эстонский сайт «Фенно-Угрия» (<https://ru.fennougria.ee>), посвящённый финно-угорскому культурно-историческому наследию даёт короткую и, опять же, анонимную справку об удмуртах (происхождение и история народа уместилась здесь в 10 строк). В этом отношении интернет-сайт «Финно-угорский мир» (<http://finno-ugry.ru>) — проект реализованный «Удмуртским государственным университетом при содействии заинтересованных государственных и негосударственных учреждений в сфере науки, культуры и национальной политики» даёт гораздо более развёрнутую информацию об этнической истории удмуртов. Как значится на странице сайта, его концепция — «формирование многоязычной среды для удовлетворения универсальных информационных запросов пользователей по финно-угорским народам и регионам компактного проживания финно-угров, их истории, культуре и языкам». Научная информация сосредоточена в ежегоднике финно-угорских исследований, сайт которого содержит архив его выпусков, начиная с 2014 г. (<https://journals.udsu.ru/finno-ugric/issue/archive>)

Добротный, но анонимный обзорный материал о культуре и истории удмуртов «Люди с Вятки» <https://nazaccent.ru/content/22364-lyudi-s-vyatki.html> содержится на сайте «Национальный акцент» (медиапроект гильдии межэтнической журналистики).

К сожалению, анонимность публикаций зачастую скрывает некачественный материал. Так, например, сайт «Исторический документ», который заявляет о себе, что пишет «только то,

что было на самом деле» и направлен «на повышение осведомленности русскоязычного населения о зарубежной и отечественной истории» в анонимной статье «Кто такие удмурты?» (<http://history-doc.ru/kto-takie-udmurty/>) сообщает почему-то, что это «один из наименее изученных достаточно крупных народов России». И отмечая, что «мы ничего не знаем о прошлом удмуртского народа из его собственных источников» зачем то приплещает сюда Н.И. Костомарова, который «говаривал: „нет ничего в Российской истории темнее судьбы Вятки и земли ее“» (действительно, говаривал, только по другому поводу).

Интересная и зачастую уникальная информация по истории Удмуртии содержится на блог-платформе «Живого Журнала». Здесь, например, можно найти публикации журнала «Иднакар»: <https://idnakar-ru.livejournal.com/2212.html>, чья редакция многое сделала для популяризации истории Удмуртии. Впрочем, информация по истории Удмуртии в ЖЖ представлена подборками неоднородного научного качества (к примеру, можно сравнить краткие и довольно фрагментарные сведения в статье «Удмурты» на странице С.Э. Цветкова <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/52521.html> и аналогичный, хотя и более иллюстрированный материал «История и традиции удмуртов» на странице блогера из Москвы <https://shokdarvina.livejournal.com/1030164.html> и т. д.)

Довольно много сайтов посвященных туризму и путешествиям предлагают культурно-исторические зарисовки об Удмуртии разной степени подробности и достоверности, но они не включены в данный обзор поскольку не ставят перед собой задачи соблюдения научного подхода к материалам публикаций.

Завершить обзор интернет-ресурсов, касающихся истории Удмуртии можно некоммерческим независимым интернет-проектом «Удмуртология», который содержит ссылки на публикации ряда современных авторов, занимающихся историей удмуртского народа (Владимир Владимирович Напольских, Риф Шакрисламович Насибуллин, Сергей Константинович Белых, Дмитрий Викторович Репников и др.). Авторы сайта проделали большую работу по созданию перечня интернет-ресурсов, связанных с удмуртским языком, культурой и историей

(<http://www.udmurt.info>), но, к сожалению, не все ссылки на интернет-ресурсы актуальны.

Подводя итог, можно сказать, что Удмуртия нуждается в создании серьёзного и объёмного сайта, который качественно и всесторонне отражал бы её историю и культуру с учётом традиций публикации материалов, сложившихся в научной академической среде. Практическая значимость этого ресурса несомненна с точки зрения развития туристического потенциала региона. Однако, без государственной поддержки и стратегического подхода к этому вопросу интернет-история Удмуртии обречена страдать расплывённостью, фрагментарностью и низким качеством сетевых материалов.

С. В. Козловский

г. Ижевск (Россия)

Ижевская гос. сельскохозяйственная академия

«МАЛАЯ РОДИНА» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ ИЖЕВСКОЙ ГСХА: ИСТОРИЯ, ЛЮДИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучение восприятия «малой Родины» в представлениях студентов проводится на кафедре отечественной истории, социологии и политологии в Ижевской ГСХА уже не первый год, поскольку данная проблема связана с перспективами дальнейшего их возвращения для работы в сельской местности, с перспективами т. н. «закрепляемости» студентов на рабочем месте. Обычно мы проводили исследование, включающее похожие вопросы, на выпускных курсах (4 – 5), но теперь исследование было проведено на первом курсе каждого факультета. Чтобы обойти стереотипное отношение к теме, за основу был взят образ малой родины, их свежие впечатления, «якоря» в их сознании, т. е. те элементы привычной домашней жизни, которые вызывают щемящую сердце тоску, желание вернуться, а не только традиционный ответ на вопрос о перспективах работы по получаемой в ходе учебы специальности. Поэтому студентов попросили написать эссе на представленную тему, а не ответить на вопросы анкеты, как было ранее. Результаты оказались неоднозначными: с одной стороны, удалось найти искомые триггеры, обеспечивающие желание вернуться, но с другой — перспективы возвращения выпускников на работу в сельскую местность лежат за рамками социально-психологических мотивов и зависят от социально-экономической политики государства.

Ключевые слова: история, социология, родина, закрепляемость на рабочем месте, перспективы.

В исследовании приняли участие студенты 1 курса Ижевской ГСХА всех 7 факультетов, участие было добровольным, но эссе оценивалось до 15 баллов, при оценке за обычный ответ на семинаре до 5 баллов, что позволяло набрать дополнительные

баллы учебного рейтинга по истории. Число участников превысило 300 человек (n=317) в течение двух месяцев — сентября и октября 2020 г. Этому не смогла помешать даже эпидемия коронавирусной инфекции, поскольку часть студентов отправляли свои эссе из самоизоляции через Интернет. Часть работ пришлось отсеять, в силу объективного отсутствия у студентов навыков работы над текстом без использования плагиата, но оставшиеся 137 эссе, в основном, объемом от 2 до 3 страниц А4, позволяют составить общее впечатление о проблеме. Поэтому можно говорить лишь о стихийной выборке и разведывательном характере исследования. По итогам исследования, лучшие эссе были озвучены на семинарах, что позволило провести дискуссии в формате фокус-групп, по 15 респондентов в каждой, на двух факультетах — «агроинженерном», и «энергетики и электрификации». а также, до определенной степени, проверить и дополнить полученные данные.

Тоскуют по дому все студенты, приехавшие из глубинки. Однако сожалеют о своем отъезде из дома только 3 %: им не нравится городская культура, формальное отношение к людям, грубость, лицемерные улыбки, урбанистическая среда, им не хватает простора, они остро чувствуют одиночество и с трудом осваиваются на новом месте. Сельские респонденты описывают исторические достопримечательности своих населенных пунктов двумя — тремя предложениями, перечисляют известных личностей, многие из которых давно забыты в других местах, указывают свои любимые места — парки, рощи, берега рек, церкви, музеи, памятники, упоминают неспешную размеренную жизнь, далекую от городской суеты и лицемерия. В этих описаниях много сожаления, 15% респондентов из небольших населенных пунктов уверены, что не смогут работать дома по профессии даже если очень захотят — работы нет, она есть только рядом с крупными населенными пунктами, а это значит, что многие жители вынуждены уезжать работать на вахту, поэтому шансов на возрождение их малой Родины практически нет. 8% респондентов заявили, что их деревни исчезнут в течение 5–10 лет, поэтому «хочешь — не хочешь, а перебираться на другое место придется».

В ходе дискуссии в рамках фокус-группы выяснилось, что этим «другим местом» вовсе не обязательно должен быть город, т. к. в качестве предпочтительного жилища 78% респондентов указали отдельный (свой) дом, а не квартиру. Городская жизнь прельщает далеко не всех, 54% твердо намерены вернуться в сельскую местность, так как видят там для себя перспективы и хотят жить в привычной среде.

Студенты-горожане, включая ижевчан, также думают о смене места жительства, их влекут более крупные города и более высокие зарплаты. Их мнение нельзя назвать окончательным, поскольку те, кто действительно хотели уехать, уже сделали это, поступив в вузы городов-миллионников и Москвы, но, при неблагоприятных условиях на родине, еще 18% намерены поступить так же. Местами притяжения для удовлетворения их карьерных амбиций являются Казань, Екатеринбург, Петербург, Нижний Новгород, Москва. Отчасти позитивный образ имеет Пермь, как место работы, но выходцы из пермского края возвращаться в сельскую местность на родину точно не собираются — по их словам, там нет работы, сельское хозяйство в руинах. В отношении Татарстана и Башкирии можно заметить обратную картину: туда респонденты готовы вернуться, поскольку уверены в перспективах развития сельского хозяйства.

И городские, и сельские респонденты хотят увидеть мир, они уверены, что всегда успеют вернуться в родные пенаты. Их позитивные ожидания в отношении малой родины связаны, по большей части, с инфраструктурными проектами: строительством новых промышленных объектов, дорог, жилья, внедрения новых технологий.

Историю своих населенных пунктов большинство респондентов знают неплохо, в рамках фокус-группы они уверенно вспоминали даже детали подвигов местночтимых героев, в основном, Великой Отечественной войны, и, частично, гражданской войны, писателей и поэтов, но вот вспомнить, в честь кого названы улицы их родного города/села, а тем более, Ижевска — для них уже проблема. Своей «малой Родиной» они обычно считают поселок, деревню, район, город, но ассоциации с республикой не зафиксировано. «Малая Родина» для них скорее район,

чем родная деревня или республика в целом. Крупные музейные центры Удмуртии, наподобие кезского этнокомплекса «Живица», лудорвайского музея-заповедника, дебесского музея истории сибирского тракта, сарапульских музеев, Карамас-Пельги и т. д. известны только выходцам из этих районных центров. О Чайковском, как уроженце Удмуртии, помнят практически все, но только имя и то, что он композитор, а о его музее вспомнили только уроженцы Воткинска. Целостного представления об истории Удмуртии и проживающих в ней народах респонденты не имеют. Ситуация в отношении респондентов, приехавших из других регионов, отличается только в отношении Татарстана и Башкирии, где общие представления о местной культуре и истории отличаются большей полнотой.

Студенты не склонны идеализировать «малую родину», но, за редким исключением, готовы после учебы вернуться для работы на местных предприятиях. Они не ставят себе целью любой ценой закрепиться в мегаполисе и переехать, что часто прослеживалось ранее, но и оставаться на родине в отсутствии благоприятных условий, таких как наличие работы и налаженной инфраструктуры, также не станут. Респонденты воспринимают в качестве родины не столько конкретный населенный пункт, сколько район, склонны поддерживать земляков и отстаивать свои интересы. История для них тесно связана с локальной традицией, но уже история соседнего района воспринимается ими как «чужая» и «ненужная», что накладывает отпечаток на изучение истории в целом. Серьезных противоречий или конфликтов между студентами из разных районов республики и регионов не наблюдается, но и единства нет, они не видят общих интересов. Респонденты останутся в регионе только в том случае, если появится этот общий интерес, социально-экономические связи, кооперация, общие перспективы для развития.

Е. В. Тронина

г. Москва (Россия)

ИПО «Хранители времени», ВИК «Товарищ»

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В последнее время органы государственной власти и исследователи всё чаще обращают внимание на движение исторической реконструкции как форму гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения. Однако в научной литературе рассматривается только внешняя сторона движения и зачастую отсутствует понимание его сущности и внутренних особенностей. В статье предпринимается попытка рассмотрения и анализа понятия исторической реконструкции, ее целей и направлений развития, описываются разные категории участников движения и их подходы к реконструкции. На примере опыта некоторых клубов исторической реконструкции показана работа реконструкторов в области историко- и гражданско-патриотического воспитания молодежи. Выявляются проблемы как внутри самого движения, так и внешние, связанные с реализацией государственной программы патриотического воспитания граждан России и негативно отражающиеся на ее результатах. Вместе с тем несмотря на обозначенные проблемы, при должном их преодолении, определяются положительные перспективы развития как самого движения исторической реконструкции, так и его использования для патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: историческая реконструкция, военно-историческая реконструкция, «живая история», living history, военно-исторический фестиваль, гражданско-патриотическое воспитание

Движение исторической реконструкции в нашей стране, по сравнению с западными странами появляется достаточно поздно. Первые военно-исторические клубы начали активную

деятельность в 1980-х гг. и занимались изучением периода Наполеоновских войн и событий Отечественной войны 1812 г. Почти сразу же сфера интересов реконструкторского сообщества расширилась и появились новые направления реконструкции — гражданская война в России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. На современном этапе своего развития историческая реконструкция в нашей стране охватывает уже практически все исторические периоды начиная от первобытного общества и заканчивая событиями рубежа XX–XXI вв. Однако, самыми многочисленными по составу участников и количеству мероприятий, по-прежнему, остаются Наполеоника, Первая и Вторая мировые войны и период Средневековья.

Термин историческая реконструкция имеет несколько значений. В исторической науке он означает: «1) воссоздание прошлого во всей его полноте, конкретности и сложности; 2) приблизительно верное отражение какого-либо фрагмента исторической реальности; 3) формирование на эмпирической стадии исследования цельного образа объекта как представительной системы научных фактов, отражающих факты исторической действительности» [7, с. 435]. В среде исторических реконструкторов и в исследованиях, посвященных этому движению под исторической реконструкцией понимается процесс воссоздания материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников, либо воссоздания какого-либо исторического события [5, с. 61; 6]. Кроме того, исторической реконструкцией называют и само реконструкторское мероприятие независимо от формы его проведения. Таким образом, для движения исторической реконструкции, как и для исторической науки, важным является воссоздание прошлого с максимально возможной на данный момент развития науки исторической достоверностью. Для достижения этой цели и исторической наукой и движением исторической реконструкции используется метод реконструкции. Терминологический словарь «Теория и методология исторической науки» дает следующие определения этого метода: «1) экспериментальный метод, используемый в специальных и вспомогательных исторических дисциплинах

(археологии, этнографии, музееведения и др.) и нацеленный на воссоздание конкретных объектов материальной и духовной культуры прошлого, а так же технологий. Метод реконструкции основан на комплексном использовании сведений археологических, этнографических, изобразительных, письменных и прочих источников, а так же научных знаний, интуиции и воображения ученого; 2) способ познания, ориентированный на восстановление полной картины фактов и явлений прошлого с опорой на отрывочные, неполные сведения исторических источников, а так же их объяснение; 3) метод создания исторических реконструкций, используемый в исторических ролевых играх» [7, с. 432]. И хотя исторические ролевые игры и историческая реконструкция являются разными видами деятельности, очевидно, что автор под историческими ролевыми играми подразумевает именно историческую реконструкцию.

Исследователи, занимающиеся изучением движения исторической реконструкции выделяют два его направления: «Живая история» (Living History) и военно-историческая реконструкция [4, с. 45] или «военные сражения (турниры)» [1, с. 110]. Однако, такое разделение представляется в корне неверным. «Живая история» — деятельность по воссозданию внешнего облика и повседневного быта людей, живших в определенный исторический период и осуществляющаяся в виде интерактивной презентации. Причем, мероприятия формата «Живой истории» могут и предполагать наличие зрителей, и проходить без их присутствия. Это могут быть фестивали исторической реконструкции, музеи под открытым небом, интерактивные площадки, полевые выходы клубов исторической реконструкции, тактические маневры и игры и т. д. Военно-историческая реконструкция — это реконструкция военного костюма, военного быта и воссоздание событий военной истории. Таким образом, военно-историческая реконструкция не должна противопоставляться «живой истории», поскольку она является одним из ее направлений. Вторым направлением, к сожалению, менее развитым на сегодняшний день, является реконструкция гражданского костюма и быта, которая в свое время возникла в качестве дополнения к военно-исторической реконструкции. Такой перекоп обусловлен в первую

очередь тем, что мероприятия по военно-исторической реконструкции являются более зрелищными и динамичными и поэтому привлекают большее число и участников, и зрителей.

Следует различать при этом историческую реконструкцию и исторические бальные танцы, историческое фехтование, исторический средневековый бой и тем более исторические ролевые игры. Несмотря на то, что эти виды деятельности часто относят к направлениям исторической реконструкции они таковыми не являются. И в исторических бальных танцах и в историческом фехтовании, в историческом средневековом бое и в исторических ролевых играх, в отличие от исторической реконструкции, собственно историческая составляющая в виде воссоздания участниками внешнего облика людей определенной исторической эпохи является второстепенной, а в ряде случаев не обязательной, сводящейся к простой стилизации образов.

Безусловно, историческая реконструкция — это, в первую очередь, вид досуговой деятельности и основная масса участников движения являются увлеченными историей любителями. Однако, с момента зарождения движения среди реконструкторов достаточно велико количество профессиональных историков. Кроме того, в исторической реконструкции немало людей, не имеющих исторического образования, но благодаря своей многолетней исследовательской деятельности в рамках реконструируемого ими исторического периода и региона, эти люди обладают знаниями и навыками профессионального историка (иногда можно встретить упоминание у них как о профессиональных реконструкторах). Именно они являются локомотивом движения с момента его зарождения и благодаря их деятельности качество исторической реконструкции в нашей стране с 1980-х гг. существенно выросло. Немало в военно-исторической реконструкции участников, имеющих отношение к армии и различным военизированным ведомствам. Большое число людей с опытом военной службы или, как минимум, начальной военной подготовкой и знающих как должны выглядеть и действовать армейские подразделения позволило на ранних этапах развития военно-истори-

ческой реконструкции реконструировать не только внешний облик солдат и офицеров армий прошлого, но и армейскую организацию и порядок службы.

Если целью исторической реконструкции является воссоздание внешнего облика, быта и материальной культуры людей прошлого, то к мотивам занятия исторической реконструкцией можно отнести не только интерес к истории и желание примерить на себя образ человека той или иной эпохи, но и некоторые представления иного характера. Изначально военно-историческая реконструкция в нашей стране воспринималась многими ее участниками еще и как дань памяти и уважения воинам прошлого. Неписанные правила реконструкции предполагали, что неподобающее поведение и небрежный или неправильный с исторической точки зрения внешний вид реконструктора позорят не только его самого, но и очерняют память тех людей, образ которых такой реконструктор воссоздает. Таким образом, реконструкторское движение изначально было нацелено не только на изучение и углубление знаний по истории своей страны, но и на уважении к ней и к памяти защитников Отечества, что свидетельствует о высокой патриотической составляющей движения.

В современной России вопросам патриотического воспитания молодежи уделяется большое внимание как со стороны государства, так и со стороны различных общественных организаций и научного сообщества. Государственную политику в области патриотического воспитания определяет утвержденная в 2015 г. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Согласно этой программе под патриотическим воспитанием понимается «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [3]. Целью государственной политики в области патриотического воспитания объявляется «создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для

решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию» [3]. Среди задач называются *«активизация интереса к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам...; сохранение памяти о подвигах защитников Отечества; углубление знаний граждан о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России и ее регионов; повышение интереса граждан к военной истории Отечества и памятным датам, популяризация подвигов героев и видных деятелей российской истории и культуры от древних времен до наших дней...»* (выделено автором); взаимодействие органов государственной власти и гражданского общества в развитии основ патриотического воспитания; расширение участия общественных и некоммерческих организаций в патриотическом воспитании граждан» [3].

В перечне мероприятий, направленных на реализацию данной программы, предусмотрены, в том числе, Всероссийский сбор руководителей клубов и организаторов, занимающихся историческими реконструкциями и предоставление на конкурсной основе поддержки молодежным общественным организациям на подготовку и проведение военно-исторических реконструкций [3]. Таким образом, очевидно, что историческая реконструкция на государственном уровне рассматривается в качестве одной из форм патриотического воспитания молодежи.

Как видим, задачи государственной программы патриотического воспитания во многом совпадают с задачами исторической реконструкции.

Несмотря на то, что историческая реконструкция никогда не ставила специальной цели гражданского и патриотического воспитания молодежи, она, тем не менее, оказывает на молодежь определенное влияние.

Во-первых, через вовлечение молодых людей в реконструкторское движение в качестве участников различных военно-исторических клубов и групп исторической реконструкции. За более чем 30 лет существования движения в нашей стране число его участников и количество клубов и групп исторической реконструкции неуклонно растет, что в свою очередь привлекает в движение новых участников.

Во-вторых, многие клубы исторической реконструкции по собственной инициативе занимаются патриотическим воспитанием молодежи сотрудничая с вузами, школами, различными детско-юношескими организациями, музеями и библиотеками. В школах с привлечением реконструкторов все чаще начинают проводиться уроки мужества, в музеях и библиотеках участники военно-исторических клубов проводят для школьников интерактивные выставки и лекции. И несмотря на то, что в большинстве случаев подобная работа носит эпизодический нерегулярный характер существуют клубы и группы исторической реконструкции, которые занимаются воспитательной работой с молодежью на постоянной основе. Так, например, историко-патриотическое объединение «Хранители времени» с 2014 г. в СОШ № 3 г. Лыткарино Московской области ежегодно проводит военно-патриотическую игру «Щит и меч» для учащихся среднего и старшего звена и игру «Зарничка» для учащихся младшей школы. В 2015 г. участники объединения выступили одними из организаторов городской научно-практической конференции общеобразовательных учреждений г. Лыткарино «Этих дней не смолкнет слава», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2017 г. был создан и продолжает свою реализацию проект «Дети — хранители времени», призванный создать единую базу данных российских школьных Музеев Боевой Славы вне зависимости от их территориального расположения, скоординировать их работу, помочь наладить обмен опытом и стать средством коммуникации детей и взрослых в работе по сохранению общей исторической памяти. В Санкт-Петербурге регулярную работу с молодежью проводят военно-исторические клубы «Рейд» и «Связист». Итогом многолетней военно-патриотической работы

ВИК «Рейд» стало открытие в 2019 г. в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга Центра поискового и реконструкторского движения «Рейд 2.0». Центр является точкой притяжения для молодежи, увлекающейся историей Великой Отечественной войны и сочетает в себе интерактивный мультимедийный музей, посвященный подвигу Ленинградского народного ополчения и открытое пространство для общения и проведения различных встреч и лекций. Объединение военно-исторических клубов «Связист» регулярно проводит уроки мужества в школах и детских садах города. Руководитель этого объединения А. Ю. Зубкин обобщил свой многолетний опыт проведения подобных занятий, разработав методические рекомендации для руководителей военно-исторических клубов и работников дошкольных и школьных учреждений [5, с. 62].

В-третьих, опосредованно патриотическое воспитание молодежи осуществляется через проведение военно-исторических фестивалей. Военно-исторический фестиваль — рассчитанный на зрителя комплекс мероприятий, посвященный определенной памятной дате отечественной истории и включающий в себя реконструкцию одного или нескольких эпизодов исторического события. Часто помимо реконструкции военно-исторический фестиваль включает в себя интерактивные площадки, выставки и другие мероприятия военно-патриотической направленности, однако они не являются обязательным его элементом. Москва и Санкт-Петербург были центрами зарождения реконструкторского движения и сейчас продолжают быть центрами наибольшего его развития. И если 15–20 лет назад в Центральном регионе в совокупности на обе самые многочисленные реконструкторские эпохи (Наполеонику и Вторую мировую войну) едва ли приходилось более 5 относительно крупных военно-исторических фестивалей (причем большинство из них были посвящены событиям Отечественной войны 1812 г.), то сейчас их количество перевалило за десяток. Подсчитать же точное количество мероприятий среднего и мелкого масштаба не представляется возможным. Изменилась и их тематика. Доля фестивалей, посвященных событиям Великой Отечественной войны ощутимо воз-

росла, появились регулярные фестивали Средневековой истории, эпохи петровских преобразований и Северной войны, Первой мировой и Гражданской войн. Появился новый формат военно-исторических фестивалей — так наз. мультифестивали, то есть мероприятия, посвященные сразу нескольким историческим эпохам. Существенно выросла и география мероприятий исторической реконструкции в регионе. Помимо Московской, Калужской и Смоленской областей военно-исторические фестивали проходят сейчас в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Орловской, Тамбовской областях. Аналогичная картина наблюдается и в других регионах. Это говорит о том, что интерес к военно-исторической реконструкции растет не только со стороны участников и зрителей, но и со стороны местных администраций. Таким образом, именно фестивали становятся наиболее крупной и массовой формой мероприятий исторической реконструкции, направленной на военно-патриотическое воспитание подростков и молодежи. Такую же роль военно-историческим фестивалям отводит и Российское военно-историческое общество, с финансовой поддержкой которого в нашей стране ежегодно проводится более 50 военно-исторических фестивалей, собирающих свыше 11 000 участников и 1 700 000 зрителей [2].

Несмотря на определенные успехи, достигнутые исторической реконструкцией за годы своего развития нельзя не отметить и проблемы движения, касающиеся не только его исторической, но и воспитательно-патриотической составляющей.

Во-первых, в самом движении исторической реконструкции отсутствует единый подход и единые критерии аутентичности или исторической достоверности реконструируемого образа. По подходу к реконструкции и качеству внешнего вида реконструкторов можно разделить на две основные группы. К первой относятся те, кто стремится к достижению максимально аутентичного и исторически достоверного внешнего вида. При подборе комплекта униформы и снаряжения для конкретного мероприятия такие реконструкторы учитывают особенности внешнего вида участников реальных исторических событий, которые предполагается реконструировать. Для этого тщательно изуча-

ются различные исторические источники. Например, в реконструкции войн XX в. помимо приказов, устанавливающих форму одежды и снаряжения военнослужащих используются делопроизводственные документы частей и соединений, принимавших участие в реконструируемых исторических событиях, воспоминания, кинофотодокументы и т. д. Кроме униформы и снаряжения внимание уделяется стрижкам и прическам. При создании образа учитываются так же и половозрастные особенности участников. Вторая группа — это те, кто осознанно не стремится к полному воспроизведению внешнего вида исторических персонажей реконструируемого периода или те, кто не видит или не желает признавать разницу между своим комплектом униформы и снаряжения и внешним видом реальных участников событий. Представители этой группы в лучшем случае могут использовать для реконструкции того или иного исторического события различные элементы одежды, снаряжения и предметы быта нехарактерные для данной местности и времени года, но подходящие к историческому периоду. В худшем случае представителями этой группы используются предметы униформы и снаряжения «из будущего», которые лишь отдаленно могут напоминать аналогичные исторические предметы. Подобный подход обычно оправдывается тем, что историческая реконструкция в первую очередь является хобби и что «правильные» комплекты или предметы дороги (особенно часто этот аргумент можно услышать от представителей региональных клубов и объединений, однако, в Москве и Санкт-Петербурге таких реконструкторов тоже достаточно). Действительно, историческая реконструкция в силу своих особенностей является достаточно дорогим увлечением, но как показывает практика большинства военно-исторических клубов России (не только столичных, но и многих региональных) собрать качественный базовый комплект практически на любую эпоху вполне возможно в течение одного года. Несмотря на то, что требования к качеству исторических комплектов в движении постоянно растет этот срок на протяжении нескольких лет остается неизменным. Кроме того, во многих клубах недостающие элементы одежды и снаряжения для пер-

вых выходов новичков на мероприятия предоставляются одно-клубниками на безвозмездной основе. В отличие от ситуации двадцатилетней давности, когда из-за отсутствия достаточного количества информации, мастеров и материалов приходилось искать в продаже оригинальные вещи (актуально для реконструкторов XX в.) или изготавливать их самостоятельно предварительно отыскав исторически оправданные материалы (ткани, фурнитуру и т. д.), то на современном этапе развития движения приобрести практически любой предмет не составляет большого труда. Индустрия изготовления, продажи и аренды качественных копий исторической одежды и снаряжения в последние десять лет развита достаточно хорошо. Таким образом, в данном случае такое небрежное отношение можно объяснить не столько дороговизной сколько желанием сэкономить время и средства и нежеланием изучать тот исторический период, реконструкцией которого занимаются подобные «реконструкторы». Тем более, что зачастую представители этого подхода в реконструкции не являются новичками в движении и годами выезжают на мероприятия в неудовлетворительном внешнем виде.

Во-вторых, нельзя не отметить крайне низкий уровень многих военно-исторических фестивалей (особенно региональных). В первую очередь это связано с модой на историческую реконструкцию. По мере роста количества клубов и участников движения исторической реконструкции росла его известность, увеличивалось количество реконструкторских мероприятий. В связи с чередой крупных юбилеев знаменательных событий истории нашей страны на проведение военно-исторических фестивалей начинают выделяться средства и из федерального, и из региональных и местных бюджетов, появляются различные гранты и т. д. Это привело к тому, что зачастую организацией военно-исторических фестивалей и реконструкций начинают заниматься люди, в лучшем случае не знакомые со спецификой и смыслом исторической реконструкции, а в худшем — использующие свое положение организатора в личных целях (самопиар, личная выгода, бизнес и получение прибыли и т. д.). Как правило, при организации и проведении фестивалей подобных организаторов не интересуют ни историческая достоверность «шоу»,

ни его реальная польза для гражданско-патриотического воспитания молодежи, хотя и то и другое активно эксплуатируется и на этапе подготовки (для получения финансирования и поддержки мероприятия со стороны местных властей, его рекламы для зрителей и т. д.), и на этапе реализации. Как показывает практика состав участников подобных мероприятий со стороны реконструкторов тоже оставляет желать лучшего. Основную массу здесь составляют люди, придерживающиеся второго подхода к исторической реконструкции (не стремящиеся к исторической достоверности). Реконструкторы придерживающиеся более строго подхода к исторической достоверности, подобные мероприятия, как правило, не посещают потому что, что из-за своего низкого качества они не представляют для них особого интереса. Таким образом, на сегодняшний день в целом по стране мы получаем некоторое количество военно-исторических фестивалей (и других «реконструкторских» мероприятий) мимикрирующих под историческую реконструкцию. Подобные мероприятия лишь декларируют высокий уровень исторической достоверности «реконструируемых» на них событий, по факту же они являются не очень качественными костюмированными представлениями, не имеющими никакого отношения к исторической реконструкции. Основная проблема заключается в том, что часто зрители и представители местных властей, заинтересованные в проведении военно-исторического фестиваля в своем регионе не обладают по понятным причинам достаточными историческими знаниями, чтобы оценить уровень исторической достоверности и качества представленной им реконструкции. Чем и пользуются недобросовестные организаторы и участники таких мероприятий. Любую критику в свой адрес и рекомендации по повышению уровня исторической достоверности они, чаще всего, воспринимают агрессивно, обвиняя оппонентов в недостаточном патриотизме.

В связи с этим возникает сразу несколько вопросов. Возможно ли воспитание патриотизма, «формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, ее героическим страницам» на примере мероприятий как минимум искажающих, а как максимум фальсифицирующих ее историю? Не является ли сам факт

существования подобных мероприятий проявлением неуважения к собственной истории и своему народу?

Одним из вариантов решения данной проблемы видится создание экспертного сообщества из числа реконструкторов, придерживающихся принципа максимальной исторической достоверности и обладающих наибольшим опытом и знаниями в своей области и специалистов-историков, которое оказывало бы содействие в научном консультировании и оценке качества готовящихся и уже проведенных фестивалей исторической реконструкции. Насущной так же является подготовка научно-обоснованных пособий и методических рекомендаций по подготовке и проведению исторических фестивалей и других мероприятий историко-патриотической направленности. Похожие пункты содержатся в числе задач Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», однако в сфере исторической реконструкции за указанный период они, так и не были реализованы [2].

Несмотря на обозначенные проблемы, историческая реконструкция как одна из форм гражданско-патриотического воспитания молодежи обладает большим потенциалом. При грамотном подходе с помощью интерактивных средств методом погружения на реальных исторических примерах она позволяет воспитать у молодежи чувство сопричастности к истории своего народа, обеспечить преемственность поколений и тем самым способствовать формированию уважения и любви к родной стране и ее культурным традициям. Однако следует помнить, что патриотизм как эмоциональное проявление привязанности к родной земле невозможно насадить «сверху». Формализм и бюрократизация противопоказаны воспитанию этого нравственного чувства и могут привести к обратному эффекту, а любовь и уважение к Родине воспитываются исключительно личным примером старших поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Верещагина И. М., Савинцева М. Е.* Феномен исторической реконструкции в приобретении новых знаний о прошлом

-
- общества // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 59. С. 110–116.
2. Военно-исторические фестивали // URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/festivali>
  3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493) // URL: https://base.garant.ru/71296398/#block_14
  4. Демина А. В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестн. КГУ им. Некрасова. 2012. № 5. С. 45–48.
  5. Семенов А. Э. Военно-историческая реконструкция как форма патриотического воспитания молодежи // Актуальные проблемы гражданско-патриотического воспитания молодежи (18–20 окт. 2018 г.): Материалы Всерос. науч.-метод. форума. Ч. 2. Бирск: ООО «Диапазон», 2018. С. 59–66.
  6. Тарасов Д. А. Историческая реконструкция, проблемы развития // URL: <https://proza.ru/2012/04/04/1543>
  7. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

А. А. Шамиурин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ «МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ» В ПРОЦЕССЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Молодежная политика, направленная на формирование ценностей и норм, вынуждена разграничивать объект своего управления от иных частей общества. Руководствуясь научным знанием, государственные институты устанавливают границу между молодежью и остальным обществом по наличествующему противопоставлению части и целого. Такое вычленение молодых людей, продиктованное живой необходимостью, фактически имеет то же значение, что и сегрегация. Молодежи приписывается асоциальность, маргинальность, враждебность, что, в свою очередь, приводит к потребности инклюзии, социализации, воспитания, формирования патриотизма и гражданской ответственности. Однако, обнаруживая абсурд в состоянии различности «молодежи» от «общества» как целого, заново осмысливается социальное. «Молодежь» репрезентируется в виде социального пространства, определяя посредством социального времени неопределенность своего понятийного расположения в социальном. Тогда «молодое поколение» понимается как «будущее поколение», но в таком случае, существующее здесь и сейчас, оно пребывает в пассивном ожидании своей актуальности, в отложенном действии. К тому же будучи в социальном пространстве «молодое поколение» не асоциально, поэтому оно не социализируется, но конструируется. Именно конструирование становится на место и вместо воспитания. Так конструктивизм оказывается актуализованным взглядом на целостность социального бытия.

Ключевые слова: социальное пространство, социальное время, общество, молодое поколение, воспитание, конструктивизм.

Государственная молодежная политика основывается на научном знании, соответствующем здравому смыслу и традици-

онным ценностям общества. Но все ли общество разделяет принятые ценности и нормы? Ответ очевиден, поэтому наблюдающий, будь то политик или социолог, обращается к молодежи. Формирование у молодых людей патриотизма как системы традиционных ценностей и гражданской ответственности становится научной и общественно-политической проблемой. «Стратегия развития воспитания до 2025 года» указывает на то, что «приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности <...>. Воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [1]. Как следствие воспитание приобретает телеологические черты и конструирующий характер, результатом которого является формирование понятия «молодежь» как части социального целого.

«Общество» в процессе самоописания различает само себя, введением понятий, среди которых «молодежь» указывает на конструирование жизни общества во времени, через установление преемственности поколений. В связи с этим требуется четко очертить границы используемых понятий, среди которых «до сих пор не существует общепринятого определения понятия “молодежь”» [2, с. 201–202]. Научные результаты как практических, так и теоретических социологических исследований молодого поколения остаются противоречивыми, если не сказать парадоксальными. Такая проблема основывается на необходимости установления различия и различенности понятийного корпуса не только внутри себя, но и по отношению к обществу как некоему целому.

В социологической теории, когда речь идет об «обществе», то оно понимается как сложенное из отдельных частей целое. Но такое целое в противопоставлении своей части есть неистинное, поскольку вне целого не может существовать ее часть, а часть не может заменить собой целое. Обзор использования понятия «молодежь» как когнитивной структуры позволяет вычлени три способа ее дефинирования: «оторванность» части от целого [2, с. 216]; некая субстанция, обладающая целостностью,

границы которой задает научное сообщество [3, с. 105] или официальные группы и институты, управляющие страной [4, с. 443]; и как вариант расположенных внутри общества устойчивых отношений [3, с. 105]. В. И. Чупров утверждает: «Социология молодежи как отрасль социологической науки исследует свой предмет во всей его целостности, с точки зрения положения в социальной структуре, форм проявления и механизмов действия закономерностей функционального развития. Будучи относительно самостоятельной социально-демографической группой, молодежь обладает спецификой, требующей разработки в рамках социологии специальных концепций и теорий среднего уровня. Подчеркивая относительность самостоятельности, мы преследуем две цели. Во-первых, избежать определенного отрыва молодежи от общества, частью которого она является. Во-вторых, акцентировать внимание исследователей на том, что совокупность возрастных, социально-психологических и физиологических особенностей, специфических интересов и запросов молодой поросли социально обусловлена и может быть конкретно интерпретирована лишь в более широком общественном контексте» [5, с. 51]. Через эту цитату возможно обозначить основные социологические проблемы понимания «молодежи» и наметить направления их преодоления. Использование понятия контекстуально. Само общество есть текст как целое, внутри которого происходит процесс различности и различия понятий. Можно сказать, что та раздвоенность, которая лежит в основе научного познания, не просто нуждается в философском переосмыслении, и последующем практическом выражении.

Обратимся к одному из определений «молодежи», которое будем использовать для дальнейших рассуждений: «молодое поколение» — «особая социальная и демографическая общность, возрастные рамки принадлежности к которой в науке (частично) и законодательстве определены возрастом от 14 до 30 лет. Она выделяется из других категорий населения на основе обусловленной возрастом совокупности характеристик, особенностей социального положения данной группы, ее места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и

ценностей, определяемых в значительной степени уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе» [2, с. 216–217].

Основываясь на субстанциальном подходе, «молодое поколение» как часть общества приобретает относительную целостность. Научный разговор или дискурс [6, с. 15] обнаруживает «молодежь» как «другое», «чужое», находящееся вне, как исключенное из «своего» целого. Тогда молодежь обретает «враждебность», а социализация, в частности образование и воспитание, как процесс снятия этой условной «враждебности», «одомашнивание» человека [7].

В соответствии с теорией поколений Э. Эриксона в обществе выделяют четыре «генерации», каждой из которых примерно по 20 лет («бумеры», X, Y, Z). Данный подход является одним из примеров такой искусственной разделенности общественного целого, результатом которой может быть понятие «враждебности» поколений по отношению друг к другу, и как следствие распадение общества на части. Основываясь на системе определений, выдвинутой этой теорией поколений, «общество» находит в себе различия между понятиями, выражающими возрастные рамки, и заключенные в них характерные поколенческие черты. Поскольку поколения различны между собой, постольку отношения между ними будут асимметричными. По причине того, что «поколение» само по себе является частью, обладающей своей целостностью, то возникшие в таком случае целостности будут через себя раскрывать смыслы целого (общества). Таким образом, смыслы происходящего в обществе находятся в конкурентной борьбе друг с другом. Каждое действие встречает противодействие со стороны другого поколения-участника общественного целого. Например, появляется такое радикальное и негативное понимание обрушившегося на общественную размеренную жизнь коронавируса (COVID-19), которое кажется с одной стороны искусственным и столь надуманным, а с другой — даже естественным, когда возрастная группа «зуммеров» (поколения Z) называет коронавирус «boomer remover», имея ввиду «удалитель бумеров». Именно из таких

знаниевых структур, структур различности черпает свои силы молодежный экстремизм и революционность.

Исключенная из общества «молодежь» как вступающая в общество, но еще не вступившая, обнаруживает в себе асоциальность, что позволяет социологам относить молодежь к маргиналам, куда также относят алкоголезависимых и людей без ПМЖ. Маргинальность как пограничность и «пост-» указывает на то, что с включением в общество «молодежь» встречает и свой «конец» — эсхатон, условную смерть. «Представитель молодежи» включаясь в общество, перестает быть «представителем молодежи». Как революционер, достигнув своей цели, перестает быть революционером. Попытка преодолеть условную разделенность между «обществом» и «молодежью» приводит к другому способу предъявления социальной группы: когда социальная группа рассматривается как устойчивые общественные отношения, тогда «молодежь и общество рассматриваются во взаимодействии» [4, с. 442].

О таком взаимодействии целого и части К. Манхейм пишет: «проблема состоит в том, что, хотя всегда есть новое поколение и молодежные возрастные группы, тем не менее вопрос их использования зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества. Молодежь — это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность» [4, с. 443]. Но тогда общество есть субъект, который рассматривает молодежь как некую действительность и средство своего восполнения, воспроизводства. Ниже: «Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна, она — потенция, готовая к любому начинанию» [4, с. 445]. Как результат внешнее насилие переходит от когнитивных структур к их взаимодействию, о котором пишет К. Манхейм. Молодежь — средство общества, но никак не самоцель. По сути, замена понятия «субстанции» на «общественное взаимодействие», которое предпринято также и у неомарксистов, в частности у Э. О. Райта [3, с. 105], не меняют разрыва общества и его части.

Из двух имеющихся способов предъявления социальной группы «молодое поколение» мы имеем либо «молодежь» как субстанцию и тогда она предстает как «чужак» или «марги-

наль», либо «молодежь» как устойчивые общественные отношения — тогда между обществом и молодежью возникает взаимодействие и, как итог, экономическое взаимодействие, в котором молодежь лишь ресурс для воспроизводства самого общества.

Но такое социологическое знание отделено от обыденного знания (Ф. Коркюф). Мало того, что сама себя молодежь не полагает как «чужака и маргинала» или «скрытый ресурс», но и, с изменением угла зрения на общество, социологические определения оказываются отделены от повседневности. Например, вряд ли родители, не вошедшие в возраст 14–30 лет, полагают своих детей с 14 до 30 лет как «чужаков» или «ресурс». Итак, определения молодежи не оправданы, нет основания, кроме как внутри самого социологического знания.

Разрыв «общества» и «молодежи», данный социологией, заново осмысляется конструктивизмом. С точки зрения конструктивизма, необходимо очистить социальное от любого социологического определения, чтобы как бы заново сконструировать социальную реальность, которая заменяет понятие социальной действительности. «Социальное» без всякого определения предстает как социальное пространство, включающее различаемые между собой конструкты. Таким образом, в конструкте снимается проблема «оторванности» социальных групп, при этом само общество также понимается как конструкт. Понятие конструкта задает сопричастность вместо определения части, а взаимодействие полагается не как взаимодействие части и целого, а как сосуществование или соуществование в социальном пространстве многих конструктов. Однако конструктором выступает все же социолог, а не сама молодежь.

Социальное пространство, с другой стороны, определяется и противоплагается социальному времени. Становится очевидным, что конструкты «молодое поколение», «молодой специалист», «молодой ученый» и так далее объединяются категорией будущего времени, заключающую в себе иную отделенность, нежели те, о которых мы говорили ранее.

Определение социального пространства социальным временем приводит к отделенности конструктов во времени. Катего-

рия будущего времени определяет «молодое поколение» как будущее поколение, выделяет его среди других поколений, и в этой определенности и различности от всего прочего существует «молодое поколение» сегодня. Для будущего поколения его время еще не наступило, но оно есть в настоящем. Поэтому существование будущего поколения всегда как бы отложено, всегда еще-не-сегодня как вечное завтра, вечная «утренняя заря» (Я. Бёме). Пассивность молодежи как отложенность действия во времени — современная проблема молодежной политики. Представители старшего поколения скажут «в наше время юноши уже стояли за станком или держали автомат в руках, а что же сейчас?». Так Евангелие от Матфея 6:26 выражает уготованную теорией («новое Средневековье») судьбу молодому поколению «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их». Социальное время задает не части «общества», но его состояния во времени, или, если подойдет такая метафора, ипостаси. Сплошное социальное пространство и временные ипостаси образуют то, что сегодня понимается через соединение ранее несоединимых понятий: маленькие взрослые и взрослые дети, то есть проблема инфантилизма современного общества. Отделенность в будущем времени будущего поколения тождественна прожиганию жизни, и, как следствие, отделенности конструктов во времени — отсутствие воспитания.

Отсутствие воспитания полагается как невозможность социализации вообще. Поскольку социализация понимается как процесс включения в общество исключенного, маргинального, постольку она обнаруживает свою неприменимость, ненужность. Нет больше воспитания и социализации, потому что нет больше ничего лежащего вне «социального», асоциального. Но раз нет асоциального, маргинального, то социальное пространство обнаруживает себя через временность и историчность, через сменяющихся друг друга конструктов.

Ввиду того, что «общество» полагается как социальное пространство, то оно осмысляется как наполнение этого пространства, то есть конструктом. Но таким конструктом, который представляет собой общую структуру, местоположение или топологизацию социальных конструктов в пространстве. Поэтому

общества нет — есть социального пространство, молодежи нет — есть конструкт «молодое поколение», поэтому отнесение, идентификация себя с конструктом становится новой формой социализации, то есть «обнаружение» себя в социальном пространстве. Это так называемое «обнаружение» значительно управляемо, и зависит от уже-существующих конструктов. К примеру «я», которое обнаруживает себя этим прописанным-сконструированным-обязанным-соответствовать конструктом: «я» есть «молодой специалист». В этой связи актуальным становится не «Стратегия развития воспитания на период до 2025 года» [1], поскольку мысль значительно продвинулась дальше, а «Стратегия социального конструирования...».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-п). URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm/>
2. *Елишев С. О.* Молодежная проблематика и подходы к определению понятия “молодежь” в социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 200–223.
3. *Шматко Н. А.* Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия — трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 104–122.
4. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
5. *Чупров В. И.* Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 50–57.
6. *Кириллов П. Е.* Дискурс М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 24 с.
7. *Слотердайк П.* Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / пер. с нем. Т. Тягунова. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИКИ — Институт компьютерных исследований УдГУ

КНЦ УрО РАН — Коми научный центр УрО РАН

МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

МГТУ — Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ОИДР — Московское общество истории и древностей Российских

ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

СЭ — Советская этнография

Тр. ВУАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии

УдмФИЦ УрО РАН — Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук

Научное издание

Отв. ред.: Г. В. Мерзлякова

Сост.: В. В. Пузанов, Д. В. Репников

**Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству:
к 100-летию Удмуртской Республики
и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне**

*Компьютерная вёрстка и оригинал-макет:
В. В. Пузанов, Д. В. Репников*

Авторская редакция

Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 21,34.
Гарнитура «Таймс». Тираж 60 экз. Заказ № 2158.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1
E-mail: editorial@udsu.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95

Отпечатано в типографии
Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18

